

Дополнительные материалы

ФОР 2024 г.

к учебнику «Литература. 5 класс. В 2 частях»

В. Я. Коровиной, В. П. Журавлева, В. И. Коровина

Содержание

Номер урока	Название урока	Страница
Урок 1. Вводный	К читателям. Знакомимся с учебником. Советы для чтения и изучения	2
Урок 14. Резервный урок	Роды и жанры литературы и их основные признаки	2
Урок 15. Урок внеклассного чтения	Жанр басни в мировой литературе	6
Урок 16. Урок внеклассного чтения	Русские баснописцы XVIII века. А. П. Сумароков. «Кокушка». И. И. Дмитриев. «Муха»	9
Уроки 17—18	И. А. Крылов — великий русский баснописец. Басни «Ворона и Лисица», «Свинья под Дубом»	18
Урок 24	А. С. Пушкин. «Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях». Главные и второстепенные герои	24
Уроки 31—32. Резервные уроки	Реальность и фантастика в повести Н. В. Гоголя «Заколдованное место». Народная поэзия и юмор в повестях Н. В. Гоголя. Развитие представлений о фантастике. Сказочный характер фантастики в повести	30
Урок 57	Юмористические рассказы отечественных писателей XIX—XX веков. «Ёлка». М. М. Зощенко.	42
Урок 59	Произведения отечественной литературы о природе и животных. А. И. Куприн «Белый пудель»	46
Урок 68	Произведения отечественной литературы на тему «Человек на войне». Ю. Я. Яковлев. «Девочки с Васильевского острова»	76
Урок 69	К. М. Симонов. «Сын артиллериста». Проблематика героизма. Дети и взрослые в условиях военного времени	83
Урок 72. Резервный урок	Л. А. Кассиль. «Дорогие мои мальчишки». Идеино-нравственные проблемы в произведении	92
Урок 75	Произведения отечественных писателей XIX—XXI веков на тему детства. Ю. И. Коваль «Нулевой класс»	101
Урок 76	Произведения отечественных писателей XIX—XXI веков на тему детства. А. Г. Алексин. «Самый счастливый день»	105
Урок 77	Произведения отечественных писателей XIX—XXI веков на тему детства. В. П. Крапивин. «Старый дом»	111

Урок 79	Произведения отечественных писателей XIX—XXI веков на тему детства. В. К. Железников «Космонавт»	122
Уроки 80—82	Произведения приключенческого жанра отечественных писателей. К. Булычёв «Девочка, с которой ничего не случится». Проблематика произведений К. Булычёва	127
Урок 83	Литература народов Российской Федерации. Расул Гамзатов. «Песня соловья»	152
Урок 98	Зарубежная приключенческая проза. Р. Л. Стивенсон. «Чёрная стрела»	154
Урок 101	Зарубежная проза о животных. Э. Сетон-Томпсон. «Королевская Аналостанка»	167

Урок 1. Вводный.

К читателям. Знакомимся с учебником.

Советы для чтения и изучения

Дорогие ученики!

Вы приступаете к внимательному и серьёзному знакомству с мировой и прежде всего с русской классической, нашей отечественной, литературой. В связи с этим мы, авторы, хотим вам дать несколько советов.

Во-первых, изучаемое произведение должно быть прочитано полностью даже в том случае, если в учебнике вам предлагается для чтения одна или две главы из-за сравнительно большого объёма текста.

В-вторых, в произведении важно всё: и то, что происходит с героями и действующими лицами, каковы их взаимоотношения друг с другом, и то, в какой обстановке они живут, какова природы тех мест, в которых они находятся.

В-третьих, нужно обязательно обращать внимание на повествование: от чьего лица автор пишет. Он может рассказывать от лица неведомого автора, не обозначая его присутствие. Так, например, поступает Ю. П. Казаков в рассказе «Тихое утро». В таком случае повествователь является всеведущим и всемогущим: он знает о героях всё, потому что, основываясь на жизненных случаях, воображает, какие обстоятельства могли случиться с действующими

лицами и как они могли себя проявить в них. Бывает и так, что писатель пишет от своего лица, живя в произведении вместе с изображаемыми им людьми, наблюдая за ними, за их поступками. Есть и другие способы рассказывания: например, писатель передоверяет повествование герою или третьему лицу. Вероятно, многие из вас уже читали рассказы А. Конан Дойла о Шерлоке Холмсе и докторе Ватсоне. Так вот в одном из рассказов доктор Ватсон, недовольный тем, что заслуги Шерлока Холмса недооценены общественным мнением из-за неполноты освещения в печати его деятельности, берёт на себя смелость стать его летописцем и правдиво описывать роль знаменитого сыщика во всех событиях его жизни. К подобному способу рассказывания иногда обращался А. П. Чехов: сначала он начинал рассказ от третьего лица, а потом передавал слово одному из действующих лиц, который просил новое лицо поведать обещанную им историю.

Обращая внимание на форму повествования, вы поймёте её содержательность, прочно и сложно связанную с описываемыми событиями и характерами действующих лиц. Тем самым вы проникните в «лаборатории» писателей и много узнаете о тайнах их труда.

Урок 14. Резервный урок. Роды и жанры литературы и их основные признаки

1. Роды и жанры литературы и их основные признаки

Разделение литературных произведений на роды литературы сложилось исторически. Оно зависело от того способа, которым пользовался писатель, отражая жизнь в своём произведении. Если писатель хотел изобразить жизнь и человека объективно, то есть как бы со стороны, то такое изображение породило эпические произведения. Если писатель хотел в изображении жизни и человека выразить свои собственные мысли, чувства и переживания, то это способствовало появлению лирики. Если изображался сам процесс жизни и

общения людей, то это привело к созданию драмы. Таким образом, в соответствии с тремя способами изображения действительности и человеческой личности появились три литературных рода: эпос, лирика и драма. В пределах каждого рода выделяется множество разных видов (жанров): эпопея, былина, сказка, роман, повесть, поэма, рассказ, очерк, басня, анекдот и т. д. — в эпосе; стихотворение, романс, послание, элегия и т. д. — в лирике; трагедия, комедия, драма и т. д. — в драматическом роде. Произведения одного жанра характеризуются общими признаками.

Чтение статьи «Роды и жанры литературы».

Все произведения художественной литературы делятся на три большие группы, или, иначе, рода литературы: эпос, лирика, драма.

Эпические произведения повествуют о событиях, свершившихся с героями произведения. При этом автор выступает в роли хрониста, рассказчика. Позиция его будет в той или иной мере отстранённой.

Лирические произведения передают самые глубокие, душевные, непосредственно не связанные с рассудком чувства и переживания человека.

Драматические произведения предназначены для постановки на сцене. В них нет автора-повествователя или рассказчика. Персонажи принимают непосредственное участие в действии, которое разворачивается перед глазами зрителя здесь и сейчас.

Каждый род литературы состоит из более мелких групп произведений, которые называются жанрами.

Многие жанры, входящие в каждую из этих групп (родов), вам уже давно известны, например: эпос включает в себя рассказы, повести, крупные прозаические произведения — романы; лирика — стихотворения; драма — пьесы, сценки.

В дальнейшем ваши знания о жанрах будут расширяться. Вы узнаете о романах-эпопеях и трагедиях, поэмах и одах...

Обсуждение статьи «Роды и жанры литературы». Ответы на вопросы:
— С какими родами литературы вы познакомились?

— Чем различаются эпические, лирические и драматические произведения?

— Что такое жанры литературы? Назовите наиболее известные эпические, лирические и драматические жанры.

— Ответьте на вопросы и выполните задания из раздела «Проверьте себя».

Обобщающая беседа. Ответы на вопросы:

— Какие жанры литературы вы изучали в начальной школе? Приведите примеры.

— К каким родам литературы относятся эти жанры?

— Какова роль автора в каждом роде литературы?

Составление обобщающей таблицы с использованием статьи «Роды и жанры литературы» (примеры школьники могут вписать в таблицу дома):

№ п/п	Роды литературы	Особенности рода литературы	Жанры литературы	Примеры
1	Эпос	Эпические произведения повествуют о событиях, происходящих с героями произведения	Сказки, басни, рассказы, повести, романы	«Царевна-лягушка», «Журавль и цапля», «Солдатская шинель»
2	Лирика	Лирические произведения передают чувства, мысли, переживания человека	Стихотворения, песни, послания	
3	Драма	Драматические произведения изображают действия, в которых участвуют герои, и предназначены для постановки на сцене	Пьесы, сценки	

Итоговый вопрос:

— Какие роды и жанры литературы вы знаете?

Проверочная работа: запишите в три столбика продиктованные учителем названия произведений, изученных в начальной школе: 1 — эпические, 2 — лирические, 3 — драматические.

Русская народная сказка «Морозко»; А. С. Пушкин. «Няне»; М. Ю. Лермонтов. «Дары Терека», «Ашик-Кериб»; А. П. Чехов. «Мальчики»; Н. А. Некрасов. «Школьник»; И. А. Бунин. «Листопад»; С. Я. Маршак. «Теремок», «Кошкин дом».

2. Домашнее задание

Подготовить сообщение-монолог о литературных родах и жанрах. Завершить заполнение таблицы.

Индивидуальные задания. Используя энциклопедии или ресурсы Интернета, составить краткие сообщения о баснописцах Эзопе¹, Лафонтене² и подготовить выразительное чтение одной из их басен. Подготовить выразительное чтение нескольких басен разных баснописцев (по выбору учителя).

Урок 15. Урок внеклассного чтения.

Жанр басни в мировой литературе

1. Жанр басни

Актуализация имеющихся знаний о баснях.

Ответы на вопросы:

— Какие басни вы изучали в начальной школе? О чём эти басни? Кто их автор?

— Прочитайте выразительно басню, изученную в начальной школе.

— Чем басни отличаются от других литературных произведений?

— С какой целью писались басни?

— Кто является героями басен? Почему чаще всего это животные?

¹ См. URL: <http://www.litra.ru/biography/get/wrid/00078801189523119540>.

² См. URL: <http://www.megabook.ru/Article.asp?AID=645706>.

- Из каких частей состоят басни?
- Вспомните, что такое мораль и зачем она нужна в баснях.
- Почему мы относим басни к эпическому роду литературы?
- Найдите и прочитайте в словаре литературоведческих терминов статью «Басня».

Проводится концерт-миниатюра из подготовленных дома басен разных баснописцев (4—5 текстов).

2. Истоки басенного жанра: Эзоп, Лафонтен

Рассказ учителя об истоках возникновения басенного жанра.

Чтение статьи учебника «Басни» (см. учебник, ч. 1, с. 57) и обсуждение её содержания.

Ответы на вопросы:

- Что такое басня? Укажите её отличительные признаки.
- Когда и где зародился жанр басни? Каких первых баснописцев вы знаете?
- Чьи басни получили известность в Древней Греции, а затем во Франции?
- Назовите фамилии русских баснописцев. Басни какого автора вы уже изучали?
- Из каких частей состоит басня? Что такое мораль? Где она может находиться? Может ли мораль отсутствовать?
- Зачем в басню включалась мораль? Приведите примеры морали из известных вам басен.
- Что такое олицетворение и аллегория? Найдите эти термины в кратком словаре литературоведческих терминов (см. учебник, ч. 2, с. 308 — 314). Какую роль играют в баснях олицетворение и аллегория? Приведите примеры из басен, изученных в начальной школе.
- Прочитайте фрагменты из басен И. А. Крылова: «У сильного всегда бессильный виноват» («Волк и Ягнёнок»), «А вы, друзья, как ни садитесь / Всё

в музыканты не годитесь» («Квартет»). Как вы назовёте эти фрагменты? Чему они учат и от чего предостерегают?

Краткие сообщения учащихся о баснописцах Эзопе и Лафонтене и выразительное чтение их басен в русских переводах (см. URL: <http://lib.ru/POEEAST/EZOP/aesop.txt>; URL: http://az.lib.ru/l/lafonten_z/text_1668_basni-oldorfo.shtml).

— В чём нравоучительный смысл басен Эзопа и Лафонтена?

Составление плана монолога о жанре басни.

Вопросы	Пункты плана	Отличительные черты жанра басни
Что такое басня?	Определение жанра басни	Басня — это краткий стихотворный или прозаический рассказ нравоучительного характера, имеющий иносказательный, аллегорический смысл
К какому роду литературы относится басня?	Басня как эпический род литературы	Басня относится к эпическому роду литературы, потому что в ней рассказывается о событиях, происходящих с героями басни
Когда зародился жанр басни?	История возникновения басни	Жанр басни зародился в древнейшие времена, и уже в Древней Греции были известны басни Гесиода и Эзопа
Какой поэт прославился во Франции как автор басен?	Баснописцы Древней Греции и Европы	Во Франции как автор басен прославился поэт Лафонтен
Из каких частей состоит басня? Что такое мораль?	Структура басни. Роль морали в басне	Басня состоит из рассказа, содержащего событийную основу, и морали — нравоучительного вывода, который стоит перед рассказом или после него
Какую роль играет в басне олицетворение и аллегория (иносказание)?	Роль в басне олицетворения и аллегии	Героями басен могут быть не только люди, но и животные и неодушевлённые предметы. В баснях они говорят, думают, чувствуют, как живые существа, для чего используется приём

		олицетворения. Герои басен могут олицетворять отвлечённые понятия и человеческие черты: лиса — хитрость, муравей — трудолюбие, свинья — неблагодарность. Такой приём изображения называется аллегорией
Каких русских баснописцев вы знаете?	Баснописцы в русской литературе	В русской литературе в жанре басни писали в XVIII веке: М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, В. И. Майков, И. И. Хемницер, И. И. Дмитриев; в XX веке: С. В. Михалков. Самый известный русский баснописец первой половины XIX века — И. А. Крылов

Ответы на итоговые вопросы:

— К какому роду литературы относится басня?

— Чем басня отличается от других литературных жанров?

3. Домашнее задание

Подготовить сообщение о басне как литературном жанре по составленному плану.

Индивидуальное задание. Подготовить краткое сообщение о баснях А. П. Сумарокова и выразительное чтение одной из его басен.

Урок 16. Урок внеклассного чтения.

Русские баснописцы XVIII века. А. П. Сумароков. «Кокушка».

И. И. Дмитриев. «Муха»

1. Краткий рассказ о поэте

XVIII век дал русской литературе целую плеяду замечательных писателей, одним из которых был А. П. Сумароков. (*Показ и комментирование портрета писателя — художника Ф. Рокотова или А. Лосенко*). Сумароков создавал произведения в различных жанрах. Им было написано 9 трагедий и 12 комедий, а также около 400 басен.

Краткое сообщение учащегося о баснях А. П. Сумарокова с выразительным чтением 1—2 басен, например «Волк и Журавель» (см. URL: <http://www.probydis.ru/basni/basni-sumarokova/2574-basnya-sumarokova-volk-i-zhuravel.html>), «Горшки» (см. URL: <http://www.probydis.ru/basni/basni-sumarokova/2563-basnya-sumarokova-gorshki.html>).

2. Басня А. П. Сумарокова «Кокушка»

Подготовительная работа. Выполнение задания:

— Объясните лексическое значение слов, отмеченных сносками, а также слов и выражений: *молва* (приведите примеры однокоренных слов из современного русского языка: *молвить*, *замолвить*, *помолвка* и др.), *ответствует*, *не утаи*, *речи*, *людей на речь не позывало*, *сплести хвалу*.

А. П. Сумароков — один из самых ярких представителей русской литературы XVIII века. Он писал во множестве жанров: был и драматургом, и лирическим поэтом, и баснописцем. Прочитайте басню А. П. Сумарокова «Кокушка».

Кокушка¹

Грач вырвался из рук, из города домой.

Кокушка говорит: «Скажи, дружочек мой,

Какая в городе молва о песнях наших?»

Он ей отвечает: «Из жителей там ваших

Прославлен соловей, о нём везде слова,

О нём великая там носится молва».

Кокушка говорит: «О жавронке известно?»

Грач ей: «И жавронка там пение прелестно».

Кокушка говорит: «Во славе ль там скворец?»

Грач ей: «И он у них известный там певец».

Кокушка говорит: «С тобой жила я дружно.

¹ **Коку́шка** — так по-старинному, у А. П. Сумарокова; современное и правильное: кукушка.

Для дружбы той скажи, что знать ещё мне нужно,
Да только ничего, дружок, не утай.
Какие речи там про песенки мои?»
Грач ей: «О том людей на речь не позывало,
Как будто бы тебя на свете не бывало».
Кокушка говорит: «Коль люди без ума,
Так я могу сплести хвалу себе сама».

Ответы на вопросы:

— Басня написана в форме разговора двух персонажей — Кокушки и Грача. Каким термином можно определить такой разговор?

— Почему Кокушка просит прилетевшего из города Грача рассказать, что говорят люди о «песнях наших»? О чьих песнях на самом деле хочет услышать от Грача Кокушка?

— Почему Грач рассказывает о том, как горожане относятся к пению соловья, жаворонка, скворца, а про Кокушку не вспоминает?

— Как вы понимаете ответ Грача о пении Кокушки? Как этот ответ прозвучал бы на современном русском языке?

— Как характеризуют Кокушку её слова, завершающие басню?

— О каких людях идёт речь в басне? Какой человеческий порок осуждает баснописец?

— Есть ли в тексте басни строчки, содержащие мораль, нравоучительный вывод? Подразумевается ли этот вывод? Попробуйте самостоятельно сформулировать мораль басни.

3. Высмеивание незаслуженно высокого представления о себе и своих способностях

Творческое задание. Сочините мораль к басне «Кокушка», высмеяв в ней незаслуженно высокое представление людей о себе и своих способностях, например:

Я знаю: для людей не стоит и полушки¹

То незатейливое пение Кокушки.

Или:

«Ку-ку, ку-ку» — простая песнь Кокушки, но она

Собою так горда и так увлечена,

Что соловьём как будто рождена.

Или:

Не знаю я, за что хвалить такое пенье,

Когда таланта нет, есть только самомнение.

Обсуждение сочинённых школьниками и предложенных учителем моралей к басне. Аргументация своего мнения. (Творческое задание может быть завершено дома.)

Обучение выразительному чтению басни по ролям:

— Обсудите характерные черты каждой роли: автора, Грача, Кокушки.

— Выберите основную интонацию при чтении в зависимости от характера персонажа.

— Выявите логические ударения и смысловые паузы в каждой реплике персонажа.

— Соблюдайте интонационный рисунок при чтении вопросительных конструкций.

Ответ на итоговый вопрос:

— Какую нравственную цель преследовал А. П. Сумароков, создавая басню «Кокушка»?

4. Баснописец И. И. Дмитриев

Рассказ учителя о баснописце И. И. Дмитриеве с показом сделанной учителем презентации (изображения поэта, обложки его книг, тексты некоторых басен и звукозаписи романсов на его стихи) и включением

¹ **Полушка** — самая мелкая единица в старинном денежном счёте (см. URL:<http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz/17218>).

сообщения учащегося об интересных фактах биографии поэта. Учитель может воспользоваться материалами «Биографического словаря» в Интернете по адресу URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/biograf2/4844>.

Рассказ учителя дополняется подготовленным учениками выразительным чтением басен И. И. Дмитриева «Часовая стрелка», «Орёл и Змея», «Дуб и Трость», а также его песен «Стонет сизый голубочек...», «Что с тобою, ангел, стало?..», «Всех цветочков боле розу я любил...» (см. романс «Стонет сизый голубочек...» в формате mp3 в исполнении К. Плужникова по адресу URL: http://video.mail.ru/mail/elena.astakhova/_myvideo/16857.html).

5. Басня И. И. Дмитриева «Муха»: противопоставление труда и безделья.

Присвоение чужих заслуг. Смех над ленью и хвастовством

Выразительное чтение басни И. И. Дмитриева «Муха».

Муха

Бык с плугом на покой тащился по трудах;
А Муха у него сидела на рогах,
И Муху же они дорогой повстречали.
«Откуда ты, сестра?» — от этой был вопрос.
А та, поднявши нос,
В ответ ей говорит: «Откуда? Мы пахали!»

От басни завсегда
Нечаянно дойдёшь до были.
Случалось ли подчас вам слышать, господа:
«Мы сбили! Мы решили!»?

Аналитическая беседа. Ответы на вопросы:

— Какие слова и выражения басни являются устаревшими и нуждаются в комментариях?

— Каких людей имеет в виду И. И. Дмитриев в выражении из басни «Муха»:

Случалось ли подчас вам слышать, господа:

«Мы сбили! Мы решили!»?

— Какие слова в тексте басни указывают на то, как относится автор к Быку и Мухе?

— Является ли выражение «мы пахали» многозначным?

— Над чем смеётся баснописец? Какую жизненную позицию он осуждает?

— Найдите в басне мораль и прокомментируйте её.

— Почему поэт уверен, что «от басни завсегда нечаянно дойдёшь до были»? Как вы понимаете эти слова?

6. О басне «Муха»

Для басни «Муха» И. И. Дмитриев взял сюжет из крестьянской, сельской жизни. Известно, сколь тяжёл труд в деревне, особенно же тягостна была пахота земли. Раньше крестьяне вспахивали землю на лошадях или на быках. После трудового дня уставший и обессиленный Бык в басне Дмитриева медленно идёт домой. Баснописец выбирает для нужной ему картины выразительное слово «тащился», передавая усталость Быка, еле-еле передвигающего ноги. На рогах у Быка сидела Муха, которая, конечно же, ничего не делала, но видела, как тяжело приходится Быку вскапывать землю.

Но именно Муха приписывает себе равные с Быком заслуги: она, мол, тоже работала, тоже пахала. И даже гордо хвастается перед другой Мухой своими мнимыми трудовыми подвигами, не имея на то никаких оснований. Дмитриев, желая подчеркнуть лживые и пустые слова Мухи, ввёл выражение «поднявши нос»:

А та, поднявши нос,

В ответ ей говорит: «Откуда? Мы пахали!»

Слова Мухи «Мы пахали!» стали со времён Дмитриева крылатыми и вошли в народный обиход, в нашу речь: так стали говорить о всяком человеке, который стремится, не прилагая никаких усилий, присвоить себе чужой труд. Басня, следовательно, имеет в виду не только крестьянский или полевой труд, а всякую деятельность — физическую или умственную. В ней порицаются люди, которые, будучи бездельниками, мнят себя великими тружениками.

Ответы на вопросы:

— Почему в басне противопоставлены Бык и Муха?

— Какие крылатые выражения появились в русском языке благодаря басне «Муха»?

— В чём аллегорический смысл басни? Какие человеческие качества она высмеивает?

7. Особенности литературного языка XVIII столетия

Практическая работа. Выявление в баснях А. П. Сумарокова «Кокушка» и И. И. Дмитриева «Муха» особенностей литературного языка XVIII столетия. Составление таблицы соответствий. Второй столбик учащиеся заполняют самостоятельно с помощью словаря синонимов или консультаций учителя. Работа может быть организована в четырёх группах (по четыре слова или выражения) и завершена дома.

Устаревшие слова и выражения в баснях	Соответствия в современном русском литературном языке
«Кокушка»	
Кокушка	Кукушка
молва	разговоры, вести, слухи
ответствует	отвечает
о нём везде слова	о нём везде говорят
жавронок	жаворонок
во славе ль там скворец	прославлен, известен
для дружбы той скажи	скажи как друг, по-дружески, по дружбе

не утаи	скрыть, сохранить в тайне, умолчать
Какие речи там про песенки мои?	Что там говорят про мои песни?
о том людей на речь не позывало	о том люди не говорили
сплести хвалу	похвалиться
«Муха»	
тащился	медленно шёл, брёл, плёлся
по трудах	завершив труды (работу)
завсегда	всегда, обычно
от басни дойдёшь до были	от выдумки дойдёшь до реальности
подчас	иногда, изредка

Обучение выразительному чтению басни по партитурной разметке:

— Найдите в басне слова, которые нужно выделить логическими ударениями.

— Изучите в тексте знаки препинания и расставьте смысловые и ритмические паузы.

— Определите варианты интонационного повышения или понижения голоса в конце строк. Обратите внимание на вопросительные и восклицательные интонации.

— Попробуйте читать басню вслух по частям, соблюдая расставленные знаки. Обсудите выразительное чтение басни с вашими одноклассниками. (Особое внимание нужно обратить на правильное «чтение» знаков препинания.)

8. Басня в актёрском исполнении

Прослушивание басни И. И. Дмитриева «Муха» в актёрском исполнении (См. URL: <https://litruvne.ru/muha/>).

Ответы на вопросы:

— Как интонацией, тембром голоса актриса передаёт характер Мухи, которая «пахала»?

— Что меняется в манере чтения, когда читается мораль басни?

Ответ на итоговый вопрос:

— Какое выражение из басни можно использовать в своей речи как пословицу? Придумайте ситуацию, расскажите о ней, включив в повествование это выражение.

9. Домашнее задание

1. Выучить наизусть басню А. П. Сумарокова «Кокушка». Завершить сочинение морали к басне «Кокушка».

Индивидуальное задание. Подготовить краткое сообщение об интересных фактах биографии поэта и баснописца И. И. Дмитриева.

2. Выучить наизусть басню И. И. Дмитриева «Муха» и подготовить её выразительное чтение. Ответить письменно на итоговый вопрос урока. Завершить заполнение таблицы соответствий.

Индивидуальные задания. Подготовить сообщение о памятниках баснописцу И. А. Крылову. Подготовить чтение наизусть изученных ранее или самостоятельно прочитанных басен И. А. Крылова.

Групповое задание. Найти в книгах, словарях или Интернете сведения о баснописце И. А. Крылове, текст 2—3-х басен (по рекомендации учителя), 1—2 интересных факта биографии из публицистических источников, 2—3 портрета, 2—3 иллюстрации к басням. Принести подобранные материалы на урок (на бумажных и электронных носителях).

Материалы о баснописце И. А. Крылове можно найти на сайтах:

URL:<http://www.rvb.ru/18vek/krylov/tocvol3.htm>

URL:<http://www.kostyor.ru/biography/?n=83>

Уроки 17–18. И. А. Крылов — великий русский баснописец.

Басни «Ворона и Лисица», «Свинья под Дубом»

1. Рассказ о баснописце И. А. Крылове

Проведение школьного концерта, посвященного творчеству И. А. Крылова. Чтение наизусть басен И. А. Крылова, выученных учащимися, рецензирование чтения одноклассниками. Представление (по группам) собранной учащимися информации о баснописце И. А. Крылове.

Группа 1. Выразительное чтение 2—3-х басен И. А. Крылова.

Группа 2. Сообщение 1—2 интересных фактов биографии баснописца из публицистических источников, в том числе и из Интернета.

Группа 3. Показ галереи портретов баснописца с кратким рассказом о каждом портрете.

Группа 4. Показ иллюстраций к 2—3 басням И. А. Крылова с кратким рассказом об их авторах.

Рассказ о баснописце с показом учебной презентации, созданной учителем. Выразительное чтение статьи учебника «Иван Андреевич Крылов» (см. учебник, ч. 1, с. 55—56). Комментирование высказывания Н. В. Гоголя о баснописце: «Ни один из поэтов не умел сделать свою мысль такой ощутительной и выражаться так доступно всем, как Крылов. Поэт и мудрец слились в нём воедино». Объяснение незнакомых слов и понятий: *получить дворянство, влиятельные покровители, незначительные чины, приохотить, народные сборища, дар наблюдательной сосредоточенности, губернские канцелярии, журишь, идти в услужение, звезда ордена Святого Станислава, доколе.*

Составление плана статьи:

- Место рождения И. А. Крылова, его родители, материальное положение семьи.
- Отношения юного И. А. Крылова с матерью.
- Способности и любимые занятия будущего баснописца.
- Начало трудовой деятельности.
- Самовоспитание и самообразование И. А. Крылова.
- Начало литературного творчества.
- Юбилей баснописца.

2. Развитие представлений о жанре басни. Осмеяние человеческих пороков. Образы животных.

Басня «Ворона и Лисица» И. А. Крылова была написана в 1807 году и в 1808 году впервые опубликована в журнале «Драматический вестник». Для своего произведения И. А. Крылов использовал сюжет басни французского баснописца Ж. де Лафонтена «Ворон и Лис». Ж. де Лафонтен в свою очередь позаимствовал сюжет басни «Ворон и Лисица» древнегреческого баснописца Эзопа.

Выразительное чтение басни И. А. Крылова «Ворона и Лисица».

Ворона и Лисица

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Вороне где-то Бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да призадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близёхонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, — Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!

Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие пёрушки! какой носок!

И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись!
Что, ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица,
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещунина с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье спёрло, —
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во всё воронье горло:
Сыр выпал — с ним была плутовка такова.

Ответы на вопросы:

— Кто главные герои басни? В каких строчках заключена мораль басни?
В чём смысл морали?

— Какая ситуация подтверждает эту мораль? Как относится автор к Вороне и Лисице? Как он называет Лисицу? Какие хитрости пускает в ход Лисица, чтобы отобрать у Вороны сыр? Как передаёт баснописец состояние Вороны, услышавшей лестные слова? Кого осуждает И. А. Крылов? Кого высмеивает? Могло ли что-то подобное произойти с людьми? Были ли у вас похожие ситуации?

3. Выражение в баснях народной мудрости.

Поучительный характер басен.

Ответы на вопросы и выполнение заданий:

- Какие человеческие пороки высмеивает И. А. Крылов в басне?
- Олицетворением каких человеческих качеств являются в баснях Лисица, Ворона?
- Какова нравственная оценка поступков героев басни с точки зрения народной мудрости?
- Прочитайте басню Эзопа «Ворон и Лисица».

Ворон и Лисица

Ворон унёс кусок мяса и уселся на дереве. Лисица увидела, и захотелось ей получить это мясо. Стала она перед вороном и принялась его расхваливать: уж и велик он, и красив, и мог бы получше других стать царём над птицами, да и стал бы, конечно, будь у него ещё и голос. Ворону и захотелось показать ей, что есть у него голос; выпустил он мясо и закаркал громким голосом. А лисица подбежала, ухватила мясо и говорит:

«Эх, ворон, кабы у тебя ещё и ум был в голове, — ничего бы тебе больше не требовалось, чтоб царствовать».

Басня уместна против человека неразумного.

(Перевод М. Гаспарова)

— Сравните басню И. А. Крылова «Ворона и Лисица» с басней Эзопа «Ворон и Лисица». Что нового внёс в свою басню И. А. Крылов по сравнению с первоисточником?

— Прокомментируйте следующие высказывания педагогов о баснях И. А. Крылова.

1. Педагог Н. Бунаков писал о басне «Ворона и Лисица»: «Посмотрите, на чьей стороне симпатии вашего маленького слушателя — на стороне ли глупой, каркающей вороны или на стороне умной, но проголодавшейся говоруньи-лисицы? При этом помните... не научатся ли они скорее у умной лисицы искусно удовлетворять свой эгоизм, нежели презирать лесть и оберегаться её?»

2. В. Водовозов писал, что дети никак не могли согласиться с моралью басни. Моралью басни [«Уж сколько раз твердили миру, / Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок, / И в сердце льстец всегда отыщет уголок.»] Крылов настраивает на традиционную мудрость, идущую от Эзопа, — «лесть гнусна, вредна». Но, чтобы эта мораль стала поучительным уроком, нужно высмеять Лисицу. Если бы Лисица подавилась сыром или съела отравленный сыр, то льстец был бы наказан.

3. И. А. Крылов, конечно же, стоит не на стороне Лисицы, но ему важно

подчеркнуть, как убедительна лесть, как легко уловляет она тщеславие Вороны... Следовательно, смысл басни состоит не в том, чтобы научить умно и ловко льстить и брать пример с Лисицы, а в том, чтобы невзначай не оказаться Вороной...

Ответ на итоговый вопрос:

— В чём поучительный характер басни И. А. Крылова «Ворона и Лисица»?

4. Аллегория в басне. Нравственные уроки произведения.

«Свинья под Дубом»

Выразительное чтение басни И. А. Крылова «Свинья под Дубом».

Свинья под Дубом

Свинья под Дубом вековым

Наелась желудей досыта, до отвала,

Наевшись, выпалась под ним;

Потом, глаза продравши, встала

И рылом подрывать у Дуба корни стала.

«Ведь это дереву вредит, —

Ей с Дубу Ворон говорит, —

Коль корни обнажишь, оно засохнуть может».

«Пусть сохнет, — говорит Свинья, —

Ничуть меня то не тревожит;

В нём проку мало вижу я;

Хоть век его не будь, ничуть не пожалею,

Лишь были б жёлуди: ведь я от них жирею». —

«Неблагодарная! — промолвил Дуб ей тут, —

Когда бы вверх могла поднять ты рыло,

Тебе бы видно было,

Что эти жёлуди на мне растут».

Невежда также в ослепленье

Бранит науки, и ученье,
И все учёные труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

Ответы на вопросы:

- Что в басне аллегорического, иносказательного, а что могло бы произойти в жизни?
- Какой описывает Крылов Свинью?
- В каких строчках заключена мораль басни? Приведите различные случаи, ситуации, когда можно использовать мораль этой басни.
- Литературоведы считают, что в басне противопоставляются истинное просвещение с одной стороны и невежество — с другой. Согласны ли вы с этой точкой зрения?

5. Басня И. А. Крылова «Свинья под дубом»

в актёрском исполнении

Прослушивание басни И. А. Крылова «Свинья под дубом» в исполнении Народного артиста СССР Алексея Грибова (см. URL: <https://www.culture.ru/materials/202254/ivan-krylov-basni-dlya-5-klassa>).

Ответы на вопросы:

- Передал ли актёр авторское отношение к персонажам, действующим лицам басни? Какими исполнительскими средствами?
- Подготовьте чтение басни по ролям, постарайтесь выразить своё отношение к Ворону, Свинье, Дубу. Найдите интонации, с которыми, на ваш взгляд, лучше прочитать начало басни.

6. Домашнее задание

Выучить наизусть басню И. А. Крылова «Ворона и Лисица». Ответить письменно на итоговый вопрос урока.

Сделать иллюстрацию к басне И. А. Крылова «Свинья под Дубом».

Урок 24. А. С. Пушкин. «Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях».

Главные и второстепенные герои

1. Система образов

«Сказки о мёртвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина

Составление таблицы «Система образов сказки». Ответы на вопросы и выполнение заданий:

— Запишите в два столбика главных и второстепенных героев сказки.

Главные герои сказки	Второстепенные герои сказки	
Царица-мачеха	Царь	Пёс Соколко
Царевна	Царица	Солнце
Королевич Елисей	Чернавка	Месяц
Семь богатырей	Рассказчик	Ветер

— Какие из героев сказки являются олицетворением добрых сил, а какие несут зло?

— Каких героев в сказке больше? Как вы думаете, почему?

— Только ли царица является олицетворением злых сил? Можно ли считать воплощением злых сил Чернавку?

— С какими врагами сражались семь богатырей? Как реагировали люди на вопросы королевича Елисея, где его невеста? Почему ему помогли только солнце, ветер и месяц?

2. Общность и различие главных героев:

царица-мачеха и падчерица, царевна и Елисей,

царевна и богатыри, Елисей и богатыри

Сравнительная характеристика главных героев сказки (работа в группах):

Группа 1. Царица-мачеха и падчерица.

— Что общего у царицы-мачехи и её падчерицы-царевны? (Красота, ум, молодость, богатство.)

Внешность и черты характера	Царица-мачеха	Царевна
Красота	«Высока, стройна, бела...»; «Всех милее, / Всех румяней и белее...»	«Поднялась — и расцвела, / Белолица, черноброва...»; «К алым губкам поднесла...»; «Белы руки опустила...»
Ум, сообразительность	«И умом, и всем взяла...»	«Видит девица, что тут / Люди добрые живут; / Знать, не будет ей обидно!...»
Молодость	«...Молодица / Уж и впрямь была царица»	«Царевна молодая»
Богатство	«Ей в приданое дано / Было зеркальце одно»	«И приданое готово: / Семь торговых городов / Да сто сорок теремов»

— Что у них различного? Подтвердите свои мысли цитатами.

Черты характера, поведение, поступки, речь героев	Царица-мачеха	Царевна
Черты характера	<i>Отличалась отрицательными чертами характера: «Горда, ломлива, / Своенравна и ревнива...»; «Чёрной зависти полна...»; «Долго дулась и сердилась...»</i>	<i>Обладала только положительными чертами характера: «Нраву кроткого такого...»</i>
Поведение, поступки	<i>Эгоистка, любит только себя: «С ним одним [с зеркалом] она была / Добродушна, весела, / С ним приветливо шутила...»;</i>	<i>Незаметна, тиха, ни с кем не ссорится: «Тихомолком расцветая...». Любит трудиться: «Всё порядком убрала, / Засветила Богу свечку, / Затопила жарко</i>

	<p>«И царица хохотать, / И плечами пожимать, / И подмигивать глазами, / И прищёлкивать перстами, / И вертеться, подбочась, / Гордо в зеркальце глядясь».</p> <p><i>Не любит трудиться:</i> «Вот царица, наряжаясь...»; «Дома в ту пору без дела / Злая мачеха сидела...».</p> <p><i>Не терпит возражений даже от любимого зеркала:</i> «Как царица отпрыгнёт, / Да как ручку замахнёт, / Да по зеркальцу как хлопнет, / Каблучком-то как при-топнет!»; «Бросив зеркальце под лавку...».</p> <p><i>Властна, груба со слугами:</i> «Ей рогаткой угрожая...»</p>	<p>печку...»; «А хозяйюшкой она / В терему меж тем одна / Приберёт и приготовит...»;</p> <p>«Пряла, сидя под окном...»; «Не скучно ей / У семи богатырей...».</p> <p><i>Уважительно относится к людям, ведёт себя скромно, но с достоинством:</i> «Честь хозяям отдала, / В пояс низко поклонилась; / Закрасневшись, извинилась, что-де в гости к ним зашла, / Хотя звана и не была...»; «От зелёного вина / Отрекалася она; Пирожок лишь разломила, / Да кусочек прикусила...»</p>
Речь	<p><i>Грубые слова, резкие интонации, приказы:</i> «Ах ты, мерзкое стекло! / Это врёшь ты мне назло. / Как тягаться ей со мною? / Я в ней дурь-то успокою... / Вишь какая подросла!...»; «Как ты смела / Обмануть меня? и в чём?»</p>	<p><i>Умеет вежливо просить, уговаривать:</i> «Жизнь моя! / В чём, скажи, виновна я? / Не губи меня, девица! / А как буду я царица, я пожалую тебя...».</p> <p><i>Не гордится, не возвышается над людьми:</i> «Ой вы, молодцы честные, / Братцы вы мои родные...»</p>
Авторские оценки	«Баба гневная», «царица злая», «злая мачеха» и др.	«Моя душа»

Группа 2. Царевна и Елисей.

— Что общего у царевны и королевича Елисея? (Молодость, любовь, верность, красивая, ласковая речь.)

Общие качества	Царевна	Елисей
Молодость	«Царевна молодая...»; «За красавицей душой, / За невестой молодой...»; «Невеста молодая...»	«И жених сискался ей...»
Любовь	«Мне всех милей / Королевич Елисей...»; «И зарыдали оба...»	«Он горько плачет...»; «Королевич зарыдал...»; «На прекрасную невесту / Посмотреть ещё хоть раз...»; «В руки он её берёт / И на свет из тьмы несёт...»
Верность	«Но другому я навечно отдана...»	«И о гроб невесты милой / Он ударился всей силой...»
Красивая, выразительная речь	«Вмиг по речи те спознали, / Что царевну принимали...»; «Что, Соколко, что с тобою?..»	«Свет наш солнышко!..»; «Месяц, месяц, мой дружок, / Позолоченный рожок!»; «Аль откажешь мне в ответе?..»; «Беседуя приятно, / В путь пускаются обратно...»

— Что у них различного? Подтвердите свои мысли цитатами.

Различия	Царевна	Елисей
Черты характера	<i>Робость, застенчивость:</i> «...До смерти испугалась / И взмолилась...»	<i>Смелость, настойчивость:</i> «Помолясь усердно Богу, / Отправляется в дорогу...»; «За ним с мольбой погнался...»; «Не унывая, / К ветру кинулся, взывая...»

Группа 3. Царевна и богатыри.

— Что общего у царевны и семи богатырей? (Стремление к порядку, чистоте; уважение друг к другу, взаимопонимание; честность в отношениях; вежливая, красивая речь.)

Общие качества	Царевна	Семь богатырей
----------------	---------	----------------

Стремление к порядку, чистоте	«Всё порядком убрала...»	«Всё так чисто и красиво. / Кто-то терем прибирал / Да хозяев поджидал...»
Уважение друг к другу, взаимопонимание, дружба	«В пояс низко поклонилась, / Закрасневшись, извинилась...»; «Им она не прекословит...»	«Усадили в уголок, / Подносили пирожок...»; «Не перечат ей они...»; «Братья милую девицу / Полюбили...»; «Братья в горести душевной / все поникли головой...»
Честность в отношениях	«Коли лгу, пусть Бог велит / Не сойти живой мне с места. Как мне быть? ведь я невеста...»	«С нами честно подружися...»; «Будь нам милая сестрица...»; «Оному женою будь, / Прочим ласковой сестрою...»; «Женихи ей поклонились, / Потихоньку удалились...»
Вежливая, красивая речь	«Для меня вы все равны, / Все удалы, все умны, / Всех я вас люблю сердечно...»	«Спрос не грех. Прости ты нас...»; «Нами ты была любима / И для милого хранима...»

— Что у них различного? Подтвердите свои мысли цитатами.

Различия	Царевна	Богатыри
Черты характера	<i>Умеет понимать и прощать:</i> «Я не сержуся, — / Тихо молвила она: / — И отказ мой не вина...»	<i>Не выяснив причин, испытывают чувство обиды от отказа:</i> «Аль отказываешь нам? / Аль товар не по купцам?»

Группа 4. Елисей и богатыри.

— Что общего у королевича Елисея и семи богатырей? (Смелость, находчивость, честность, любовь к царевне.)

Общие качества	Елисей	Богатыри
Смелость	«Он отправился в дорогу / За красавицей душой...»; «За невестою своей / Королевич Елисей / Между тем по свету	«Братья дружною толпою / Выезжают погулять, / Серых уток пострелять, / Руку правую потешить, / Сорочина в поле спешить, /

	скачет...»; «К красну солнцу наконец / обратился молодец...»; «К ветру кинулся...»	Иль башку с широких плеч / У татарина отсечь, / Или вытравить из леса / Пятигорского черкеса...»
Честность	«И пошёл к пустому месту, / На прекрасную невесту / Посмотреть ещё хоть раз...»	«Помири нас как-нибудь: / Одному женою будь...»
Любовь к царевне	«И о гроб невесты милой / Он ударился всей силой...», «И с невестою своей / Обвенчался Елисей...»	«Тебя / все мы любим...»

— Что у них различного? Подтвердите свои мысли цитатами.

Различия	Елисей	Богатыри
Черты характера	<i>Повышенная эмоциональность, внешнее проявление чувств: «Зарыдал», «Горько плачет», «Взывая», «Помолясь».</i> <i>Экспрессивные обращения к силам природы: «Свет наш...», «Мой дружок...», «Ты могуч...»</i>	<i>Внутренняя стойкость, выдержка, умение скрывать свои чувства: «Братья молча постояли / Да в затылке почесали...»; «Женихи ей поклонились, / Потихоньку удалились...»; «Братья в горести душевной / Все поникли головой...»</i>

3. Народная мораль и нравственность в сказке А. С. Пушкина:

красота внешняя и внутренняя, победа добра над злом,

гармоничность положительных героев

Обобщающая беседа. Ответы на вопросы:

— Какие поступки героев говорят об их высоких моральных качествах, а какие противоречат народным идеалам добра и справедливости?

— В каких образах сказки и как Пушкин следует народным взглядам о красоте внешней и внутренней?

— Докажите, что в сказке Пушкина, как и в народных сказках, добро побеждает зло.

— Какие качества отрицательных героев сказки Пушкина с народной точки зрения достойны осуждения?

— Какие душевные качества, ценные для народного самосознания, отразились в образах положительных героев сказки Пушкина?

— Докажите, что положительные герои сказки являются гармоничными образами, т. е. у них нет противоречивых черт характера.

4. Домашнее задание

Письменное задание на выбор.

1. Ответить на вопрос «Как отразились в „Сказке о мёртвой царевне и о семи богатырях“ А. С. Пушкина народные представления о добре и зле?».

2. Сопоставить «Сказку о мёртвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина и сказку «Спящая царевна» В. А. Жуковского (текст сказки см. URL: <https://www.culture.ru/poems/17875/spyashaya-carevna-skazka>).

Групповое задание. Под руководством учителя и с помощью родителей подобрать текстовые и наглядные материалы для коллективного учебного проекта на тему «Сюжет о спящей царевне в сказках народов мира» или «Герои народных и литературных сказок в иллюстрациях».

Индивидуальное задание. К вечеру чтецов «Сказки Пушкина» подготовить выразительное чтение наизусть отрывка из «Сказки о мёртвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина.

Сделать иллюстрацию к наиболее интересным эпизодам сказки.

Посмотреть мультфильм «Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях» (1951), режиссёр И. Иванов-Вано.

Уроки 31—32. Резервные уроки.

Реальность и фантастика в повести Н. В. Гоголя «Заколдованное место». Народная поэзия и юмор в повестях Н. В. Гоголя.

Развитие представлений о фантастике. Сказочный характер фантастики в повести

1. Повесть Н. В. Гоголя «Заколдованное место».

Реальность и фантастика

Чтение повести Н. В. Гоголя «Заколдованное место».

Заколдованное место

*Быль, рассказанная дьячком ***ской церкви*

Ей-богу, уже надоело рассказывать! Да что вы думаете? Право, скучно: рассказывай, да и рассказывай, и отвязаться нельзя! Ну, извольте, я расскажу, только, ей-ей, в последний раз. Да, вот вы говорили насчёт того, что человек может совладать, как говорят, с нечистым духом. Оно, конечно, то есть, если хорошенько подумать, бывают на свете всякие случаи... Однако ж не говорите этого. Захочет обморочить дьявольская сила, то обморочит; ей-богу, обморочит! Вот извольте видеть: нас всех у отца было четверо. Я тогда был ещё дурень. Всего мне было лет одиннадцать; так нет же, не одиннадцать: я помню как теперь, когда раз побежал было на четвереньках и стал лаять по-собачьи, батко закричал на меня, покачив головою: «Эй, Фома, Фома! тебя женить пора, а ты дуреешь, как молодой лошак!» Дед был ещё тогда жив и на ноги — пусть ему легко икнётся на том свете — довольно крепок. Бывало, вздумает ...

Да что ж эдак рассказывать? Один выгребает из печки целый час уголь для своей трубки, другой зачем-то побежал за комору¹. Что, в самом деле!.. Добро бы поневоле, а то ведь сами же напросились. Слушать так слушать!

Батко ещё в начале весны повёз в Крым на продажу табак. Не помню только, два или три воза снарядил он. Табак был тогда в цене. С собою взял он трёх годового брата — приучать заранее чумаковать. Нас осталось: дед, мать, я, да брат, да ещё брат. Дед засеял баштан² на самой дороге и перешёл жить в курень³; взял и нас с собою гонять воробьёв и сорок с баштану. Нам это было нельзя сказать чтобы худо. Бывало, наешься в день столько огурцов, дынь, репы, цыбули⁴, гороху, что в животе, ей-богу, как будто петухи кричат. Ну, оно притом же и прибыльно. Проезжие толкуются по дороге, всякому захочется

¹ Комора — амбар. (Из словаря Гоголя.)

² Баштан — место, засеянное арбузами и дынями. (Из словаря Гоголя.)

³ Курень — соломенный шалаш. (Из словаря Гоголя.)

⁴ Цыбуля — лук. (Из словаря Гоголя.)

полакомиться арбузом или дынею. Да из окрестных хуторов¹, бывало, нанесут на обмен кур, яиц, индеек. Житьё было хорошее.

Но деду более всего любо было то, что чумаков² каждый день возов пятьдесят проедет. Народ, знаете, бывалый: пойдёт рассказывать — только уши развешивай! А деду это всё равно что голодному галушки³. Иной раз, бывало, случится встреча с старыми знакомыми, — деда всякий уже знал, — можете посудить сами, что бывает, когда соберётся старьё: тара, тара, тогда-то да тогда-то, такое-то да такое-то было... ну, и разольются! вспомнят бог знает когдашнее.

Раз, — ну вот, право, как будто теперь случилось, — солнце стало уже садиться; дед ходил по баштану и снимал с кавунов⁴ листья, которыми прикрывал их днём, чтоб не попеклись на солнце.

— Смотри, Остап! — говорю я брату, — вон чумаки едут!

— Где чумаки? — сказал дед, положивши значок на большой дыне, чтобы на случай не съели хлопцы.

По дороге тянулось точно возов шесть. Впереди шёл чумак уже с сизыми усами. Не дошедши шагов — как бы вам сказать — на десять, он остановился.

— Здорово, Максим! Вот привёл Бог где увидеться! Дед прищурил глаза:

— А! здорово, здорово! откуда Бог несёт? И Болячка здесь? здорово, здорово, брат! Что за дьявол! да тут все: и Крутотрыщенко! и Печерыця и Ковелёк! и Стецько! здорово! А, га, га! го, го!.. — И пошли целоваться.

Волов распрягли и пустили пастись на траву. Возы оставили на дороге; а сами сели все в кружок впереди куреня <...>. После полдника стал дед потчевать гостей дынями. Вот каждый, взявши по дыне, обчистил её чистенько ножиком (калачи все были тёртые, мыкали немало, знали уже, как едят в свете; пожалуй, и за панский стол хоть сейчас готовы сесть), обчистивши хорошенько, проткнул каждый пальцем дырочку, выпил из неё кисель, стал резать по кусочкам и класть в рот.

— Что ж вы, хлопцы, — сказал дед, — рты свои разинули? танцуйте, собачьи дети! Где, Остап, твоя сопилка⁵? А ну-ка козачка! Фома, берись в боки! ну! вот так! гей, гоп! Я был тогда малый подвижной. Старость проклятая! теперь уже не пойду так; вместо всех

¹ **Хутор** — небольшая деревня. (Из словаря Гоголя.)

² **Чумаки** — обозники, едущие в Крым за солью и рыбой.

³ **Галушки** — клёцки. (Из словаря Гоголя.)

⁴ **Кавун** — арбуз.

⁵ **Сопилка** — род флейты. (Из словаря Гоголя.)

выкрутасов ноги только спотыкаются. Долго глядел дед на нас, сидя с чумаками. Я замечаю, что у него ноги не постоят на месте: так, как будто их что-нибудь дёргает.

— Смотри, Фома, — сказал Остап, — если старый хрен не пойдёт танцевать!

Что ж вы думаете? не успел он сказать — не вытерпел старичина! захотелось, знаете, прихвастнуть пред чумаками.

— Вишь, чёртовы дети! разве так танцуют? Вот как танцуют! — сказал он, поднявшись на ноги, протянув руки и ударив каблуками. Ну, нечего сказать, танцевать-то он танцевал так, хоть бы и с гетьманшею¹. Мы посторонились, и пошёл хрен вывёртывать ногами по всему гладкому месту, которое было возле грядки с огурцами. Только что дошёл, однако ж, до половины и хотел разгуляться и выметнуть ногами на вихорь какую-то свою штуку, — не поднимаются ноги, да и только! Что за пропасть! Разогнался снова, дошёл до середины — не берёт! что хочь делай: не берёт, да и не берёт! ноги как деревянные стали! «Вишь, дьявольское место! вишь, сатанинское наваждение! впутается же ирод, враг рода человеческого!»

Ну, как наделать сраму перед чумаками? Пустился снова и начал чесать дробно, мелко, любо глядеть; до середины — нет! не вытанцовывается, да и полно!

— А, шельмовский сатана! чтоб ты подавился гнилою дынею! чтоб ещё маленьким издохнул, собачий сын! вот на старость наделал стыда какого!..

И в самом деле сзади кто-то засмеялся. Оглянулся: ни баштану, ни чумаков, ничего; назади, впереди, по сторонам — гладкое поле.

— Э! ссс... вот тебе на!

Начал прищуривать глаза — место, кажись, не совсем незнакомое: сбоку лес, из-за леса торчал какой-то шест и виделся прочь далеко в небе. Что за пропасть! да это голубятня, что у попа в огороде! С другой стороны тоже что-то сереет; вгляделся: гумно² волостного писаря³. Вот куда затащила нечистая сила! Поколесивши кругом, наткнулся он на дорожку. Месяца не было; белое пятно мелькало вместо него сквозь тучу. «Быть завтра большому ветру!» — подумал дед. Глядь, в стороне от дорожки на могилке вспыхнула свечка.

— Вишь! — стал дед и руками подпёрся в боки и глядит: свечка потухла; вдали и немного подальше загорелась другая. — Клад! — закричал дед. — Я ставлю Бог знает что, если не клад! — и уже поплевал было в руки, чтобы копать, да спохватился, что нет при нём

¹ **Гетьман (гетман)** — в старину начальник казачьего войска.

² **Гумно** — специально огороженное помещение для складывания и молотбы сжатого хлеба.

³ **Волостной писарь** — писарь волостного правления, ведавшего полицейскими и административными делами.

ни заступа, ни лопаты. — Эх жаль! ну, кто знает, может быть, стоит только поднять дёрн¹, а он тут и лежит, голубчик! Нечего делать, назначить, по крайней мере, место, чтобы не позабыть после!

Вот, перетянувши сломленную, видно вихрем, порядочную ветку дерева, навалил он её на ту могилку, где горела свечка, и пошёл по дорожке. Молодой дубовый лес стал редеть; мелькнул плетень. «Ну, так! не говорил ли я, — подумал дед, — что это попова левада²? Вот и плетень его! теперь и версты³ нет до баштана». Поздненько, однако ж, пришёл он домой и галушек не захотел есть. Разбудивши брата Остапа, спросил только, давно ли уехали чумаки, и завернулся в тулуп. И когда тот начал было спрашивать:

— А куда тебя, дед, черти дели сегодня?

— Не спрашивай, — сказал он, завёртываясь ещё крепче, — не спрашивай, Остап; не то поседеешь! — И захрапел так, что воробьи, которые забрались было на баштан, поподымались с перепугу на воздух. Но где уж там ему спалось! Нечего сказать, хитрая была бестия, дай Боже ему Царствие Небесное! — умел отделаться всегда. Иной раз такую запоёт песню, что губы станешь кусать.

На другой день, чуть только стало смеркаться в поле, дед надел свитку⁴, подпоясался, взял под мышку заступ и лопату, надел на голову шапку, выпил кухоль⁵ сировцу⁶, утёр губы полою и пошёл прямо к попову огороду. Вот минул и плетень, и низенький дубовый лес. Промеж деревьев вьётся дорожка и выходит в поле. Кажись, та самая. Вышел и на поле — место точь-в-точь вчерашнее: вон и голубятня торчит; но гумна не видно. «Нет, это не то место. То, стало быть, подальше; нужно, видно, поворотить к гумну!» Поворотил назад, стал идти другою дорогою — гумно видно, а голубятни нет! Опять поворотил поближе к голубятне — гумно спряталось. В поле, как нарочно, стал накрапывать дождик. Побежал снова к гумну — голубятня пропала; к голубятне — гумно пропало.

— А чтоб ты, проклятый сатана, не дождал детей своих видеть!

А дождь пустился, как будто из ведра.

Вот, скинувши новые сапоги и обернувши в хустку⁷, чтобы не покоробились от дождя, задал он такого бегуна, как будто панский иноходец. Влез в курень, промокси

¹ Дёрн — верхний слой почвы.

² Левада — усадьба. (Из словаря Гоголя.)

³ Верста — мера длины, равная 1,06 км.

⁴ Свитка — род полукафтаны. (Из словаря Гоголя.)

⁵ Кухоль — глиняная кружка. (Из словаря Гоголя.)

⁶ Сировец — хлебный квас. (Из словаря Гоголя.)

⁷ Хустка — платок. (Из словаря Гоголя.)

насквозь, накрылся тулупом и принялся ворчать что-то сквозь зубы и приголубливать чёрта такими словами, каких я ещё отроду не слыхивал. Признаюсь, я бы, верно, покраснел, если бы случилось это среди дня.

На другой день проснулся, смотрю: уже дед ходит по баштану как ни в чём не бывало и прикрывает лопухом арбузы. За обедом опять старичина разговорился, стал пугать меньшего брата, что он обменяет его на кур вместо арбуза; а пообедавши, сделал сам из дерева пищик¹ и начал на нём играть; и дал нам забавляться дыню, свернувшуюся в три погибели, словно змею, которую называл он турецкою. Теперь таких дынь я нигде и не видывал. Правда, семена ему что-то издалека достались.

Вечеру, уже повечерявши², дед пошёл с заступом прокопать новую грядку для поздних тыков. Стал проходить мимо того заколдованного места, не вытерпел, чтобы не проворчать сквозь зубы: «Проклятое место!» — взошёл на середину, где не вытанцовалось позавчера, и ударил в сердцах заступом. Глядь, вокруг него опять то же самое поле: с одной стороны торчит голубятня, а с другой гумно. «Ну, хорошо, что догадался взять с собою заступ. Вон и дорожка! вон и могила стоит! вон и ветка навалена! вон-вон горит и свечка! Как бы только не ошибиться».

Потихоньку побежал он, поднявши заступ вверх, как будто бы хотел им попотчевать кабана, затесавшегося на баштан, и остановился перед могилою. Свечка погасла; на могиле лежал камень, заросший травой. «Этот камень нужно поднять!» — подумал дед и начал обкапывать его со всех сторон. Велик проклятый камень! вот, однако ж, упёршись крепко ногами в землю, пихнул он его с могилы. «Гу!» — пошло по долине. «Туда тебе и дорога! Теперь живее пойдёт дело». Тут дед остановился, достал рожок³, насыпал на кулак табаку и готовился было поднести к носу, как вдруг над головою его «чихи!» — чихнуло что-то так, что покачнулись деревья и деду забрызгало всё лицо.

— Отворотился хоть бы в сторону, когда хочешь чихнуть! — проговорил дед, протирая глаза. Осмотрелся — никого нет. — Нет, не любит, видно, чёрт табаку! — продолжал он, кладя рожок в пазуху и принимаясь за заступ. — Дурень же он, а такого табаку ни деду, ни отцу его не доводилось нюхать!

Стал копать — земля мягкая, заступ так и уходит. Вот что-то звякнуло. Выкидавши землю, увидел он котёл.

¹ **Пищик** — пищалка, дудка, небольшая свирель. (Из словаря Гоголя.)

² **Вечерять** — ужинать.

³ **Рожок** — воловий рог, пустой внутри, заменявший табакерку.

— А, голубчик, вот где ты! — вскрикнул дед, подсовывая под него заступ.

— А, голубчик, вот где ты! — запищал птичий нос, клюнувши котёл. Посторонился дед и выпустил заступ.

— А, голубчик, вот где ты! — заблеяла баранья голова с верхушки дерева.

— А, голубчик, вот где ты! — заревел медведь, высунувши из-за дерева своё рыло.

Дрожь проняла деда.

— Да тут страшно слово сказать! — проворчал он про себя.

— Тут страшно слово сказать! — пискнул птичий нос.

— Страшно слово сказать! — заблеяла баранья голова.

— Слово сказать! — ревнул медведь.

— Гм... — сказал дед и сам перепугался.

— Гм! — пропищал нос.

— Гм! — проблеял баран.

— Гум! — заревел медведь.

Со страхом оборотился он: Боже ты мой, какая ночь! ни звёзд, ни месяца; вокруг провалы; под ногами круча без дна; над головою свесилась гора и вот-вот, кажись, так и хочет оборваться на него! И чудится деду, что из-за неё мигает какая-то харя: у! у! нос — как мех в кузнице; ноздри — хоть по ведру воды влей в каждую! губы, ей-богу, как две колоды! красные очи выкатились наверх, и ещё и язык высунула и дразнит!

— Чёрт с тобою! — сказал дед, бросив котёл. — На тебе и клад твой! Экая мерзостная рожа! — и уже ударился было бежать, да огляделся и стал, увидевши, что всё было по-прежнему. — Это только пугает нечистая сила!

Принялся снова за котёл — нет, тяжёл! Что делать? Тут же не оставить! Вот, собравши все силы, ухватился он за него руками.

— Ну, разом, разом! ещё, ещё! — и вытащил! — Ух! Теперь понюхать табаку!

Достал рожок; прежде, однако ж, чем стал насыпать, осмотрелся хорошенько, нет ли кого: кажись, что нет; но вот чудится ему, что пень дерева пыхтит и дуется, показываются уши, наливаются красные глаза; ноздри раздулись, нос поморщился и вот так и собирается чихнуть. «Нет, не понюхаю табаку, — подумал дед, спрятавши рожок, — опять заплёт сатана очи». Схватил скорее котёл и давай бежать, сколько доставало духу; только слышит, что сзади что-то так и чешет прутьями по ногам... «Ай! ай, ай!» — покрикивал только дед, ударив во всю мочь; и как добежал до попова огорода, тогда только перевёл немного дух.

«Куда это зашёл дед?» — думали мы, дожидаясь часа три. Уже с хутора давно пришла мать и принесла горшок горячих галушек. Нет да и нет деда! Стали опять вечерять сами. После вечери вымыла мать горшок и искала глазами, куда бы вылить помои, потому что вокруг всё были гряды; как видит, идёт прямо к ней навстречу кухва¹. На небе было-таки темненько. Верно, кто-нибудь из хлопцев, шая, спрятался сзади и подталкивает её.

— Вот кстати, сюда вылить помои! — сказала и вылила горячие помои.

— Ай! — закричало басом.

Глядь — дед. Ну, кто его знает! Ей-богу, думали, что бочка лезет. Признаюсь, хоть оно и грешно немного, а, право, смешно показалось, когда седая голова деда вся была окутана в помои и обвешана корками с арбузов и дыней.

— Вишь, чёртова баба! — сказал дед, утирая голову полою, — как опарила! как будто свинью перед Рождеством! Ну, хлопцы, будет вам теперь на бублики! Будете, собачьи дети, ходить в золотых жупанах²! Посмотрите-ка, посмотрите сюда, что я вам принёс! — сказал дед и открыл котёл.

Что ж бы, вы думали, такое там было? ну, по малой мере, подумавши хорошенько, а? золото? Вот то-то, что не золото: сор, дрязг... стыдно сказать, что такое. Плюнул дед, кинул котёл и руки после того вымыл.

И с той поры заклил дед и нас верить когда-либо чёрту.

— И не думайте! — говорил он часто нам, — всё, что ни скажет враг Господа Христа, всё солжёт, собачий сын! У него правды и на копейку нет!

И, бывало, чуть только услышит старик, что в ином месте беспокойно:

— А ну-те, ребята, давайте крестить! — закричит к нам. — Так его! так его! хорошенько! — и начнёт класть кресты. А то проклятое место, где не вытанцовалось, загородил плетнём, велел кидать всё, что ни есть непотребного, весь бурьян и сор, который выгребал из баштана.

Так вот как морочит нечистая сила человека! Я знаю хорошо эту землю: после того нанимали её у батька под баштан соседние козаки. Земля славная! и урожай всегда бывал на диво; но на заколдованном месте никогда не было ничего доброго. Засеют как следует, а взойдёт такое, что и разобрать нельзя: арбуз не арбуз, тыква не тыква, огурец не огурец... чёрт знает что такое!

¹ **Кухва** — род кадки, похожей на опрокинутую дном кверху бочку. (Из словаря Гоголя.)

² **Жупан** — старинная верхняя одежда.

2. Чтение и анализ реальных и фантастических эпизодов

Практикум по анализу эпизодов (в группах).

Группа 1. «Приезд чумаков» (со слов «Батяка ещё в начале весны...» до слов «И пошли целоваться»).

Группа 2. «Дед пляшет на заколдованном месте» (со слов «Ну, нечего сказать, танцевать-то он танцевал так...» до слов «...Чтобы не позабыть после»).

Группа 3. «Дед выкапывает клад» (со слов «Со страхом оборотился он...» до слов «...тогда только перевёл немного дух»).

Группа 4. «Дед возвращается с кладом» (со слов «Куда это зашёл дед?..» до слов «У него правды и на копейку нет»).

Ответы на вопросы и выполнение заданий:

— Обратите внимание на знаки препинания и выразительно прочитайте эпизод с нужными интонациями.

— Подумайте, как нужно прочитать слова деда, чтобы почувствовать гоголевский юмор.

— Какие события происходят в эпизоде? Реальные или фантастические события отражены в эпизоде? Докажите свою точку зрения.

— Дайте краткую характеристику героев фрагмента (деда, рассказчика и др.).

— Каково настроение эпизода? Какими средствами оно создаётся?

— Есть ли в эпизоде описания природы и портреты персонажей? Какова их роль в тексте?

— Как в речи персонажей отразился их внутренний мир? Какой он?

— Каково авторское отношение к описанному событию? Докажите текстом, что автору нравятся (или не нравятся) его герои. Какими способами выражается в повести авторская позиция?

Обобщение и структурирование наблюдений по плану анализа эпизода:

I. Эпизод как самостоятельный структурный элемент, законченное целое.

1. Границы эпизода (появление или исчезновение героев, описания, авторские отступления и т. п.).

2. Сюжет эпизода, его завязка, развитие действия, кульминация и развязка.

3. Речевой строй фрагмента:

1) диалог (основной конфликт диалога, особенности слов автора, подтекст);

2) повествование (время и место действия, события и их динамика, герои и их поступки, взаимосвязь героев и событий, речевые характеристики героев);

3) описание (портрет, пейзаж, интерьер; чьими глазами он даётся;

4) способы описания внутреннего состояния героев; роль художественных деталей).

4. Роль изобразительно-выразительных средств языка.

5. Авторская позиция в эпизоде.

II. Эпизод как часть произведения.

1. Место данного фрагмента в произведении (чем является эпизод в развитии сюжета всего произведения).

2. Герои эпизода в системе образов произведения (какие герои действуют в эпизоде: главные или второстепенные, мужские образы или женские, молодые или старые).

3. Отражение в эпизоде основной проблемы произведения (какую часть общего вопроса, поставленного писателем в книге, решает данный эпизод).

III. Выводы. Роль данного эпизода в произведении (есть ли похожие эпизоды в других произведениях писателя, как связан данный фрагмент с творчеством писателя).

Обобщающая беседа. Ответы на вопросы:

- Смешно или страшно вам было читать эти эпизоды?
- Докажите, что фантастические картины повести напоминают русские сказки. В чём их сходство и различия?

3. Развитие представлений о юморе

Работа со «Словарём литературоведческих терминов». Поиск цитатных примеров из повести, иллюстрирующих понятия «фантастика», «юмор».

Заполнение аналитической таблицы, приведение цитатных примеров:

Фантастика	Юмор
«Не поднимаются ноги»	«В животе... как будто петухи кричат»

Работа с таблицей может быть завершена дома.

Обобщающая беседа. Ответы на вопросы:

— Какие чувства вызывают у читателя фантастические картины повести? Читая их, действительно страшно или в них, как в сказках, чувствуется счастливый финал, победа добра над злом?

— Какой смысл заключён в том, что в котле, выкопанном дедом, оказался только мусор? Какое отношение к Богу и нечистой силе выражает этот факт?

— Как, по-вашему, можно ответить на вопрос, заданный в начале повести: «Может ли человек совладать с нечистым духом?» Как автор отвечает на этот вопрос?

Чтение статьи «Из воспоминаний современников о Н. В. Гоголе».

Из воспоминаний современников о Н. В. Гоголе

Современники отмечали, что игра в театре во времена учёбы в гимназии была страстью Гоголя; он особенно отличался в ролях старух. Ещё одной страстью Гоголя были книги, и он «берёт книги как драгоценность и особенно любил миниатюрные издания».

Т. Г. Пащенко (учился в Нежинской гимназии высших наук князя И. А. Безбородко с Н. В. Гоголем) свои воспоминания о писателе назвал «Черты из жизни Гоголя», где писал: «Наш знаменитый Гоголь, при замечательной оригинальности своей, был неподражаемый комик, мимик и превосходный чтец... Гоголь и Прокопович были главными авторами и исполнителями пьес (имеется в виду гимназия). Гоголь любил преимущественно комические пьесы и брал роли стариков, а Прокопович — трагические... Гоголь взялся сыграть роль дяди-старика — страшного скряги. В этой роли Гоголь практиковался более месяца. По целым часам просиживал он перед зеркалом и пригinal нос к подбородку, пока наконец не достиг желаемого... Думается, что Гоголь затмил бы и знаменитых комиков-артистов, если бы вступил на сцену».

Ответ на вопрос:

— Как вы думаете, помогло ли Гоголю увлечение театром, умение читать и ставить пьесы, перевоплощаться в самых разных героев в процессе работы над рассказами, повестями и пьесами, которые он создавал? Подтвердите своё мнение примерами из гоголевского текста.

4. Домашнее задание

Групповые задания.

1. Заполнить аналитическую таблицу. Сделать вывод о роли юмора и фантастики в повести. Прочитать повести «Майская ночь, или Утопленница», «Ночь перед Рождеством» и «Страшная месть» из сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки» (по группам).

2. Составить электронную презентацию «Фантастические картины „Вечеров на хуторе близ Диканьки“ в иллюстрациях» (поиск, отбор и структурирование изображений, их показ и комментирование на уроке).

Индивидуальное задание. Нарисовать свою иллюстрацию к одной из повестей Гоголя.

Урок 57. Юмористические рассказы отечественных писателей XIX–XX веков. «Ёлка». М. М. Зощенко.

1. Рассказ М. М. Зощенко «Ёлка»

Рассказ «Ёлка» был написан М. М. Зощенко в 1934 году. Он входит в сборник рассказов для детей «Лёлька и Минька». В этом сборнике все произведения автобиографические, в них автор вспоминает членов своей семьи и себя маленьким. В состав цикла входят рассказы: «Ёлка», «Бабушкин подарок», «Галоши и мороженое», «Не надо врать», «Через тридцать лет», «Находка», «Великие путешественники», «Золотые слова». Все рассказы объединены образами главных героев — Миньки и его сестры Лёли. Повествование ведётся от лица рассказчика, вспоминающего комические и поучительные эпизоды из своего детства. В рассказе «Ёлка» М. М. Зощенко описал поучительную историю о жадности, поступок, за который маленьким героям пришлось отвечать.

Чтение рассказа М. М. Зощенко «Ёлка».

Ёлка

В этом году мне исполнилось, ребята, сорок лет. Значит, выходит, что я сорок раз видел новогоднюю ёлку. Это много!

Ну, первые три года жизни я, наверно, не понимал, что такое ёлка. Наверно, мама выносила меня на ручках. И, наверно, я своими чёрными глазёнками без интереса смотрел на разукрашенное дерево.

А когда мне, дети, ударило пять лет, то я уже отлично понимал, что такое ёлка.

И я с нетерпением ожидал этого весёлого праздника. И даже в щёлочку двери подглядывал, как моя мама украшает ёлку.

А моей сестрёнке Лёле было в то время семь лет. И она была исключительно бойкая девочка.

Она мне однажды сказала:

— Минька, мама ушла на кухню. Давай пойдём в комнату, где стоит ёлка, и поглядим, что там делается.

Вот мы с сестрёнкой Лёлей пошли в комнату. И видим: очень красивая ёлка. А под ёлкой лежат подарки. А на ёлке разноцветные бусы, флаги, фонарики, золотые орехи, пастилки и крымские яблочки.

Моя сестрёнка Лёля говорит:

— Не будем глядеть подарки. А вместо того давай лучше съедим по одной пастилке.

И вот она подходит к ёлке и моментально съедает одну пастилку, висящую на ниточке.

Я говорю:

— Лёля, если ты съела пастилку, то я тоже сейчас что-нибудь съем.

И я подхожу к ёлке и откусываю маленький кусочек яблока. Лёля говорит:

— Минька, если ты яблоко откусил, то я сейчас другую пастилку съем и вдобавок возьму себе ещё эту конфетку.

А Лёля была очень такая высокая, длинновязая девочка. И она могла высоко достать.

Она встала на цыпочки и своим большим ртом стала поедать вторую пастилку.

А я был удивительно маленького роста. И мне почти что ничего нельзя было достать, кроме одного яблока, которое висело низко.

Я говорю:

— Если ты, Лёлища, съела вторую пастилку, то я ещё раз откушу это яблоко.

И я снова беру руками это яблочко и снова его немножко откусываю. Лёля говорит:

— Если ты второй раз откусил яблоко, то я не буду больше церемониться и сейчас съем третью пастилку и вдобавок возьму себе на память хлопушку и орех.

Тогда я чуть не заревел. Потому что она могла до всего дотянуться, а я нет. Я ей говорю:

— А я, Лёлища, как подставлю к ёлке стул и как достану себе тоже что-нибудь, кроме яблока.

И вот я стал своими худенькими ручонками тянуть к ёлке стул. Но стул упал на меня. Я хотел поднять стул. Но он снова упал. И прямо на подарки.

Лёля говорит:

— Минька, ты, кажется, разбил куклу. Так и есть. Ты отбил у куклы фарфоровую ручку.

Тут раздались мамины шаги, и мы с Лёлей убежали в другую комнату. Лёля говорит:

— Вот теперь, Минька, я не ручаюсь, что мама тебя не выдерет.

Я хотел зареветь, но в этот момент пришли гости. Много детей с их родителями.

И тогда наша мама зажгла все свечи на ёлке, открыла дверь и сказала:

— Все входите.

И все дети вошли в комнату, где стояла ёлка. А наша мама говорит:

— Теперь пусть каждый ребёнок подходит ко мне, и я каждому буду давать игрушку и угощение.

И вот дети стали подходить к нашей маме. И она каждому дарила игрушку. Потом снимала с ёлки яблоко, пастилку и конфету и тоже дарила ребёнку.

И все дети были очень рады.

Потом мама взяла в руки то яблоко, которое я откусил, и сказала:

— Лёля и Минька, подойдите сюда. Кто из вас откусил это яблоко?

Лёля сказала:

— Это Минькина работа.

Я дёрнул Лёлю за косичку и сказал:

— Это меня Лёлька научила.

Мама говорит:

— Лёлю я поставлю в угол носом, а тебе я хотела подарить заводной паровозик. Но теперь этот заводной паровозик я подарю тому мальчику, которому я хотела дать откусанное яблоко.

И она взяла паровозик и подарила его одному четырёхлетнему мальчику. И тот моментально стал с ним играть.

И я рассердился на этого мальчика и ударил его по руке игрушкой. И он так отчаянно заревел, что его собственная мама взяла его на ручки и сказала:

— С этих пор я не буду приходить к вам в гости с моим мальчиком.

И я сказал:

— Можете уходить, и тогда паровозик мне останется.

И та мама удивилась моим словам и сказала:

— Наверное, ваш мальчик будет разбойник.

И тогда моя мама взяла меня на ручки и сказала той маме:

— Не смейте так говорить про моего мальчика. Лучше уходите со своим золотушным ребёнком и никогда к нам больше не приходите.

И та мама сказала:

— Я так и сделаю. С вами водиться, что в крапиву садиться.

И тогда ещё одна, третья, мама сказала:

— И я тоже уйду. Моя девочка не заслужила того, чтобы ей дарили куклу с обломанной рукой.

И моя сестрёнка Лёля закричала:

— Можете тоже уходить со своим золотушным ребёнком. И тогда кукла со сломанной ручкой мне останется.

И тогда я, сидя на маминых руках, закричал:

— Вообще можете все уходить, и тогда все игрушки нам останутся.

И тогда все гости стали уходить.

И наша мама удивилась, что мы остались одни.

Но вдруг в комнату вошёл наш папа.

Он сказал:

— Такое воспитание губит моих детей. Я не хочу, чтоб мои дети были жадные и злые. И я не хочу, чтобы они дрались, ссорились и выгоняли гостей. Им будет трудно жить на свете, и они умрут в одиночестве.

И папа подошёл к ёлке и потушил все свечи. И сказал:

— Моментально ложитесь спать. А завтра все игрушки я отдам гостям.

И вот, ребята, прошло с тех пор тридцать пять лет, и я до сих пор хорошо помню эту ёлку.

И за все эти тридцать пять лет я, дети, ни разу больше не съел чужого яблока и ни разу не ударил того, кто слабее меня. И теперь доктора говорят, что я поэтому такой сравнительно весёлый и добродушный.

2. Образ главного героя рассказа

После чтения рассказа М. М. Зощенко «Ёлка» проводится анализ образа главного героя рассказа. Для этого ученикам предлагается ответить на вопросы учебника в рубрике «Размышляем о прочитанном» (учебник, ч. 1, с. 272):

— Почему взрослый, сорокалетний человек никак не может забыть историю, произошедшую в то время, когда ему было всего пять лет?

— Почему он благодарен тем «праздничным» событиям, хотя закончились они совсем не весело? Какой вывод из произошедшего тогда сделал для себя герой рассказа? Помогло ли это ему в жизни?

— Случалось ли что-нибудь подобное в вашей жизни? Если да, то постарайтесь рассказать об этом весело и поучительно, как это делал М. М. Зощенко.

3. Домашнее задание

Прочитать другие рассказы М. М. Зощенко из сборника «Лёля и Минька». Написать отзыв на понравившееся произведение.

Урок 59. Произведения отечественной литературы о природе и животных. А. И. Куприн «Белый пудель»

1. Краткий рассказ о писателе

Александр Иванович Куприн (1870—1938) — русский писатель, переводчик. Родился Куприн в Пензенской области в семье чиновника дворянского происхождения. Детство мальчика, рано потерявшего отца, прошло в Москве. Куприн учился сначала в сиротском Разумовском пансионе, потом в 10 лет поступил во 2-й Московский кадетский корпус, откуда через 7 лет перешёл в Александровское военное училище. Куприн закончил обучение в 1890 году в чине подпоручика и получил назначение в 46-й Днепровский пехотный полк. В эти годы он начал публиковаться. Отслужив четыре года, Куприн вышел в отставку. Он много странствовал по России. Со временем Куприн начал приобретать известность как писатель. В 1901 году он переехал в Петербург, где стал работать секретарем в «Журнале для всех». Во время Первой мировой войны он был мобилизован и отправлен в Финляндию в качестве командира пехотной роты, но спустя год был демобилизован по состоянию здоровья. После Февральской революции Куприн эмигрировал из страны, провёл 17 лет своей жизни в Париже. По возвращению на родину в 1938 году писатель умер.

Произведения Куприна отличались особой реалистичностью, он стал одним из самых колоритных писателей отечественной литературы. Куприн оставил после себя большое творческое наследие, его произведения живы и будут жить ещё долго, находя отклики в сердцах новых поколений читателей.

2. Рассказ А. И. Куприна «Белый пудель»

Впервые рассказ А. И. Куприна «Белый пудель» был напечатан в 1904 году в журнале «Юный читатель». Сюжет рассказа подсказала Куприну сама жизнь. Вот как вспоминала историю создания рассказа жена писателя М. Куприна-Иорданская: «В послеобеденное время, около двух часов, заходили к нам на дачу иногда бродячие артисты — старик с шарманкой, лет тринадцати мальчик Серёжа, акробат, и с ними дрессированный белый пудель. Как только раздавались звуки шарманки, к нашей даче стягивались зрители — турки-каменщики, работавшие на соседней даче, няньки с детьми с других дач и просто случайные прохожие. После представления старик получал деньги, и Александр Иванович звал их обедать на террасу около кухни. Но они брали миски с едой и располагались под деревьями на берегу Салгирки. Старик был неразговорчив и старался говорить о себе как можно меньше. Зато Серёжа охотно делился своими планами. В длинных путешествиях по Крыму они доходили до Одессы. Там удалось Серёже однажды побывать в цирке, и с тех пор он мечтал выучиться и стать настоящим акробатом. Рассказал он Александру Ивановичу и о том, как одна богатая барыня непременно требовала, чтобы ей продали пуделя, который очень нравился её мальчику. — Но разве можно нам остаться без пуделя? Дедушка отказался отдать собаку. Барыня очень обозлилась на нас. Мы боялись, что она донесёт в полицию да ещё скажет, что мы что-нибудь у неё украли, — рассказывал мальчик. — Поэтому мы ушли скорее из города. Эта история послужила Куприну темой для рассказа „Белый пудель“.» (Куприна-Иорданская М. К. Годы молодости. — М.: Правда, 1960. — С. 153).

Чтение рассказа А. И. Куприна «Белый пудель».

Белый пудель

I

Узкими горными тропинками, от одного дачного посёлка до другого, пробиралась вдоль южного берега Крыма маленькая бродячая труппа. Впереди обыкновенно бежал,

свесив набок длинный розовый язык, белый пудель Арто, стриженный наподобие льва. У перекрёстков он останавливался и, махая хвостом, вопросительно оглядывался назад. По каким-то ему одному известным признакам он всегда безошибочно узнавал дорогу и, весело болтая мохнатыми ушами, кидался галопом вперёд. За собакой шёл двенадцатилетний мальчик Сергей, который держал под левым локтем свёрнутый ковёр для акробатических упражнений, а в правой нёс тесную и грязную клетку со щеглом, обученным вытаскивать из ящика разноцветные бумажки с предсказаниями на будущую жизнь. Наконец сзади плёлся старший член труппы — дедушка Мартын Лодыжкин, с шарманкой на скрюченной спине.

Шарманка была старинная, страдавшая хрипотой, кашлем и перенесшая на своём веку не один десяток починок. Играла она две вещи: унылый немецкий вальс Лаунера и галоп из «Путешествия в Китай» — обе бывшие в моде лет тридцать — сорок тому назад, но теперь всеми забытые. Кроме того, были в шарманке две предательские трубы. У одной — дискантовой — пропал голос; она совсем не играла, и поэтому, когда до неё доходила очередь, то вся музыка начинала как бы заикаться, прихрамывать и спотыкаться. У другой трубы, издававшей низкий звук, не сразу открывался клапан: раз загудев, она тянула одну и ту же басовую ноту, заглушая и сбивая все другие звуки, до тех пор пока ей вдруг не приходило желание замолчать. Дедушка сам признавал эти недостатки своей машины и иногда замечал шутливо, но с оттенком тайной грусти:

— Что поделаешь?.. Древний орган... простудный... Заиграешь — дачники обижаются: «Фу, говорят, гадость какая!» А ведь пьесы были очень хорошие, модные, но только нынешние господа нашей музыки совсем не обожают. Им сейчас «Гейшу» подавай, «Под двуглавым орлом», из «Продавца птиц» — вальс. Опять-таки трубы эти... Носил я орган к мастеру — и чинить не берётся. «Надо, говорит, новые трубы ставить, а лучше всего, говорит, продай ты свою кислую дребедень в музей... вроде как какой-нибудь памятник...» Ну, да уж ладно! Кормила она нас с тобой, Сергей, до сих пор, бог даст и ещё покормит.

Дедушка Мартын Лодыжкин любил свою шарманку так, как можно любить только живое, близкое, пожалуй даже родственное существо. Свыкнувшись с ней за многие годы тяжёлой бродячей жизни, он стал, наконец, видеть в ней что-то одухотворенное, почти сознательное. Случалось иногда, что ночью, во время ночлега где-нибудь на грязном постоялом дворе, шарманка, стоявшая на полу рядом с дедушкиным изголовьем, вдруг издавала слабый звук, печальный, одинокий и дрожащий, точно старческий вздох. Тогда Лодыжкин тихо гладил её по резному боку и шептал ласково:

— Что, брат? Жалуешься?.. А ты терпи...

Столько же, сколько шарманку, может быть даже немного больше, он любил своих младших спутников в вечных скитаниях: пуделя Арто и маленького Сергея. Мальчика он взял пять лет тому назад «напрокат» у забулдыги, вдового сапожника, обязавшись за это уплачивать по два рубля в месяц. Но сапожник вскоре умер, и Сергей остался навеки связанным с дедушкой и душою и мелкими житейскими интересами.

II

Тропинка шла вдоль высокого прибрежного обрыва, извиваясь в тени столетних маслин. Море иногда мелькало между деревьями, и тогда казалось, что, уходя вдаль, оно в то же время подымается вверх спокойной могучей стеной, и цвет его был ещё синее, ещё гуще в узорчатых прорезах, среди серебристо-зелёной листвы. В траве, в кустах кизилия и дикого шиповника, в виноградниках и на деревьях — повсюду заливались цикады; воздух дрожал от их звенящего, однообразного, неумолчного крика. День выдался знойный, безветренный, и накалившаяся земля жгла подошвы ног.

Сергей, шедший, по обыкновению, впереди дедушки, остановился и ждал, пока старик не поправился с ним.

— Ты что, Серёжа? — спросил шарманщик.

— Жара, дедушка Лодыжкин... нет никакого терпения! Исккупаться бы...

Старик на ходу привычным движением плеча поправил на спине шарманку и вытер рукавом вспотевшее лицо.

— На что бы лучше! — вздохнул он, жадно поглядывая вниз, на прохладную синеву моря. — Только ведь после купанья ещё больше разморит. Мне один знакомый фельдшер говорил: соль эта самая на человека действует... значит, мол, расслабляет... Соль-то морская...

— Врал, может быть? — с сомнением заметил Сергей.

— Ну, вот, врал! Зачем ему врать? Человек солидный, непьющий... домишко у него в Севастополе. Да потом здесь и спуститься к морю негде. Подожди, дойдём ужотко до Мисхора, там и пополощем тела свои грешные. Перед обедом оно лестно, искупаться-то... а потом, значит, поспать трошки... и отличное дело...

Арто, услышавший сзади себя разговор, повернулся и подбежал к людям. Его голубые добрые глаза щурились от жары и глядели умильно, а высунутый длинный язык вздрагивал от частого дыхания.

— Что, брат песик? Тепло? — спросил дедушка.

Собака напряженно зевнула, завив язык трубочкой, затряслась всем телом и тонко взвизгнула.

— Н-да, братец ты мой, ничего не поделаешь... Сказано: в поте лица твоего, — продолжал наставительно Лодыжкин. — Положим, у тебя, примерно сказать, не лицо, а морда, а всё-таки... Ну, пошёл, пошёл вперед, нечего под ногами вертеться... А я, Серёжа, признаться сказать, люблю, когда эта самая теплынь. Орган вот только мешает, а то, кабы не работа, лёг бы где-нибудь на траве, в тени, пузом, значит, вверх, и полеживай себе. Для наших старых костей это самое солнце — первая вещь.

Тропинка спустилась вниз, соединившись с широкой, твёрдой, как камень, ослепительно белой дорогой. Здесь начинался старинный графский парк, в густой зелени которого были разбросаны красивые дачи, цветники, оранжереи и фонтаны. Лодыжкин хорошо знал эти места; каждый год обходил он их одно за другим во время виноградного сезона, когда весь Крым наполняется нарядной, богатой и весёлой публикой. Яркая роскошь южной природы не трогала старика, но зато многое восхищало Сергея, бывшего здесь впервые. Магнолии с их твёрдыми и блестящими, точно лакированными, листьями и белыми, с большую тарелку величиной, цветами; беседки, сплошь затканые виноградом, свесившим вниз тяжёлые гроздья; огромные многовековые платаны с их светлой корой и могучими кронами; табачные плантации, ручьи и водопады, и повсюду — на клумбах, на изгородях, на стенах дач — яркие, великолепные душистые розы, — всё это не переставало поражать своей живой цветущей прелестью наивную душу мальчика. Он высказывал свои восторги вслух, ежеминутно теребя старика за рукав.

— Дедушка Лодыжкин, а дедушка, глянь-ко-сь, в фонтане-то — золотые рыбы!.. Ей-богу, дедушка, золотые, умереть мне на месте! — кричал мальчик, прижимаясь лицом к решётке, огораживающей сад с большим бассейном посредине. — Дедушка, а персики! Вона сколько! На одном дереве!

— Иди-иди, дурашка, чего рот разинул! — подталкивал его шутливо старик. — Погоди, вот дойдём мы до города Новороссийского и, значит, опять подадимся на юг. Там действительно места, — есть на что посмотреть. Сейчас, примерно сказать, пойдут тебе Сочи, Адлер, Туапсе, а там, братец ты мой, Сухум, Батум... Глаза раскосишь глядевши... Скажем, примерно — пальма. Удивление! Ствол у неё мохнатый, на манер войлока, а каждый лист такой большой, что нам с тобой обоим укрыться впору.

— Ей-богу? — радостно удивился Сергей.

— Постой, сам увидишь. Да мало ли там чего? Апельцын, например, или хоть, скажем, тот же лимон... Видал небось в лавочке?

— Ну?

— Просто так себе и растёт в воздухе. Без ничего, прямо на дереве, как у нас, значит, яблоко или груша... И народ там, братец, совсем дикий: турки, персюки, черкесы разные, всё в халатах и с кинжалами... Отчаянный народишка! А то бывают там, братец, эфиопы. Я их в Батуме много раз видел.

— Эфиопы? Знаю. Это которые с рогами, — уверенно сказал Сергей.

— Рогов, положим, у них нет, это враки. Но чёрные, как сапог, и даже блестят. Губищи у них красные, толстые, а глазицы белые, а волосы курчавые, как на чёрном баране.

— Страшные, поди... эфиопы-то эти?

— Как тебе сказать? С непривычки оно точно... опасаться немного, ну, а потом видишь, что другие люди не боятся, и сам станешь посмелее... Много там, братец мой, всякой всячины. Придём — сам увидишь. Одно только плохо — лихорадка. Потому кругом болота, гниль, а притом же жарница. Тамошним-то жителям ничего, не действует на них, а пришлому человеку приходится плохо. Одначе будет нам с тобой, Сергей, языками трепать. Лезь-ка в калитку. На этой даче господа живут очень хорошие... Ты меня спроси: уж я всё знаю!

Но день выдался для них неудачный. Из одних мест их прогоняли, едва заведя издали, в других, при первых же хриплых и гнусавых звуках шарманки, досадливо и нетерпеливо махали на них с балконов руками, в третьих, прислуга заявляла, что «господа ещё не приехавши». На двух дачах им, правда, заплатили за представление, но очень мало. Впрочем, дедушка никакой низкой платой не гнушался. Выходя из ограды на дорогу, он с довольным видом побрякивал в кармане медяками и говорил добродушно:

— Две да пять, итого семь копеек... Что ж, брат Серёженька, и это деньги. Семь раз по семи, — вот он и полтинник набежал, значит все мы трое сыты, и ночлег у нас есть, и старичку Лодыжкину по его слабости можно рюмочку пропустить, недугов многих ради... Эх, не понимают этого господа! Двугривенный дать ему жалко, а пятак стыдно... ну и велют идти прочь. А ты лучше дай хоть три копейки... Я ведь не обижаюсь, я ничего... зачем обижаться?

Вообще Лодыжкин был скромного нрава и, даже когда его гнали, не роптал. Но сегодня и его вывела из обычного благодушного спокойствия одна красивая, полная, с виду

очень добрая дама, владелица прекрасной дачи, окружённой садом с цветами. Она внимательно слушала музыку, ещё внимательнее глядела на акробатические упражнения Сергея и на смешные «штучки» Арто, после этого долго и подробно расспрашивала мальчика о том, сколько ему лет и как его зовут, где он выучился гимнастике, кем ему приходится старик, чем занимались его родители и т. д.; потом приказала подождать и ушла в комнаты.

Она не появлялась минут десять, а то и четверть часа, и чем дальше тянулось время, тем более разрастались у артистов неопределённые, но заманчивые надежды. Дедушка даже шепнул мальчугану, прикрыв из осторожности рот ладонью, как щитком:

— Ну, Сергей, счастье наше, ты только слушай меня: я, брат, всё знаю. Может быть, из платья что-нибудь даст или из обуви. Это уж верно!..

Наконец барыня вышла на балкон, швырнула сверху в подставленную шляпу Сергея маленькую белую монетку и тотчас же скрылась. Монета оказалась старым, стёртым с обеих сторон и вдобавок дырявым гривенником. Дедушка долго с недоумением рассматривал её. Он уже вышел на дорогу и отошёл далеко от дачи, но всё ещё держал гривенник на ладони, как будто взвешивая его.

— Н-да-а... Ловко! — произнёс он, внезапно остановившись. — Могу сказать... А мы-то, три дурня, старались. Уж лучше бы она хоть пуговицу дала, что ли. Ту по крайности куда-нибудь пришить можно. А что я с этой дрянью буду делать? Барыня небось думает: всё равно старик кому-нибудь её ночью спустит, потихоньку, значит. Нет-с, очень ошибаетесь, сударыня... Старик Лодыжкин такой гадостью заниматься не станет. Да-с! Вот вам ваш драгоценный гривенник! Вот!

И он с негодованием и с гордостью бросил монету, которая, слабо звякнув, зарылась в белую дорожную пыль.

Таким образом старик с мальчиком и с собакой обошли весь дачный посёлок и уже собирались сойти к морю. По левую сторону оставалась ещё одна, последняя, дача. Её не было видно из-за высокой белой стены, над которой, с той стороны, возвышался плотный строй тонких запylённых кипарисов, похожих на длинные чёрно-серые веретена. Только сквозь широкие чугунные ворота, похожие своей причудливой резьбой на кружево, можно было рассмотреть уголок свежего, точно зелёный яркий шёлк, газона, круглые цветочные клумбы и вдали, на заднем плане, крытую сквозную аллею, всю обвитую густым виноградом. Посредине газона стоял садовник, поливавший из длинного рукава розы. Он

прикрыл пальцем отверстие трубы, и от этого в фонтане бесчисленных брызг солнце играло всеми цветами радуги.

Дедушка собирался было пройти мимо, но, заглянув в ворота, остановился в недоумении.

— Подожди-ка малость, Сергей, — окликнул он мальчика. — Никак там люди шевелятся? Вот так история. Сколько лет здесь хожу, — и никогда ни души. А ну-ка, вали, брат Сергей!

— «„Дача Дружба“, посторонним вход строго воспрещается», — прочитал Сергей надпись, искусно выбитую на одном из столбов, поддерживавших ворота.

— Дружба?.. — переспросил неграмотный дедушка. — Во-во! Это самое настоящее слово — дружба. Весь день у нас заколодило, а уж тут мы с тобой возьмём. Это я носом чую, на манер как охотничий пёс. Арто, иси, собачий сын! Вали смело, Серёжа. Ты меня всегда спрашивай: уж я всё знаю!

III

Дорожки сада были усыпаны ровным крупным гравием, хрустевшим под ногами, а с боков обставлены большими розовыми раковинами. На клумбах, над пёстрым ковром из разноцветных трав, возвышались диковинные яркие цветы, от которых сладко благоухал воздух. В водоёмах журчала и плескалась прозрачная вода; из красивых ваз, висевших в воздухе между деревьями, спускались гирляндами вниз вьющиеся растения, а перед домом, на мраморных столбах, стояли два блестящие зеркальные шара, в которых странствующая труппа отразилась вверх ногами, в смешном, изогнутом и растянутом виде.

Перед балконом была большая утоптанная площадка. Сергей расстелил на ней свой коврик, а дедушка, установив шарманку на палке, уже приготовился вертеть ручку, как вдруг неожиданное и странное зрелище привлекло их внимание.

На террасу из внутренних комнат выскочил как бомба, издавая пронзительные крики, мальчик лет восьми или десяти. Он был в лёгком матросском костюмчике, с обнажёнными руками и голыми коленками. Белокурые волосы, все в крупных локонах, растрепались у него небрежно по плечам. Следом за мальчиком выбежало ещё шесть человек: две женщины в фартуках; старый толстый лакей во фраке, без усов и без бороды, но с длинными седыми бакенбардами; сухопарая, рыжая, красноносая девица в синем клетчатом платье; молодая, болезненного вида, но очень красивая дама в кружевном голубом капоте, и наконец толстый лысый господин в чесунчовой паре и в золотых очках. Все они были сильно встревожены, махали руками, говорили громко и даже толкали друг

друга. Сразу можно было догадаться, что причиной их беспокойства является мальчик в матросском костюме, так внезапно вылетевший на террасу.

Между тем виновник этой суматохи, ни на секунду не прекращая своего визга, с разбегу повалился животом на каменный пол, быстро перекатился на спину и с сильным ожесточением принялся дрыгать руками и ногами во все стороны. Взрослые засуетились вокруг него. Старый лакей во фраке прижимал с умоляющим видом обе руки к накрахмаленной рубашке, тряс своими длинными бакенбардами и говорил жалобно:

— Батюшка, барин!.. Николай Аполлонович!.. Не извольте огорчать маменьку-с — встаньте... Будьте столь добренькие — выкушайте-с. Микстурка очень сладенькая, один сироп-с. Извольте подняться...

Женщины в фартуках всплескивали руками и щебетали скоро-скоро, подобострастными и испуганными голосами. Красноносая девица кричала с трагическими жестами что-то очень внушительное, но совершенно непонятное, очевидно на иностранном языке. Рассудительным басом уговаривал мальчика господин в золотых очках; при этом он наклонял голову то на один, то на другой бок и степенно разводил руками. А красивая дама томно стонала, прижимая тонкий кружевной платок к глазам:

— Ах, Трилли, ах, боже мой!.. Ангел мой, я умоляю тебя. Послушай же, мама тебя умоляет. Ну, прими же, прими лекарство; увидишь, тебе сразу-сразу станет легче: и животик пройдёт и головка. Ну, сделай это для меня, моя радость! Ну, хочешь, Трилли, мама станет перед тобой на колени? Ну вот, смотри, я на коленях перед тобой. Хочешь, я тебе подарю золотой? Два золотых? Пять золотых, Трилли? Хочешь живого ослика? Хочешь живую лошадку?.. Да скажите же ему что-нибудь, доктор!..

— Послушайте, Трилли, будьте же мужчиной, — загудел толстый господин в очках.

— Ай-яй-яй-я-а-а-а! — вопил мальчик, извиваясь по балкону и отчаянно болтая ногами.

Несмотря на свое крайнее волнение, он всё-таки норовил попадать каблуками в животы и в ноги возившихся вокруг него людей, которые от этого, впрочем, довольно ловко уклонялись.

Сергей, долго глядевший с любопытством и удивлением на эту сцену, тихонько толкнул старика в бок.

— Дедушка Лодыжкин, что же это такое с ним? — спросил он шепотом. — Никак драть его будут?

— Ну вот, драть... Такой сам всякого посекет. Просто — блажной мальчишка. Больной, должно быть.

— Шамашедчий? — догадался Сергей.

— А я почему знаю. Тише!..

— Ай-яй-а-а! Дряни! Дураки!.. — надрывался все громче и громче мальчик.

— Начинай, Сергей. Я знаю! — распорядился вдруг Лодыжкин и с решительным видом завертел ручку шарманки.

По саду понеслись гнусавые, сиплые, фальшивые звуки старинного галопа. Все на балконе разом востепенулись, даже мальчик замолчал на несколько секунд.

— Ах, боже мой, они ещё больше расстроят бедного Трилли! — воскликнула плачевно дама в голубом капоте. — Ах, да прогоните же их, прогоните скорее! И эта грязная собака с ними. У собак всегда такие ужасные болезни. Что же вы стоите, Иван, точно монумент?

Она с усталым видом и с отвращением замахала платком на артистов, сухопарая красноносая девица сделала страшные глаза, кто-то угрожающе зашипел... Человек во фраке быстро и мягко скатился с балкона и с выражением ужаса на лице, широко растопырив в стороны руки, подбежал к шарманщику.

— Эт-то что за безобразие! — захрипел он сдавленным, испуганным и в то же время начальственно-сердитым шепотом. — Кто позволил? Кто пропустил? Марш! Вон!..

Шарманка, уныло пискнув, замолкла.

— Господин хороший, дозволейте вам объяснить... — начал было деликатно дедушка.

— Никаких! Марш! — закричал с каким-то даже свистом в горле фразный человек.

Его толстое лицо мигом побагровело, а глаза невероятно широко раскрылись, точно вдруг вылезли наружу, и заходили колесом. Это было настолько страшно, что дедушка невольно отступил на два шага назад.

— Собирайся, Сергей, — сказал он, поспешно вскидывая шарманку на спину. — Идём!

Но не успели они сделать и десяти шагов, как с балкона понеслись новые пронзительные крики:

— Ай-яй-яй! Мне! Хочу-у! А-а-а! Д-а-й! Позвать! Мне!

— Но, Трилли!.. Ах, боже мой, Трилли! Ах, да воротите же их! — застонала нервная дама. — Фу, как вы все бестолковы!.. Иван, вы слышите, что вам говорят? Сейчас же позовите этих нищих!..

— Послушайте! Вы! Эй, как вас? Шарманщики! Вернитесь! — закричало с балкона несколько голосов.

Толстый лакей с разлетавшимися в обе стороны бакенбардами, подпрыгивая, как большой резиновый мяч, бегом бросился вслед уходящим артистам.

— Пст!.. Музыканты! Слушайте-ка! Назад!.. Назад!.. — кричал он, задыхаясь и махая обеими руками. — Старичок почтенный, — схватил он, наконец, за рукав дедушку, — заворачивай оглобли! Господа будут ваш пантомин смотреть. Живо!..

— Н-ну, дела! — вздохнул, покрутив головой, дедушка, однако приблизился к балкону, снял шарманку, укрепил её перед собою на палке и заиграл галоп с того самого места, на котором его только что прервали.

Суэта на балконе затихла. Барыня с мальчиком и господин в золотых очках подошли к самым перилам; остальные почтительно оставались на заднем плане. Из глубины сада пришёл садовник в фартуке и стал неподалёку от дедушки. Откуда-то вылезший дворник поместился позади садовника. Это был огромный бородатый мужчина с мрачным, узколобым, рябым лицом. Одет он был в новую розовую рубашку, по которой шли косыми рядами крупные чёрные горошины.

Под хриплые, заикающиеся звуки галопа Сергей разостлал на земле коврик, быстро скинул с ног парусиновые панталоны (они были сшиты из старого мешка и сзади, на самом широком месте, украшались четырёхугольным заводским клеймом), сбросил с себя старую куртку и остался в стареньком нитяном трико, которое, несмотря на многочисленные заплаты, ловко охватывало его тонкую, но сильную и гибкую фигуру. У него уже выработались, путём подражания взрослым, приёмы заправского акробата. Взбегая на коврик, он на ходу приложил руки к губам, а потом широким театральным движением размахнул их в стороны, как бы посылая публике два стремительных поцелуя.

Дедушка одной рукой непрерывно вертел ручку шарманки, извлекая из неё дребезжащий, кашляющий мотив, а другой бросал мальчику разные предметы, которые тот искусно подхватывал на лету. Репертуар у Сергея был небольшой, но работал он хорошо, «чисто», как говорят акробаты, и с охотой. Он подкидывал вверх пустую пивную бутылку, так что она несколько раз перевёртывалась в воздухе, и вдруг, поймав её горлышком на край тарелки, несколько секунд держал её в равновесии; жонглировал

четырьмя костяными шариками, а также двумя свечками, которые он одновременно ловил в подсвечники; потом играл сразу тремя различными предметами — веером, деревянной сигарой и дождевым зонтом. Все они летали у него по воздуху, не прикасаясь к земле, и вдруг сразу зонт оказался над головой, сигара — во рту, а веер кокетливо обмахивал лицо. В заключение Сергей сам несколько раз перекувырнулся на ковре, сделал «лягушку», показал «американский узел» и походил на руках. Истощив весь запас своих «трюков», он опять бросил в публику два поцелуя и, тяжело дыша, подошёл к дедушке, чтобы заменить его у шарманки.

Теперь была очередь Арто. Пёс это отлично знал, и уже давно скакал в волнении всеми четырьмя лапами на дедушку, вылезавшего боком из лямки, и лаял на него отрывистым, нервным лаем. Почем знать, может быть, умный пудель хотел этим сказать, что, по его мнению, безрассудно заниматься акробатическими упражнениями, когда Реомюр показывает двадцать два градуса в тени? Но дедушка Лодыжкин с хитрым видом вытащил из-за спины тонкий кизилевый хлыстик. «Так я и знал!» — с досадой пролаял в последний раз Арто и лениво, непокорно поднялся на задние ноги, не сводя моргающих глаз с хозяина.

— Служить, Арто! Так, так, так... — проговорил старик, держа над головой пуделя хлыст. — Перевернись. Так. Перевернись... Ещё, ещё... Танцуй, собачка, танцуй!.. Садись! Что-о? Не хочешь? Садись, тебе говорят. А-а... то-то! Смотри! Теперь поздоровайся с почтеннейшей публикой. Ну! Арто! — грозно возвысил голос Лодыжкин.

«Гав!» — брехнул с отвращением пудель. Потом поглядел, жалобно моргая глазами, на хозяина и добавил ещё два раза: «Гав, гав!»

«Нет, не понимает меня мой старик!» — слышалось в этом недовольном лае.

— Вот это — другое дело. Вежливость прежде всего. Ну, а теперь немножко попрыгаем, — продолжал старик, протягивая невысоко над землею хлыст. — Алле! Нечего, брат, язык-то высовывать. Алле!.. Гоп! Прекрасно! А ну-ка ещё, нох ейн маль... Алле!.. Гоп! Алле! Гоп! Чудесно, собачка. Придём домой, я тебе морковки дам. А, ты морковку не кушаешь? Я и забыл совсем. Тогда возьми мою чилиндру и попроси у господ. Может быть, они тебе преподарят что-нибудь повкуснее.

Старик поднял собаку на задние лапы и всунул ей в рот свой древний засаленный картуз, который он с таким тонким юмором называл «чилиндрой». Держа картуз в зубах и жеманно переступая приседающими ногами, Арто подошёл к террасе. В руках у

болезненной дамы появился маленький перламутровый кошелек. Все окружающие сочувственно улыбались.

— Что? Не говорил я тебе? — задорно шепнул дедушка, наклоняясь к Сергею. — Ты меня спроси: уж я, брат, все знаю. Никак не меньше рубля.

В это время с террасы раздался такой отчаянный, резкий, почти нечеловеческий вопль, что растерявшийся Арто выронил изо рта шапку и вприпрыжку, с поджатым хвостом, боязливо оглядываясь назад, бросился к ногам своего хозяина.

— Хочу-у-а-а! — закатывался, топая ногами, кудрявый мальчик. — Мне! Хочу! Собаку-у-у! Трилли хочет соба-а-аку-у...

— Ах, боже мой! Ах! Николай Аполлоныч!.. Батюшка барин!.. Успокойся, Трилли, умоляю тебя! — опять засуетились люди на балконе.

— Собаку! Подай собаку! Хочу! Дряни, черти, дураки! — выходил из себя мальчик.

— Но, ангел мой, не расстраивай себя! — залепетала над ним дама в голубом капоте. — Ты хочешь погладить собачку? Ну, хорошо, хорошо, моя радость, сейчас. Доктор, как вы полагаете, можно Трилли погладить эту собаку?

— Вообще говоря, я не советовал бы, — развёл тот руками, — но если надёжная дезинфекция, например борной кислотой или слабым раствором карболки, то-о... вообще...

— Соба-а-аку!

— Сейчас, моя прелесть, сейчас. Итак, доктор, мы прикажем вымыть её борной кислотой и тогда... Но, Трилли, не волнуйся же так! Старик, подведите, пожалуйста, вашу собаку сюда. Не бойтесь, вам заплатят. Слушайте, она у вас не больная? Я хочу спросить, она не бешеная? Или, может быть, у неё эхинококки?

— Не хочу погладить, не хочу! — ревел Трилли, пуская ртом и носом пузыри. — Хочу совсем! Дураки, черти! Совсем мне! Хочу сам играть... Навсегда!

— Послушайте, старик, подойдите сюда, — силилась перекричать его барыня. — Ах, Трилли, ты убьёшь маму своим криком. И зачем только пустили этих музыкантов! Да подойдите же ближе, ещё ближе... ещё, вам говорят!.. Вот так... Ах, не огорчайся же, Трилли, мама сделает всё, что хочешь. Умоляю тебя. Мисс, да успокойте же, наконец, ребёнка... Доктор, прошу вас... Сколько же ты хочешь старик?

Дедушка снял картуз. Лицо его приняло учтивое, сиротское выражение.

— Сколько вашей милости будет угодно, барыня, ваше высокопревосходительство... Мы люди маленькие, нам всякое даяние — благо... Чай, сами старичка не обидите...

— Ах, как вы бестолковы! Трилли, у тебя заболит горлышко. Ведь поймите, что собака ваша, а не моя. Ну, сколько? Десять? Пятнадцать? Двадцать?

— А-а-а! Хочу-у! Дайте собаку, дайте собаку, — взвизгивал мальчик, толкая лакея в круглый живот ногой.

— То есть... простите, ваше сиятельство, — замялся Лодыжкин. — Я — человек старый, глупый... Сразу-то мне не понять... к тому же и глуховат малость... то есть как это вы изволите говорить?.. За собаку?..

— Ах, мой бог!.. Вы, кажется, нарочно притворяетесь идиотом? — вскипела дама. — Няня, дайте поскорее Трилли воды! Я вас спрашиваю русским языком, за сколько вы хотите продать вашу собаку? Понимаете, вашу собаку, собаку...

— Собаку! Соба-аку! — залился громче прежнего мальчик.

Лодыжкин обиделся и надел на голову картуз.

— Собаками, барыня, не торгую-с, — сказал он холодно и с достоинством. — А этот пёс, сударыня, можно сказать, нас двоих, — он показал большим пальцем через плечо на Сергея, — нас двоих кормит, поит и одевает. И никак этого невозможно, что, например, продать.

Трилли между тем кричал с пронзительностью паровозного свистка. Ему подали стакан воды, но он яростно выплеснул его в лицо гувернантке.

— Да послушайте же, безумный старик!.. Нет вещи, которая бы не продавалась, — настаивала дама, стискивая свои виски ладонями. — Мисс, вытрите поскорей лицо и дайте мне мой мигренин. Может быть, ваша собака стоит сто рублей? Ну, двести? Триста? Да отвечайте же, истукан! Доктор, скажите ему что-нибудь, ради бога!

— Собирайся, Сергей, — угрюмо проворчал Лодыжкин. — Исту-ка-н... Арто, иди сюда!..

— Э-э, постой-ка, любезный, — начальственным басом протянул толстый господин в золотых очках. — Ты бы лучше не ломался, мой милый, вот что тебе скажу. Собаке твоей десять рублей красная цена, да ещё вместе с тобой на придачу... Ты подумай, осёл, сколько тебе дают!

— Покорнейше вас благодарю, барин, а только... — Лодыжкин, кряхтя, вскинул шарманку за плечи. — Только никак это дело не выходит, чтобы, значит, продавать. Уж вы лучше где-нибудь другого кобелька поищите... Счастливо оставаться... Сергей, иди вперёд!

— А паспорт у тебя есть? — вдруг грозно взревел доктор. — Я вас знаю, каналы!

— Дворник! Семен! Гоните их! — закричала с искаженным от гнева лицом барыня.

Мрачный дворник в розовой рубаше со зловещим видом приблизился к артистам. На террасе поднялся страшный разноголосый гам: ревел благим матом Трилли, стонала его мать, скороговоркой причитали нянька с поднянькой, густым басом, точно рассерженный шмель, гудел доктор. Но дедушка и Сергей уж не имели времени посмотреть, чем все это кончится. Предшественные изрядно струсившим пуделем, они почти бегом спешили к воротам. А следом за ними шел дворник, подталкивая сзади, в шарманку, и говорил угрожающим голосом:

— Шляетесь здесь, лабарданцы! Благодарите ещё бога, что по шее, старый хрен, не заработал. А в другой раз придёшь, так и знай, стесняться с тобой не стану, намну загривок и стащу к господину вярдику. Шантрапа!

Долгое время старик и мальчик шли молча, но вдруг, точно по уговору, взглянули друг на друга и рассмеялись: сначала захохотал Сергей, а потом, глядя на него, но с некоторым смущением, улыбнулся и Лодыжкин.

— Что, дедушка Лодыжкин? Ты всё знаешь? — поддразнил его лукаво Сергей.

— Да-а, брат. Обмишулились мы с тобой, — покачал головой старый шарманщик. — Язвительный, однако, мальчугашка... Как его, такого, вырастили, шут его возьми? Скажите на милость: двадцать пять человек вокруг него танцы танцуют. Ну уж, будь в моей власти, я бы ему прописал ижу. Подавай, говорит, собаку? Этак что же? Он и луну с неба захочет, так подавай ему и луну? Поди сюда, Арто, поди, моя собаченька. Ну, и денек сегодня задался. Удивительно!

— На что лучше! — продолжал ехидничать Сергей. — Одна барыня платье подарила, другая целковый дала. Все ты, дедушка Лодыжкин, наперёд знаешь.

— А ты помалкивай, огарок, — добродушно огрызнулся старик. — Как от дворника-то улепётывал, помнишь? Я думал, и не догнать мне тебя. Серьёзный мужчина — этот дворник.

Выйдя из парка, бродячая труппа спустилась крутой, сыпучей тропинкой к морю. Здесь горы, отступив немного назад, дали место неширокой плоской полосе, покрытой ровными, обточенными прибоем камнями, о которые теперь с тихим шелестом ласково плескалось море. Сажень в двухстах от берега кувыркались в воде дельфины, показывая из неё на мгновение свои жирные, круглые спины. Вдали на горизонте, там, где голубой атлас моря окаймлялся тёмно-синей бархатной лентой, неподвижно стояли стройные, чуть-чуть розовые на солнце паруса рыбацких лодок.

— Тут и выкупаемся, дедушка Лодыжкин, — сказал решительно Сергей. На ходу он уже успел, прыгая то на одной, то на другой ноге, стащить с себя панталоны. — Давай я тебе пособлю орган снять.

Он быстро разделся, звонко хлопнул себя ладонями по голому, шоколадному от загара телу и бросился в воду, подымая вокруг себя бугры кипящей пены.

Дедушка раздевался не торопясь. Прикрыв глаза ладонью от солнца и щурясь, он с любовной усмешкой глядел на Сергея.

«Ничего себе растёт паренёк, — думал Лодыжкин, — даром что костлявый — вон все ребра видать, а всё-таки будет парень крепкий».

— Эй, Серёжка! Ты больно далече-то не плавай. Морская свинья утащит.

— А я её за хвост! — крикнул издали Сергей.

Дедушка долго постоял на солнышке, щупая у себя под мышками. В воду он сошёл очень осторожно и, прежде чем окунуться, старательно мочил себе красное лысое темя и впалые бока. Тело у него было жёлтое дряблое и бессильное, ноги — поразительно тонкие, а спина с выдавшимися острыми лопатками была сгорблена от долголетнего таскания шарманки.

— Дедушка Лодыжкин, гляди! — крикнул Сергей.

Он перекувырнулся в воде, закинув себе ноги через голову. Дедушка, уже влезший в воду по пояс и приседавший в ней с блаженным кряхтением, крикнул тревожно:

— Ну, а ты не балуйся, поросёнок. Смотри! Я т-тебя!

Арто неистово лаял и скакал по берегу. Его беспокоило, что мальчик заплыл так далеко. «К чему показывать свою храбрость? — волновался пудель. — Есть земля — и ходи по земле. Гораздо спокойнее».

Он и сам залез было в воду по брюхо и два-три раза лакнул её языком. Но солёная вода ему не понравилась, а лёгкие волны, шуршавшие о прибрежный гравий, пугали его. Он выскочил на берег и опять принялся лаять на Сергея. «К чему эти дурацкие фокусы? Сидел бы у берега, рядом со стариком. Ах, сколько беспокойства с этим мальчишкой!»

— Эй, Серёжа, вылезай, что ли, в самом деле, будет тебе! — позвал старик.

— Сейчас, дедушка Лодыжкин, — отозвался мальчик. — Смотри, как я пароходом плыву. У-у-у-ух!

Он, наконец, подплыл к берегу, но прежде чем одеться, схватил на руки Арто и, вернувшись с ним в море, бросил его далеко в воду. Собака тотчас же поплыла назад, выставив наружу только одну морду со всплывшими наверх ушами, громко и обиженно

фырка. Выскочив на сушу, она затряслась всем телом, и тучи брызг полетели на старика и на Сергея.

— Постой-ка, Сережа, никак это к нам? — сказал Лодыжкин, пристально глядя вверх, на гору.

По тропинке быстро спускался вниз, неразборчиво крича и махая руками, тот самый мрачный дворник в розовой рубахе с чёрными горошинами, который четверть часа назад гнал странствующую труппу с дачи.

— Что ему надо? — спросил с недоумением дедушка.

IV

Дворник продолжал кричать, сбегая вниз неловкой рысью, причём рукава его рубахи трепались по ветру, а пазуха надувалась, как парус.

— О-го-го!.. Подождите трошки!..

— А чтоб тебя намочило да не высушило, — сердито проворчал Лодыжкин. — Это он опять насчет Артошки.

— Давай, дедушка, накладём ему! — храбро предложил Сергей.

— А ну тебя, отвяжись... И что это за люди, прости господи!..

— Вы вот что... — начал запыхавшийся дворник ещё издали. — Продавайте, что ли, пса-то? Ну, никакого сладу с панычом. Ревёт, как теля. «Подай да подай собаку...» Барыня послала, купи, говорит, чего бы ни стоило.

— Довольно даже глупо это со стороны твоей барыни! — рассердился вдруг Лодыжкин, который здесь, на берегу, чувствовал себя гораздо увереннее, чем на чужой даче. — И опять, какая она мне такая барыня? Тебе, может быть, барыня, а мне двоюродное наплевать. И пожалуйста... я тебя прошу... уйди ты от нас, Христа ради... и того... и не приставай.

Но дворник не унимался. Он сел на камни, рядом со стариком, и говорил, неуклюже тыча перед собой пальцами:

— Да пойми же ты, дурак человек...

— От дурака и слышу, — спокойно отрезал дедушка.

— Да постой... не к тому я это... Вот, право, репей какой... Ты подумай: ну, что тебе собака? Подобрал другого щенка, выучил стоять дыбки, вот тебе и снова пес. Ну? Неправду, что ли, я говорю? А?

Дедушка внимательно завязывал ремень вокруг штанов. На настойчивые вопросы дворника он ответил с деланным равнодушием:

— Бреши дальше... Я потом сразу тебе отвечу.

— А тут, брат ты мой, сразу — цифра! — горячился дворник. — Двести, а не то триста целковых враз! Ну, обыкновенно, мне кое-что за труды... Ты подумай только: три сотенных! Ведь это сразу можно бакалейную открыть...

Говоря таким образом, дворник вытащил из кармана кусок колбасы и швырнул его пуделю. Арто поймал его на лету, проглотил в один приём и искательно завилял хвостом.

— Кончил? — коротко спросил Лодыжкин.

— Да тут долго и кончать нечего. Давай пса — и по рукам.

— Та-ак-с, — насмешливо протянул дедушка. — Продать, значит, собачку?

— Обыкновенно — продать. Чего вам ещё? Главное, паныч у нас такой скаженный. Чего захотелось, так весь дом перебулгачит. Подавай — и всё тут. Это ещё без отца, а при отце... святители вы наши!.. все вверх ногами ходят. Барин у нас инженер, может быть слышали, господин Обольянинов? По всей России железные дороги строят. Мельонер! А мальчишка-то у нас один. И озорует. Хочу поню живую — на тебе поню. Хочу лодку — на тебе всамделишную лодку. Как есть ни в чём, ни в чём отказу...

— А луну?

— То есть в каких это смыслах?

— Говорю, луну он ни разу с неба не захотел?

— Ну вот... тоже скажешь — луну! — сконфузился дворник. — Так как же, мил человек, лады у нас, что ли?

Дедушка, который успел уже в это время напаять на себя коричневый, позеленевший на швах пиджак, гордо выпрямился, насколько ему позволяла вечно согнутая спина.

— Я тебе одно скажу, парень, — начал он не без торжественности. — Примерно, ежели бы у тебя был брат или, скажем, друг, который, значит, с самого сыздетства. Постой, друже, ты собаке колбасу даром не стравляй... сам лучше скушай... этим, брат, её не подкупишь. Говорю, ежели бы у тебя был самый что ни на есть верный друг... который сыздетства... То за сколько бы ты его примерно продал?

— Приравнял тоже!..

— Вот те и приравнял. Ты так и скажи своему барину, который железную дорогу строит, — возвысил голос дедушка. — Так и скажи: не всё, мол, продаётся, что покупается.

Да! Ты собаку-то лучше не гладь, это ни к чему. Арто, иди сюда, собачий сын, я т-тебе! Сергей, собирайся.

— Дурак ты старый, — не вытерпел, наконец, дворник.

— Дурак, да отроду так, а ты хам, Иуда, продажная душа, — выругался Лодыжкин.

— Увидишь свою генеральшу, кланяйся ей, скажи: от наших, мол, с любовью вашим низкий поклон. Свертывай ковер, Сергей! Э-эх, спина моя, спинушка! Пойдём.

— Значит, та-ак!.. — многозначительно протянул дворник.

— С тем и возьмите! — задорно ответил старик.

Артисты поплелись вдоль морского берега, опять вверх, по той же дороге. Оглянувшись случайно назад, Сергей, увидел, что дворник следит за ними. Вид у него был задумчивый и угрюмый. Он сосредоточенно чесал всей пятернёй под съехавшей на глаза шапкой свой лохматый рыжий затылок.

V

У дедушки Лодыжкина был давным-давно примечен один уголок между Мисхором и Алупкой, книзу от нижней дороги, где отлично можно было позавтракать. Туда он и повёл своих спутников. Неподалёку от моста, перекинутого через бурливый и грязный горный поток, выбегала из-под земли, в тени кривых дубов и густого орешника, говорливая, холодная струйка воды. Она проделала в почве круглый неглубокий водоём, из которого сбегала в ручей тонкой змейкой, блестящей в траве, как живое серебро. Около этого родника по утрам и по вечерам всегда можно было застать набожных турок, пивших воду и творивших свои священные омовения.

— Грехи наши тяжкие, а запасы скудные, — сказал дедушка, садясь в прохладе под орешником. — Ну-ка, Серёжа, господи благослови!

Он вынул из холщового мешка хлеб, десяток красных томатов, кусок бессарабского сыра «брынзы» и бутылку с прованским маслом. Соль была у него завязана в узелок тряпочки сомнительной чистоты. Перед едой старик долго крестился и что-то шептал. Потом он разломил краюху хлеба на три неровные части: одну, самую большую, он протянул Сергею (малый растёт — ему надо есть), другую, поменьше, оставил для пуделя, самую маленькую взял себе.

— Во имя отца и сына. Очи всех на тя, господи, уповают, — шептал он, суетливо распределяя порции и поливая их из бутылки маслом. — Вкушай, Серёжа!

Не торопясь, медленно, в молчании, как едят настоящие труженики, принялись трое за свой скромный обед. Слышно было только, как жевали три пары челюстей. Арто ел свою

долю в сторонке, растянувшись на животе и положив на хлеб обе передние лапы. Дедушка и Сергей поочередно макали в соль спелые помидоры, из которых тёк по их губам и рукам красный, как кровь, сок, и заедали их сыром и хлебом. Насытившись, они напились воды, подставляя под струю источника жестяную кружку. Вода была прозрачная, прекрасная на вкус и такая холодная, что от неё кружка даже запотела снаружи. Дневной жар и длинный путь изморили артистов, которые встали сегодня чуть свет. У дедушки слипались глаза. Сергей зевал и потягивался.

— Что, братику, разве нам лечь поспать на минуточку? — спросил дедушка. — Дай-ка я в последний раз водицы попью. Ух, хорошо! — крикнул он, отнимая от кружки рот и тяжело переводя дыхание, между тем как светлые капли бежали с его усов и бороды. — Если бы я был царём, всё бы эту воду лил... с утра бы до ночи! Арто, иси, сюда! Ну вот, бог напитал, никто не видал, а кто и видел, тот не обидел... Ох-ох-хонюшки-и!

Старик и мальчик легли рядом на траве, подмостив под головы свои старые пиджаки. Над их головами шумела тёмная листва корявых, раскидистых дубов. Сквозь неё синело чистое голубое небо. Ручей, сбегавший с камня на камень, журчал так однообразно и так вкрадчиво, точно заворачивал кого-то своим усыпительным лепетом. Дедушка некоторое время ворочался, кряхтел и говорил что-то, но Сергею казалось, что голос его звучит из какой-то мягкой и сонной дали, а слова были непонятны, как в сказке.

— Перво дело — куплю тебе костюм: розовое трико с золотом... туфли тоже розовые, атласные... В Киеве, в Харькове или, например, скажем, в городе Одессе — там, брат, во какие цирки!.. Фонарей видимо-невидимо... всё электричество горит... Народу, может быть, тысяч пять, а то и больше... почему я знаю? Фамилию мы тебе сочиним непременно итальянскую. Что такая за фамилия Естифеев или, скажем, Лодыжкин? Чепуха одна — нет никакого в ней воображения. А мы тебя в афише запустим — Антонио или, например, тоже хорошо — Энрико или Альфонзо...

Дальше мальчик ничего не слышал. Нежная и сладкая дремота овладела им, сковав и обессилив его тело. Заснул и дедушка, потерявший вдруг нить своих любимых послеобеденных мыслей о блестящем цирковом будущем Сергея. Один раз ему сквозь сон показалось, что Арто на кого-то рычит. На мгновение в его затуманенной голове скользнуло полусознательное и тревожное воспоминание о давешнем дворнике в розовой рубаше, но, разморённый сном, усталостью и жарой, он не смог встать, а только лениво, с закрытыми глазами, окликнул собаку:

— Арто... куда? Я т-тебя, бродяга!

Но мысли его тотчас же спутались и расплылись в тяжёлых и бесформенных видениях.

Разбудил дедушку голос Сергея. Мальчик бегал взад и вперёд по той стороне ручья, пронзительно свистал и кричал громко, с беспокойством и испугом:

— Арто, иси! Назад! Фью, фью, фью! Арто, назад!

— Ты что, Сергей, вопишь? — недовольно спросил Лодыжкин, с трудом расправляя затекшую руку.

— Собаку мы проспали, вот что! — раздражённым голосом грубо ответил мальчик.
— Пропала собачка.

Он резко свистнул и ещё раз закричал протяжно:

— Арто-о-о!

— Глупости ты выдумываешь!.. Вернётся, — сказал дедушка. Однако он быстро встал на ноги и стал кричать собаку сердитым, сиплым со сна, старческим фальцетом:

— Арто, сюда, собачий сын!

Он торопливо, мелкими, путающимися шажками перебежал через мост и поднялся вверх по шоссе, не переставая звать собаку. Перед ним лежало видное глазу на полверсты, ровное, ярко-белое полотно дороги, но на нём — ни одной фигуры, ни одной тени.

— Арто! Ар-то-шень-ка! — жалобно завыл старик. Но вдруг он остановился, нагнулся низко к дороге и присел на корточки.

— Да-а, вот оно какое дело-то! — произнёс старик упавшим голосом. — Сергей! Серёжа, поди-ка сюда.

— Ну, что там ещё? — грубо отозвался мальчик, подходя к Лодыжкину. — Вчерашний день нашёл?

— Серёжа.... что это такое?.. Вот это, что это такое? Ты понимаешь? — еле слышно спрашивал старик.

Он глядел на мальчика жалкими, растерянными глазами, а его рука, показывавшая прямо в землю, ходила во все стороны.

На дороге в белой пыли валялся довольно большой недоеденный огрызок колбасы, а рядом с ним во всех направлениях отпечатались следы собачьих лап.

— Свёл ведь, подлец, собаку! — испуганно прошептал дедушка, всё ещё сидя на корточках. — Никто, как он — дело ясное.... Помнишь, давеча у моря-то он всё колбасой прикармливал.

— Дело ясное, — мрачно и со злобой повторил Сергей.

Широко раскрытые глаза дедушки вдруг наполнились крупными слезами и быстро замигали. Он закрыл их руками.

— Что же нам теперь делать, Серёженька? А? Делать-то нам что теперь? — спрашивал старик, качаясь взад и вперёд и беспомощно всхлипывая.

— Что делать, что делать! — сердито передразнил его Сергей. — Вставай, дедушка Лодыжкин, пойдём!..

— Пойдём, — уныло и покорно повторил старик, поднимаясь с земли. — Ну что ж, пойдём, Серёженька!

Вышедший из терпения Сергей закричал на старика, как на маленького:

— Будет тебе, старик, дурака-то валять. Где это видано всамделе, чтобы чужих собак заманивать? Чего ты глазами на меня хлопаешь? Неправду я говорю? Прямо придём и скажем: «Подавай назад собаку!» А нет — к мировому, вот и весь сказ.

— К мировому... да... конечно... Это верно, к мировому... — с бессмысленной, горькой улыбкой повторял Лодыжкин. Но глаза его неловко и конфузливо забегали. — К мировому... да... Только вот что, Серёженька... не выходит это дело... чтобы к мировому...

— Как это не выходит? Закон один для всех. Чего им в зубы смотреть? — нетерпеливо перебил мальчик.

— А ты, Серёжа, не того... не сердись на меня. Собаку-то нам с тобой не вернут. — Дедушка таинственно понизил голос. — Насчёт пачпорта я опасаюсь. Слышал, что давеча господин говорил? Спрашивает: «А пачпорт у тебя есть?» Вот она какая история. А у меня, — дедушка сделал испуганное лицо и зашептал еле слышно, — у меня, Сережа, пачпорт-то чужой.

— Как чужой?

— То-то вот — чужой. Свой я потерял в Таганроге, а может быть, украли его у меня. Года два я потом крутился: прятался, взятки давал, писал прошения... Наконец вижу, нет никакой моей возможности, живу точно заяц — всякого опасаюсь. Покою вовсе не стало. А тут в Одессе, в ночлежке, подвернулся один грек. «Это, говорит, сущие пустяки. Клади, говорит, старик, на стол двадцать пять рублей, а я тебя навеки пачпортом обеспечу». Раскинул я умом туда-сюда. Эх, думаю, пропадай моя голова. Давай, говорю. И с тех пор, милый мой, вот я и живу по чужому пачпорту.

— Ах, дедушка, дедушка! — глубоко, со слезами в груди вздохнул Сергей. — Собаку мне уж больно жалко... Собака-то уж хороша очень...

— Серёженька, родной мой! — протянул к нему старик дрожащие руки. — Да будь только у меня пачпорт настоящий, разве бы я поглядел, что они генералы? За горло бы взял!.. «Как так? Позвольте! Какое имеете полное право чужих собак красть? Какой такой закон на это есть?» А теперь нам крышка, Серёжа. Приду я в полицию — первое дело: «Подавай пачпорт! Это ты самарский мещанин Мартын Лодыжкин?» — «Я, вашескродие». А я, братец, и не Лодыжкин вовсе и не мещанин, а крестьянин, Иван Дудкин. А кто таков этот Лодыжкин — один бог его ведаёт. Почём я знаю, может воришка какой или беглый каторжник? Или, может быть, даже убивец? Нет, Серёжа, ничего мы тут не сделаем... Ничего, Серёжа...

Голос у дедушки оборвался и захлебнулся. Слёзы опять потекли по глубоким, коричневым от загара, морщинам. Сергей, который слушал ослабевшего старика молча, с плотно сжатыми бровями, бледный от волнения, вдруг взял его под мышки и стал поднимать.

— Пойдём, дедушка, — сказал он повелительно и ласково в то же время. — К чёрту пачпорт, пойдём! Не ночевать же нам на большой дороге.

— Милый ты мой, родной, — приговаривал, трясясь всем телом, старик. — Собачка-то уж очень затейная... Артошенька-то наш... Другой такой не будет у нас...

— Ладно, ладно... Вставай, — распоряжался Сергей. — Дай я тебя от пыли-то очищу. Совсем ты у меня раскис, дедушка.

В этот день артисты больше не работали. Несмотря на свой юный возраст, Сергей хорошо понимал всё роковое значение этого страшного слова «пачпорт». Поэтому он не настаивал на дальнейших розысках Арто, ни на мировом, ни на других решительных мерах. Но, пока он шёл рядом с дедушкой до ночлега, с лица его не сходило новое, упрямое и сосредоточенное выражение, точно он задумал про себя что-то чрезвычайно серьёзное и большое.

Не сговариваясь, но, очевидно, по одному и тому же тайному побуждению, они нарочно сделали значительный крюк, чтобы ещё раз пройти мимо «Дружбы». Перед воротами они задержались немного, в смутной надежде увидеть Арто или хоть услышать издали его лай.

Но резные ворота великолепной дачи были плотно закрыты, и в тенистом саду под стройными печальными кипарисами стояла важная, невозмутимая, душистая тишина.

— Гос-спо-да! — шипящим голосом произнес старик, вкладывая в это слово всю едкую горечь, переполнившую его сердце.

— Будет тебе, пойдём, — сурово приказал мальчик и потянул своего спутника за рукав.

— Серёженька, может убежит от них ещё Артошка-то? — вдруг опять всхлипнул дедушка. — А? Как ты думаешь, милый?

Но мальчик не ответил старику. Он шёл впереди большими, твёрдыми шагами. Его глаза упорно смотрели вниз на дорогу, а тонкие брови сердито сдвинулись к переносью.

VI

Молча дошли они до Алупки. Дедушка всю дорогу кряхтел и вздыхал, Сергей же сохранял на лице злое, решительное выражение. Они остановились на ночлег в грязной турецкой кофейной, носившей блестящее название «Ылдыз», что значит по-турецки «звезда». Вместе с ними ночевали греки — каменотесы, землекопы — турки, несколько человек русских рабочих, перебивавшихся поденным трудом, а также несколько тёмных, подозрительных бродяг, которых так много шатается по югу России. Все они, как только кофейная закрылась в определённый час, разлеглись на скамьях, стоящих вдоль стен, и прямо на полу, причём те, что были поопытнее, положили, из нелишней предосторожности, себе под голову всё, что у них было наиболее ценного из вещей и из платья.

Было далеко за полночь, когда Сергей, лежавший на полу рядом с дедушкой, осторожно поднялся и стал бесшумно одеваться. Сквозь широкие окна лился в комнату бледный свет месяца, стелился косым, дрожащим переплётom по полу и, падая на спящих вповалку людей, придавал их лицам страдальческое и мёртвое выражение.

— Ты куда носью ходишь, мальцук? — сонно окликнул Сергея у дверей хозяин кофейной, молодой турок Ибрагим.

— Пропусти. Надо! — сурово, деловым тоном ответил Сергей. — Да вставай, что ли, турецкая лопатка!

Зевая, почесываясь и укоризненно причмокивая языком, Ибрагим отпер двери. Узкие улицы татарского базара были погружены в густую тёмно-синюю тень, которая покрывала зубчатым узором всю мостовую и касалась подножий домов другой, освещённой стороны, резко белевшей в лунном свете своими низкими стенами. На дальних окраинах местечка лаяли собаки. Откуда-то, с верхнего шоссе, доносился звонкий и дробный топот лошади, бежавшей иноходью.

Миновав белую с зелёным куполом, в виде луковицы, мечеть, окружённую молчаливой толпой тёмных кипарисов, мальчик спустился по тесному кривому переулку на большую дорогу. Для лёгкости Сергей не взял с собой верхней одежды, оставшись в одном трико. Месяц светил ему в спину, и тень мальчика бежала впереди его чёрным, странным, укороченным силуэтом. По обоим бокам шоссе притаился тёмный курчавый кустарник. Какая-то птичка кричала в нём однообразно, через ровные промежутки, тонким, нежным голосом: «Сплю!.. Сплю!..» И казалось, что она покорно сторожит в ночной тишине какую-то печальную тайну и бессильно борется со сном и усталостью и тихо, без надежды, жалуется кому-то: «Сплю, сплю!..» А над тёмными кустами и над синеватыми шапками дальних лесов возвышался, упираясь своими двумя зубцами в небо, Ай-Петри — такой лёгкий, резкий, воздушный, как будто он был вырезан из гигантского куска серебряного картона.

Сергею было немного жутко среди этого величавого безмолвия, в котором так отчётливо и дерзко раздавались его шаги, но в то же время в сердце его разливалась какая-то щекочущая, головокружительная отвага. На одном повороте вдруг открылось море. Огромное, спокойное, оно тихо и торжественно зыбилося. От горизонта к берегу тянулась узкая, дрожащая серебряная дорожка; среди моря она пропадала, — лишь кое-где изредка вспыхивали её блески, — и вдруг у самой земли широко расплескивалась живым, сверкающим металлом, опоясывая берег.

Беззвучно проскользнул Сергей в деревянную калитку, ведущую в парк. Там, под густыми деревьями, было совсем темно. Издали слышался шум неугомонного ручья и чувствовалось его сырое, холодное дыхание. Отчётливо застучала под ногами деревянная настилка моста. Вода под ним была чёрная и страшная. Вот, наконец, и высокие чугунные ворота, узорчатые, точно кружево, и обвитые ползучими стеблями глициний. Лунный свет, прорезавшись сквозь чащу деревьев, скользил по резьбе ворот слабыми фосфорическими пятнами. По ту сторону был мрак и чутко-пугливая тишина.

Было несколько мгновений, в течение которых Сергей испытывал в душе колебание, почти страх. Но он поборол в себе эти томительные чувства и прошептал:

— А всё-таки я полезу! Всё равно!

Взобраться ему было нетрудно. Изящные чугунные завитки, составляющие рисунок ворот, служили верными точками опоры для цепких рук и маленьких мускулистых ног. Над воротами на большой высоте перекинулась со столба на столб широкая каменная арка. Сергей ощупью взлез на неё, потом, лёжа на животе, спустил ноги вниз, на другую сторону,

и стал понемногу сталкивать туда же всё туловище, не переставая искать ногами какого-нибудь выступа. Таким образом он уже совсем перевесился через арку, держась за её край только пальцами вытянутых рук, но его ноги всё ещё не встречали опоры. Он не мог сообразить тогда, что арка над воротами выступала внутрь гораздо дальше, чем снаружи, и по мере того как затекали его руки и как тяжелее свисало вниз обессилившее тело, ужас всё сильнее проникал в его душу.

Наконец он не выдержал. Его пальцы, цеплявшиеся за острый угол, разжались, и он стремительно полетел вниз.

Он слышал, как заскрежетал под ним крупный гравий, и почувствовал острую боль в коленях. Несколько секунд он стоял на четвереньках, оглушённый падением. Ему казалось, что сейчас проснутся все обитатели дачи, прибежит мрачный дворник в розовой рубашке, подымет крик, суматоха... Но, как и прежде, в саду была глубокая, важная тишина. Только какой-то низкий, монотонный, жужжащий звук разносился по всему саду:

«Жжу... жжу... жжу...»

«Ах, ведь это шумит у меня в ушах!» — догадался Сергей. Он поднялся на ноги; всё было страшно, таинственно, сказочно-красиво в саду, точно наполненном ароматными снами. На клумбах тихо шатались, с неясной тревогой наклоняясь друг к другу, словно перешептываясь и подглядывая, едва видимые в темноте цветы. Стройные, тёмные, пахучие кипарисы медленно кивали своими острыми верхушками с задумчивым и укоряющим выражением. А за ручьем, в чаще кустов, маленькая усталая птичка боролась со сном и с покорной жалобой повторяла:

«Сплю!.. Сплю!.. Сплю!..»

Ночью, среди перепутавшихся на дорожках теней, Сергей не узнал места. Он долго бродил по скрипучему гравию, пока не вышел к дому.

Никогда в жизни мальчик не испытывал такого мучительного ощущения полной беспомощности, заброшенности и одиночества, как теперь. Огромный дом казался ему наполненным беспощадными притаившимися врагами, которые тайно, с злобной усмешкой следили из тёмных окон за каждым движением маленького, слабого мальчика. Молча и нетерпеливо ждали враги какого-то сигнала, ждали чьего-то гневного, оглушительно грозного приказания.

— Только не в доме... в доме её не может быть! — прошептал, как сквозь сон, мальчик. — В доме она выть станет, надоест...

Он обошёл дачу кругом. С задней стороны, на широком дворе, было расположено несколько построек, более простых и незатейливых с виду, очевидно предназначенных для прислуги. Здесь, так же как и в большом доме, ни в одном окне не было видно огня; только месяц отражался в тёмных стёклах мёртвым неровным блеском. «Не уйти мне отсюда, никогда не уйти!..» — с тоской подумал Сергей. Вспомнился ему на миг дедушка, старая шарманка, ночлеги в кофейных, завтраки у прохладных источников. «Ничего, ничего этого больше не будет!» — печально повторил про себя Сергей. Но чем безнадежнее становились его мысли, тем более страх уступал в его душе место какому-то тупому и спокойно-злобному отчаянию.

Тонкий, словно стонущий визг вдруг коснулся его слуха. Мальчик остановился, не дыша, с напряжёнными мускулами, вытянувшись на цыпочках. Звук повторился. Казалось, он исходил из каменного подвала, около которого Сергей стоял и который сообщался с наружным воздухом рядом грубых маленьких четырёхугольных отверстий без стекол. Ступая по какой-то цветочной куртине, мальчик подошёл к стене, приложил лицо к одной из отдушин и свистнул. Тихий, сторожкий шум послышался где-то внизу, но тотчас же затих.

— Арто! Артошка! — позвал Сергей дрожащим шепотом.

Неистовый, срывающийся лай сразу наполнил весь сад, отозвавшись во всех его уголках. В этом лае вместе с радостным приветом смешивались и жалоба, и злость, и чувство физической боли. Слышно было, как собака изо всех сил рвалась в тёмном подвале, силась от чего-то освободиться.

— Арто! Собакушка!.. Артошенька!.. — вторил ей плачущим голосом мальчик.

— Цыц, окаянная! — раздался снизу зверский, басовый крик. — У, каторжная!

Что-то стукнуло в подвале. Собака залилась длинным прерывистым воем.

— Не смей бить! Не смей бить собаку, проклятый! — закричал в исступлении Сергей, царапая ногтями каменную стену.

Всё, что произошло потом, Сергей помнил смутно, точно в каком-то бурном горячечном бреду. Дверь подвала широко с грохотом распахнулась, и из неё выбежал дворник. В одном нижнем белье, босой, бородатый, бледный от яркого света луны, светившей прямо ему в лицо, он показался Сергею великаном, разъярённым сказочным чудовищем.

— Кто здесь бродит? Застрелю! — загрохотал, точно гром, его голос по саду. — Воры! Грабят!

Но в ту же минуту из темноты раскрытой двери, как белый прыгающий комок, выскочил с лаем Арто. На шее у него болтался обрывок верёвки.

Впрочем, мальчику было не до собаки. Грозный вид дворника охватил его сверхъестественным страхом, связал его ноги, парализовал всё его маленькое тонкое тело. Но, к счастью, этот столбняк продолжался недолго. Почти бессознательно Сергей испустил пронзительный, долгий, отчаянный вопль и наугад, не видя дороги, не помня себя от испуга, пустился бежать прочь от подвала.

Он мчался, как птица, крепко и часто ударяя о землю ногами, которые внезапно сделались крепкими, точно две стальные пружины. Рядом с ним скакал, заливаясь радостным лаем, Арто. Сзади тяжело грохотал по песку дворник, яростно рычавший какие-то ругательства.

С размаху Сергей наскочил на ворота, но мгновенно не подумал, а скорее инстинктивно почувствовал, что здесь дороги нет. Между каменной стеной и растущими вдоль неё кипарисами была узкая тёмная лазейка. Не раздумывая, подчиняясь одному чувству страха, Сергей, нагнувшись, юркнул в неё и побежал вдоль стены. Острые иглы кипарисов, густо и едко пахнувших смолой, хлестали его по лицу. Он спотыкался о корни, падал, разбивая себе в кровь руки, но тотчас же вставал, не замечая даже боли, и опять бежал вперед, согнувшись почти вдвое, не слыша своего крика. Арто кинулся следом за ним.

Так бежал он по узкому коридору, образованному с одной стороны — высокой стеной, с другой — тесным строем кипарисов, бежал, точно маленький обезумевший от ужаса зверёк, попавший в бесконечную западню. Во рту у него пересохло, и каждое дыхание кололо в груди тысячью иголок. Топот дворника доносился то справа, то слева, и потерявший голову мальчик бросался то вперёд, то назад, несколько раз пробегая мимо ворот и опять ныряя в тёмную, тесную лазейку.

Наконец Сергей выбился из сил. Сквозь дикий ужас им стала постепенно овладевать холодная, вялая тоска, тупое равнодушие ко всякой опасности. Он сел под дерево, прижался к его стволу изнемогшим от усталости телом и зажмурил глаза. Всё ближе и ближе хрустел песок под грузными шагами врага. Арто тихо повизгивал, уткнув морду в колени Сергея.

В двух шагах от мальчика зашумели ветви, раздвигаемые руками. Сергей бессознательно поднял глаза кверху и вдруг, охваченный невероятной радостью, вскочил одним толчком на ноги. Он только теперь заметил, что стена напротив того места, где он

сидел, была очень низкая, не более полутора аршин. Правда, верх её был утыкан вмазанными в известку бутылочными осколками, но Сергей не задумался над этим. Мигом схватил он поперек туловища Арто и поставил его передними лапами на стену. Умный пёс отлично понял его. Он быстро вскарабкался на стену, замахал хвостом и победно залаял.

Следом за ним очутился на стене и Сергей, как раз в то время, когда из расступившихся ветвей кипарисов выглянула большая тёмная фигура. Два гибких, ловких тела — собаки и мальчика — быстро и мягко прыгнули вниз на дорогу. Вслед им понеслась, подобно грязному потоку, скверная, свирепая ругань.

Был ли дворник менее проворным, чем два друга, устал ли он от круженья по саду, или просто не надеялся догнать беглецов, но он не преследовал их больше. Тем не менее они долго ещё бежали без отдыха, — оба сильные, ловкие, точно окрылённые радостью избавления. К пуделю скоро вернулось его обычное легкомыслие. Сергей ещё оглядывался боязливо назад, а Арто уже скакал на него, восторженно болтая ушами и обрывком верёвки, и всё изловчался лизнуть его с разбега в самые губы.

Мальчик пришёл в себя только у источника, у того самого, где накануне днем они с дедушкой завтракали. Припавши вместе ртами к холодному водоему, собака и человек долго и жадно глотали свежую, вкусную воду. Они отталкивали друг друга, приподнимали на минуту кверху головы, чтобы перевести дух, причём с губ звонко капала вода, и опять с новой жаждой приникали к водоёму, не будучи в силах от него оторваться. И когда они, наконец, отвалились от источника и пошли дальше, то вода плескалась и булькала в их переполненных животах. Опасность миновала, все ужасы этой ночи прошли без следа, и им обоим весело и легко было идти по белой дороге, ярко освещённой луной, между тёмными кустарниками, от которых уже тянуло утренней сыростью и сладким запахом освеженного листа.

В кофейной «Ылдыз» Ибрагим встретил мальчика с укоризненным шепотом:

— И сто ти се сляесься, мальцук? Сто ти се сляесься? Вай-вай-вай, нехоросо...

Сергей не хотел будить дедушку, но это сделал за него Арто. Он в одно мгновение отыскал старика среди груды валявшихся на полу тел и, прежде чем тот успел опомниться, облизал ему с радостным визгом щёки, глаза, нос и рот. Дедушка проснулся, увидел на шее пуделя верёвку, увидел лежащего рядом с собой покрытого пылью мальчика и понял всё. Он обратился было к Сергею за разъяснениями, но не мог ничего добиться. Мальчик уже спал, разметав в стороны руки и широко раскрыв рот.

3. Тематика и проблематика произведения. Герои и их поступки

После чтения рассказа А. И. Куприна «Белый пудель» проводится обсуждение произведения, даётся характеристика главным героям, анализируются их поступки.

Ответы на вопросы:

- Вы прочитали рассказ А. И. Куприна «Белый пудель». О чём это произведение? Кто его главные герои?
- Каким трудом зарабатывали на жизнь герои рассказа?
- Как называется инструмент, на котором играл Лодыжкин?
- Что предложили старому шарманщику на одной из богатых дач? И как на это отреагировал герой?
- Почему Лодыжкин не смог подать в суд, когда украли собаку?
- Какие поступки героев говорят об их высоких моральных качествах?
- Назовите главную мысль произведения.

4. Домашнее задание

Подготовить пересказ рассказа А. И. Куприна «Белый пудель» по плану:

- 1) Странствия маленькой бродячей труппы.
- 2) Выступление труппы на даче «Дружба».
- 3) Прихоть сына богатой хозяйки.
- 4) Отказ шарманщика продать Арто.
- 5) Пропажа собаки.
- 6) Серёжа решает найти и вернуть друга.

Посмотреть художественный фильм «Белый пудель» (1955), режиссёры М. Рошаль и В. Шредель. Написать отзыв на фильм.

Урок 68. Произведения отечественной литературы на тему «Человек на войне».

Ю. Я. Яковлев. «Девочки с Васильевского острова»

1. Краткий рассказ о писателе

Юрий Яковлевич Яковлев (1922—1995) (настоящая фамилия — Ховкин) — русский советский писатель и сценарист, автор книг для подростков. Родился будущий писатель в Петрограде (в настоящее время это город Санкт-Петербург). Лето семья проводила в деревне (дед будущего писателя был крестьянского происхождения), где мать приучала мальчика к крестьянскому труду и деревенской жизни, описания которой широко представлены в произведениях писателя («Воспоминания о корове», 1970, «Продаётся старая лошадь», 1975 и др.).

В конце 1940 года 18-летний Яковлев был призван в армию, а летом началась война. Служба в армии продолжалась в течение шести лет. Яковлев участвовал в обороне Москвы в качестве химинструктора зенитно-артиллерийского полка, получил ранение. «Сколько земли перекопал, перелопатил я за войну! Я рыл окопы, траншеи, землянки, ходы сообщения, могилы... <...> Она липла к моей одежде, к подметкам, к лопате — я весь был намагничен, а она железная» («Сердце земли»). В 1944 году он был награждён медалью «За оборону Москвы», орденом Отечественной войны II степени; медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» Яковлев получил уже после окончания войны.

События Великой Отечественной войны прямо затронули семью писателя. В 1942 году в блокадном Ленинграде умерла его мама. Позднее Яковлев вспоминал: «Каждый день моего детства был связан с мамой... Она вела нас с сестрой через трудную жизнь, создавая на нашем пути тёплое, незамерзающее течение». Памяти матери писатель посвятил рассказы «Сердце земли» (1967) и «Мама» (1982).

В военные годы Яковлев был активным военкором, публиковал стихотворения и очерки о жизни бойцов в газете Московского фронта ПВО «Тревога».

В 1950-е годы Юрий Яковлев писал в основном стихотворения и поэмы для детей. К моменту окончания Литературного института в 1952 году он уже был автором пяти книг стихов: «Наш адрес: стихи о пионерском лете» (1949), «Зеленая книга» (1950), «Какая сегодня погода» (1950), «Наш Андрейка» (1951). В последующие годы писатель выпустил несколько сборников рассказов и повестей. Особое место в прозе Яковлева занимает тема Великой Отечественной войны («Сердце земли» (1967), «Позавчера была война» (1970), «Колыбельная для мужчин» (1976) и др.).

2. Война и дети — трагическая и героическая тема произведений о Великой Отечественной войне.

Ю. Яковлев «Девочки с Васильевского острова»

Чтение рассказа Ю. Яковлева «Девочки с Васильевского острова».

Девочки с Васильевского острова

Умерли все. Осталась одна Таня.

Из дневника Тани Савичевой.

Ленинград, 1942 год.

Я Валя Зайцева с Васильевского острова. У меня под кроватью живёт хомячок. Набьёт полные щёки, про запас, сядет на задние лапы и смотрит чёрными пуговками... Вчера я отдубасила одного мальчишку. Отвесила ему хорошего леща. Мы, василеостровские девчонки, умеем постоять за себя, когда надо... У нас на Васильевском всегда ветрено. Сечёт дождь. Сыплет мокрый снег. Случаются наводнения. И плывёт наш остров, как корабль: слева — Нева, справа — Невка, впереди — открытое море.

У меня есть подружка — Таня Савичева. Мы с ней соседки. Она со Второй линии, дом 13. Четыре окна на первом этаже. Рядом булочная, в подвале керосиновая лавка...

Сейчас лавки нет, но в Танино время, когда меня ещё не было на свете, на первом этаже всегда пахло керосином. Мне рассказывали.

Тане Савичевой было столько же лет, сколько мне теперь. Она могла бы давно уже вырасти, стать учительницей, но навсегда осталась девчонкой... Когда бабушка посылала Таню за керосином, меня не было. И в Румянцевский сад она ходила с другой подружкой. Но я всё про неё знаю. Мне рассказывали.

Она была певуньей. Всегда пела. Ей хотелось декламировать стихи, но она спотыкалась на словах: споткнётся, а все думают, что она забыла нужное слово. Моя подружка пела потому, что когда поёшь, не заикаешься. Ей нельзя было заикаться, она собиралась стать учительницей, как Линда Августовна.

Она всегда играла в учительницу. Наденет на плечи большой бабушкин платок, сложит руки замком и ходит из угла в угол. «Дети, сегодня мы займёмся с вами повторением...»

И тут споткнётся на слове, покраснеет и повернётся к стене, хотя в комнате — никого.

Говорят, есть врачи, которые лечат от заикания. Я нашла бы такого. Мы, василеостровские девчонки, кого хочешь найдём! Но теперь врач уже не нужен. Она осталась там... моя подружка Таня Савичева. Её везли из осажденного Ленинграда на Большую землю, и дорога, названная Дорогой жизни, не смогла подарить Тане жизнь. Девочка умерла от голода... Не всё ли равно отчего умирать — от голода или от пули. Может быть, от голода ещё больше...

Я решила отыскать Дорогу жизни. Поехала на Ржевку, где начинается эта дорога. Прошла два с половиной километра — там ребята строили памятник детям, погибшим в блокаду.

Я тоже захотела строить.

Какие-то взрослые спросили меня:

— Ты кто такая?

— Я Валя Зайцева с Васильевского острова. Я тоже хочу строить.

Мне сказали:

— Нельзя! Приходи со своим районом.

Я не ушла. Осмотрелась и увидела малыша, головастика. Я ухватила за него:

— Он тоже пришёл со своим районом?

— Он пришёл с братом.

С братом можно. С районом можно. А как же быть одной?

Я сказала им:

— Понимаете, я ведь не так просто хочу строить. Я хочу строить своей подруге... Тане Савичевой.

Они выкатили глаза. Не поверили. Переспросили:

— Таня Савичева твоя подруга?

— А чего здесь особенного? Мы одноклассники. Обе с Васильевского острова.

— Но её же нет...

До чего бестолковые люди, а ещё взрослые! Что значит «нет», если мы дружим?

Я сказала, чтобы они поняли:

— У нас всё общее. И улица, и школа. У нас есть хомячок. Он набьёт щёки...

Я заметила, что они не верят мне. И чтобы они поверили, выпалила:

— У нас даже почерк одинаковый!

— Почерк? — Они удивились ещё больше.

— А что? Почерк!

Неожиданно они повеселели, от почерка:

— Это очень хорошо! Это прямо находка. Поедем с нами.

— Никуда я не поеду. Я хочу строить...

— Ты будешь строить! Ты будешь для памятника писать Таниным почерком.

— Могу, — согласилась я. — Только у меня нет карандаша. Дадите?

— Ты будешь писать на бетоне. На бетоне не пишут карандашом.

Я никогда не писала на бетоне. Я писала на стенках, на асфальте, но они привезли меня на бетонный завод и дали Танин дневник — записную книжку с алфавитом: а, б, в... У меня есть такая же книжка. За сорок копеек.

Я взяла в руки Танин дневник и открыла страничку. Там было написано: «Женя умерла 28 дек. 12.30 час. утра 1941 г.».

Мне стало холодно. Я захотела отдать им книжку и уйти.

Но я василеостровская. И если у подруги умерла старшая сестра, я должна остаться с ней, а не удирать.

— Давайте ваш бетон. Буду писать.

Кран опустил к моим ногам огромную раму с густым серым тестом. Я взяла палочку, присела на корточки и стала писать. От бетона веяло холодом. Писать было трудно. И мне говорили:

— Не торопись.

Я делала ошибки, заглаживала бетон ладонью и писала снова.

У меня плохо получалось.

— Не торопись. Пиши спокойно.

«Бабушка умерла 25 янв. 3 ч. дня 1942 г.».

Пока я писала про Женю, умерла бабушка.

Если просто хочешь есть, это не голод — поешь часом позже.

Я пробовала голодать с утра до вечера. Вытерпела. Голод — когда изо дня в день голодает голова, руки, сердце — всё, что у тебя есть, голодает. Сперва голодает, потом умирает.

«Лёка умер 17 марта в 5 часов утра 1942 г.».

У Лёки был свой угол, отгороженный шкафами, он там чертил.

Зарабатывал деньги черчением и учился. Он был тихий и близорукий, в очках, и всё скрипел у себя своим рейсфедером. Мне рассказывали.

Где он умер? Наверное, на кухне, где маленьким слабым паровозиком дымила «буржуйка», где спали, раз в день ели хлеб. Маленький кусочек, как лекарство от смерти. Лёке не хватило лекарства...

— Пиши, — тихо сказали мне.

В новой раме бетон был жидкий, он напелзал на буквы. И слово «умер» исчезло. Мне не хотелось писать его снова. Но мне сказали:

— Пиши, Валя Зайцева, пиши.

И я снова написала — «умер».

«Дядя Вася умер 13 апр. 2 ч. ночь 1942 г.».

«Дядя Лёша 10 мая в 4 ч. дня 1942 г.».

Я очень устала писать слово «умер». Я знала, что с каждой страничкой дневника Тане Савичевой становилось всё хуже. Она давно перестала петь и не замечала, что заикается. Она уже не играла в учительницу. Но не сдавалась — жила. Мне рассказывали... Наступила весна. Зазеленели деревья. У нас на Васильевском много деревьев. Таня высохла, вымерзла, стала тоненькой и лёгкой. У неё дрожали руки и от солнца болели глаза. Фашисты убили половину Тани Савичевой, а может быть, больше половины. Но с ней была мама, и Таня держалась.

— Что же ты не пишешь? — тихо сказали мне. — Пиши, Валя Зайцева, а то застынет бетон.

Я долго не решалась открыть страничку на букву «М». На этой страничке Таниной рукой было написано: «Мама 13 мая в 7.30 час. утра 1942 года». Таня не написала слово «умерла». У неё не хватило сил написать это слово.

Я крепко сжала палочку и коснулась бетона. Не заглядывала в дневник, а писала наизусть. Хорошо, что почерк у нас одинаковый.

Я писала изо всех сил. Бетон стал густым, почти застыл. Он уже не наползал на буквы.

— Можешь ещё писать?

— Я допишу, — ответила я и отвернулась, чтобы не видели моих глаз. Ведь Таня Савичева моя... подружка.

Мы с Таней одноклассницы, мы, василеостровские девчонки, умеем постоять за себя, когда надо. Не будь она василеостровской, ленинградской, не продержалась бы так долго. Но она жила — значит, не сдавалась!

Открыла страничку «С». Там было два слова: «Савичевы умерли».

Открыла страничку «У» — «Умерли все». Последняя страничка дневника Тани Савичевой была на букву «О» — «Осталась одна Таня».

И я представила себе, что это я, Валя Зайцева, осталась одна: без мамы, без папы, без сестрёнки Люльки. Голодная. Под обстрелом.

В пустой квартире на Второй линии. Я захотела зачеркнуть эту последнюю страницу, но бетон затвердел, и палочка сломалась.

И вдруг про себя я спросила Таню Савичеву: «Почему одна? А я? У тебя же есть подруга — Валя Зайцева, твоя соседка с Васильевского острова. Мы пойдём с тобой в Румянцевский сад, побегаем, а когда надоест, я принесу из дома бабушкин платок, и мы сыграем в учительницу Линду Августовну. У меня под кроватью живёт хомячок. Я подарю его тебе на день рождения. Слышишь, Таня Савичева?»

Кто-то положил мне руку на плечо и сказал:

— Пойдём, Валя Зайцева. Ты сделала всё, что нужно. Спасибо.

Я не поняла, за что мне говорят «спасибо». Я сказала:

— Приду завтра... без своего района. Можно?

— Приходи без района, — сказали мне. — Приходи.

Моя подружка Таня Савичева не стреляла в фашистов и не была разведчиком у партизан. Она просто жила в родном городе в самое трудное время. Но, может быть, фашисты потому и не вошли в Ленинград, что в нём жила Таня Савичева и жили ещё много

других девчонок и мальчишек, которые так навсегда и остались в своём времени. И с ними дружат сегодняшние ребята, как я дружу с Таней.

А дружат ведь только с живыми.

...И плывёт наш остров, как корабль: слева — Нева, справа — Невка, впереди — открытое море.

3. Проблема героизма

Аналитическая беседа. Ответы на вопросы:

— Вы прочитали рассказ Ю. Яковлева «Девочки с Васильевского острова». О чём этот рассказ? Какой теме он посвящён?

— Расскажите о главной героине произведения. Какой у неё характер? Как об этом говорит автор?

— Несмотря на то, что девочки не являются современницами, Валя называет Таню своей подружкой. Почему? Что объединяет главную героиню с Таней Савичевой? Подтвердите свой ответ цитатами из текста.

— Почему Вале было поручено написать на бетоне слова из дневника Тани Савичевой? Новую запись Вале было сделать сложнее, чем предыдущую. Героиня пропускает через себя события, происходившие с семьей Савичевых в период блокады Ленинграда, она проживает те же эмоции, что и Таня Савичева. Найдите в тексте этому подтверждение.

— Какой вывод делает героиня рассказа? Подтвердите свой ответ цитатой из текста.

— Объясните слова Вали Зайцевой: «И с ними дружат сегодняшние ребята, как я дружу с Таней. А дружат ведь только с живыми».

Ответ на итоговый вопрос:

— Почему память о прошлом так важна в современном мире?

4. Домашнее задание

Индивидуальное задание: подготовить презентацию или сообщение о памятнике детям блокадного Ленинграда «Цветок жизни», используя текст

рассказа Ю. Яковлева «Девочки с Васильевского острова», материалы и фотографии из книг или Интернета.

Урок 69. К. М. Симонов. «Сын артиллериста». Проблематика героизма. Дети и взрослые в условиях военного времени

1. К. М. Симонов. «Сын артиллериста»

Выразительное чтение поэмы К. М. Симонова «Сын артиллериста».

Сын артиллериста

Был у майора Деева
Товарищ — майор Петров,
Дружили ещё с гражданской,
Ещё с двадцатых годов.
Вместе рубали белых
Шашками на скаку,
Вместе потом служили
В артиллерийском полку.
А у майора Петрова
Был Лёнька, любимый сын,
Без матери, при казарме,
Рос мальчишка один.
И если Петров в отъезде, —
Бывало, вместо отца
Друг его оставался
Для этого сорванца.
Вызовет Деев Лёньку:
— А ну, поедem гулять:
Сыну артиллериста
Пора к коню привыкать! —
С Лёнькой вдвоём поедет
В рысь, а потом в карьер.

Бывало, Лёнька спасует,
Взять не сможет барьер,
Свалится и захнычет.
— Понятно, ещё малец! —
Деев его поднимет,
Словно второй отец.
Подсадит снова на лошадь:
— Учись, брат, барьеры брать!
Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла! —
Такая уж поговорка
У майора была.
Прошло ещё два-три года,
И в стороны унесло
Деева и Петрова
Военное ремесло.
Уехал Деев на Север
И даже адрес забыл.
Увидеться — это б здорово!
А писем он не любил.
Но оттого, должно быть,
Что сам уж детей не ждал,
О Лёньке с какой-то грустью
Часто он вспоминал.
Десять лет пролетело.
Кончилась тишина,
Гроном загрохотала
Над родиною война.
Деев дрался на Севере;
В полярной глуши своей
Иногда по газетам

Искал имена друзей.
Однажды нашёл Петрова:
«Значит, жив и здоров!»
В газете его хвалили,
На Юге дрался Петров.
Потом, приехавши с Юга,
Кто-то сказал ему,
Что Петров, Николай Егорыч,
Геройски погиб в Крыму.
Деев вынул газету,
Спросил: «Какого числа?» —
И с грустью понял, что почта
Сюда слишком долго шла...
А вскоре в один из пасмурных
Северных вечеров
К Дееву в полк назначен
Был лейтенант Петров.
Деев сидел над картой
При двух чадающих свечах.
Вошёл высокий военный,
Косая сажень в плечах.
В первые две минуты
Майор его не узнал.
Лишь басок лейтенанта
О чём-то напоминал.
— А ну, повернитесь к свету, —
И свечку к нему поднёс.
Всё те же детские губы,
Тот же курносый нос.
А что усы — так ведь это
Сбрить! — и весь разговор.
— Лёнька? — Так точно, Лёнька,
Он самый, товарищ майор!

— Значит, окончил школу,
Будем вместе служить.
Жаль, до такого счастья
Отцу не пришлось дожить. —
У Лёньки в глазах блеснула
Непрошенная слеза.
Он, скрипнув зубами, молча
Отёр рукавом глаза.
И снова пришлось майору,
Как в детстве, ему сказать:
— Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла! —
Такая уж поговорка
У майора была.
А через две недели
Шёл в скалах тяжёлый бой,
Чтоб выручить всех, обязан
Кто-то рискнуть собой.
Майор к себе вызвал Лёньку,
Взглянул на него в упор.
— По вашему приказанию
Явился, товарищ майор.
— Ну что ж, хорошо, что явился.
Оставь документы мне.
Пойдёшь один, без радиста,
Рация на спине.
И через фронт, по скалам,
Ночью в немецкий тыл
Пройдёшь по такой тропинке,
Где никто не ходил.
Будешь оттуда по радио

Вести огонь батарей.
Ясно? — Так точно, ясно.
— Ну, так иди скорей.
Нет, погоди немножко. —
Майор на секунду встал,
Как в детстве, двумя руками
Лёньку к себе прижал:
— Идёшь на такое дело,
Что трудно прийти назад.
Как командир, тебя я
Туда посылать не рад.
Но как отец... Ответь мне:
Отец я тебе иль нет?
— Отец, — сказал ему Лёнька
И обнял его в ответ.
— Так вот, как отец, раз вышло
На жизнь и смерть воевать,
Отцовский мой долг и право
Сыном своим рисковать,
Раньше других я должен
Сына вперёд посылать.
Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла! —
Такая уж поговорка
У майора была.
— Понял меня? — Всё понял.
Разрешите идти? — Иди! —
Майор остался в землянке,
Снаряды рвались впереди.
Где-то гремело и ухало.
Майор следил по часам.

В сто раз ему было б легче,
Если бы шёл он сам.
Двенадцать... Сейчас, наверно,
Прошёл он через посты.
Час... Сейчас он добрался
К подножию высоты.
Два... Он теперь, должно быть,
Ползёт на самый хребет.
Три... Поскорей бы, чтобы
Его не застал рассвет.
Деев вышел на воздух —
Как ярко светит луна,
Не могла подождать до завтра,
Проклята будь она!
Всю ночь, шагая как маятник,
Глаз майор не смыкал,
Пока по радио утром
Донёсся первый сигнал:
— Всё в порядке, добрался.
Немцы левей меня,
Координаты три, десять,
Скорей давайте огня! —
Орудия зарядили,
Майор рассчитал всё сам,
И с ревом первые залпы
Ударили по горам.
И снова сигнал по радио:
— Немцы правей меня,
Координаты пять, десять,
Скорее ещё огня!
Летели земля и скалы,
Столбом поднимался дым,
Казалось, теперь оттуда

Никто не уйдёт живым.
Третий сигнал по радио:
— Немцы вокруг меня,
Бейте четыре, десять,
Не жалейте огня!
Майор побледнел, услышав:
Четыре, десять — как раз
То место, где его Лёнька
Должен сидеть сейчас.
Но, не подавши виду,
Забыв, что он был отцом,
Майор продолжал командовать
Со спокойным лицом:
«Огонь!» — летели снаряды.
«Огонь!» — заряжай скорей!
По квадрату четыре, десять
Било шесть батарей.
Радио час молчало,
Потом донёлся сигнал:
— Молчал: оглушило взрывом.
Бейте, как я сказал.
Я верю, свои снаряды
Не могут тронуть меня.
Немцы бегут, нажмите,
Дайте море огня!
И на командном пункте,
Приняв последний сигнал,
Майор в оглохшее радио,
Не выдержав, закричал:
— Ты слышишь меня, я верю:
Смертью таких не взять.
Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать.

Никто нас в жизни не может
Вышибить из седла! —
Такая уж поговорка
У майора была.
В атаку пошла пехота —
К полудню была чиста
От убегавших немцев
Скалистая высота.
Всюду валялись трупы,
Раненый, но живой
Был найден в ущелье Лёнька
С обвязанной головой.
Когда размотали повязку,
Что наспех он завязал,
Майор поглядел на Лёньку
И вдруг его не узнал:
Был он как будто прежний,
Спокойный и молодой,
Всё те же глаза мальчишки,
Но только... совсем седой.
Он обнял майора, прежде
Чем в госпиталь уезжать:
— Держись, отец: на свете
Два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла! —
Такая уж поговорка
Теперь у Лёньки была...
Вот какая история
Про славные эти дела
На полуострове Среднем
Рассказана мне была.
А вверху, над горами,

Всё так же плыла луна,
Близко грохали взрывы,
Продолжалась война.
Трещал телефон, и, волнуясь,
Командир по землянке ходил,
И кто-то так же, как Лёнька,
Шёл к немцам сегодня в тыл.

2. Дети и взрослые в условиях военного времени

Ответы на вопросы:

— Вы уже познакомились с двумя стихотворениями о войне:

А. Т. Твардовского «Рассказ танкиста» и К. М. Симонова «Майор привёз мальчишку на лафете...». Почему поэму К. М. Симонова «Сын артиллериста» важно поместить рядом с ними?

— Что рассказывает поэт о дружбе двух майоров – Деева и Петрова, о воспитании Лёньки, будущего лейтенанта Леонида Петрова?

— Почему Деев продолжает называть уже взрослого человека, офицера, Лёнькой?

— Как была передана Лёньке воинская традиция старших поколений и в чём она выразилась в поэме?

— Почему на самое трудное задание майор послал Лёньку? Как выполнил Лёнька поручение майора? Как передал поэт подвиг Лёньки при встрече с майором после боя?

— Почему поговорки майора Деева и Лёньки вошли в наш язык и какой смысл в них заключён?

— Какое впечатление произвела на вас поэма К. М. Симонова?

— Какие произведения или художественные фильмы о Великой Отечественной войне вы читали или смотрели? Какие из них вы могли бы порекомендовать почитать или посмотреть своим одноклассникам?

3. Домашнее задание

Индивидуальные задания

1. А. Т. Твардовский писал: «Дети и война — нет более ужасного сближения противоположных вещей на свете». Подготовить рассказ о герое одного из прочитанных вами произведений, применив эти слова поэта.

2. Подготовить информацию о детях — участниках Великой Отечественной войны, используя дополнительную литературу, ресурсы Интернета, а также воспоминания ваших родных и близких.

Урок 72. Резервный урок. Л. А. Кассиль. «Дорогие мои мальчишки». Идеино-нравственные проблемы в произведении

1. Краткий рассказ о писателе Л. А. Кассиле

Лев Абрамович Кассиль — известный советский писатель, журналист. Родился 10 июля 1905 года в Покровской слободе (ныне г. Энгельс) Саратовской губернии в семье врача и учительницы музыки. В детстве будущий писатель мечтал стать извозчиком, «кораблестроителем», натуралистом. Учился в гимназии, после революции преобразованной в Единую трудовую школу, сотрудничал с Покровской детской библиотекой-читальней: он был редактором и художником рукописного журнала. В 1923 году поступил на физико-математический факультет МГУ. К третьему курсу Кассиль стал увлекаться литературным творчеством. В 1925 году в газете «Новости радио» был напечатан его первый рассказ. В начале 1930-х годов вышли первые детские книги писателя, которые принесли ему всесоюзную любовь и звание классика советской литературы: «Вкусная фабрика» (1930), «Планетарий» (1931), «Лодка-вездеход» (1933) и др. Самое значительное произведение Льва Абрамовича — книга «Конduit и Швамбрания» (1935), которая написана по воспоминаниям писателя об их с братом дореволюционном детстве.

Во время Великой Отечественной войны Кассиль был военным корреспондентом. Многие рассказы писателя рассказывают о военных буднях,

о детях на фронте и в тылу. Повесть «Дорогие мои мальчишки» (1944) — о подростках маленького приволжского городка Затонск, которые в годы войны создали тайную организацию для помощи городу. Они помогали взрослым, младшим детям, дружили с юнгами, как могли поддерживали друг друга.

В предисловии к своей книге Лев Кассиль написал: «Для Вас, друзья, дорогие мои мальчишки и девчонки, написал я в дни Великой войны эту книгу. В ней рассказывается о мальчишках и девчонках, которые вместе с нашей Родиной стойко выдержали горькие испытания и, как ни бушевала буря, как тяжело ни приходилось им порой, учились, работали, не расставались с самыми заветными мечтами.

Мне очень хочется, чтобы из этих мальчиков и девочек — и из всех вас тоже — выросли сильные люди с отважным сердцем, ясной головой, умелыми и настойчивыми руками и доброй душой, которая ни за что на свете не примирится со злом и несправедливостью. Может быть, и вам пригодится в жизни боевой клич моих мальчишек: „Отвага, Верность, Труд — Победа!“»

2. Повесть Л. А. Кассиля «Дорогие мои мальчишки»

Лев Кассиль посвятил повесть «Дорогие мои мальчишки» памяти детского писателя Аркадия Петровича Гайдара. События повести, таинственная игра, полезные дела синегорцев напоминают события повести А. П. Гайдара «Тимур и его команда». В повести соединились сказка о стране Лазоревых Гор Синегории, придуманная учителем Арсением Петровичем, а после его гибели продолженная мальчишками, и реальные события 1942 года. Тайна загадочной страны Синегории держит читателей в ожидании разгадки до конца произведения. В эту сказку врывается война, и игра мальчишек-синегорцев превращается в серьёзные дела, и им вместе с юнгами уже не в сказке, а на самом деле приходится защищать свой город от врага.

Чтение фрагмента повести Льва Кассиля «Дорогие мои мальчишки».

Пионеры-синегорцы Рыбачьего Затона

Прошло пять дней. Валерка видел Капку лишь мельком. Маленький бригадир почти не появлялся дома. В Затоне гнали срочное задание, и были дни, когда Капка даже ночевать не приходил домой и, сморившись, засыпал где-нибудь под опрокинутым дощаником прямо на заводской площадке. Он осунулся и словно бы вырос за эти несколько дней. И деликатный Валерка при молчаливом согласии Тимсона решил, что следует обождать и не тревожить командора.

Но на шестой день на трубе домика, где жили Бутырёвы, неожиданно появился флюгер. Дул низовой ветер, вертушка, к радости Ньюши, долго ждавшей обещанную фырчалку, звонко гремела. Валерка сразу заметил этот условный сигнал и помчался к своему командору. Капки он не застал, командор уже ушёл в Затон. Рима передала Черепашкину записку. Она была заклеена смолой, что, правда, не помешало Риме раскрыть её и полюбопытствовать, о чём там говорится. Рима ничего не поняла. В записке без единой запятой было сказано: «Амальгама зажигай Большой Костёр где всегда в 9 Изобар».

Но Валерка всё понял. Примчавшись домой, он сейчас же забрался на чердак, вылез оттуда через слуховое окно на крышу мезонина и, услышав, что на каланче у базара пробило восемь (это был час, когда синегорцы должны были наблюдать, не появится ли на горизонте условный сигнал), вынул карманное зеркальце и засверкал им. Проще было бы, конечно, сбегать к товарищам и оповестить их. Но Валерка свято берёт сложные обычаи синегорцев и, пользуясь ясной погодой, решил прибегнуть к помощи солнечного телеграфа. Он недолго вертел зеркальцем, сидя на коньке крыши. Вот на другом конце улицы что-то блеснуло в ответ. Замигало, вспыхнуло зеркальце ещё у одной трубы.

И Валерка Черепашкин передал соседям, а те с крыши на крышу при помощи световой азбуки Морзе, что сегодня в девять назначен Большой Костёр.

Все понимали, что произошло что-то крайне важное. Капка давно уже не созывал синегорцев на Большой Костёр. После того как он пошёл в училище и стал работать на заводе, командор как будто сторонился пионеров и тяготился своими обязанностями. Вообще вся затея как будто угасала после ухода в армию Арсения Петровича Гая. Ведь он и придумал всё это, — собственно он, Валерий Черепашкин, Капка и Тимсон — все они вместе. Началось это ещё в прошлогоднем летнем лагере на Зелёном Острове. Сперва Арсений Петрович затеял там очень интересную игру в пионеров-мастеров. Каждый участник её должен был отличиться в каком-нибудь полезном деле. Звание Мастера после

многих увлекательных испытаний и таинственных приключений, которые нарочно подстраивал Гай, давалось самым верным, храбрейшим и искуснейшим. А потом, когда готовились к общелагерному костру, придумали легенду о синегорцах. Синегорию открыл Валерка Черепашкин, а населил её Великими Мастерами сам Арсений Петрович. И с этой сказкой о Синегории Валерка успешно выступал у костра, на смотре лагерной самодеятельности.

Но на том дело не кончилось. Ребятам захотелось продолжать игру, овеянную теперь высоким таинственным смыслом, открывшимся в рассказанной у костра легенде.

И так как друзья наши продолжали встречаться в городском Доме пионеров с Арсением Петровичем, то они продолжали считать себя синегорцами. В игру вовлекались теперь и другие пионеры, не бывшие в лагере. Каждому отводилось соответственно его вкусам и наклонностям место в Синегории. То хорошее, что делал пионер в жизни, по-своему определяло его роль и положение у Лазоревых Гор; новую, тайную, биографию его придумывали сообща у костра. И славные, добрые, полезные дела, которые совершал каждый участник игры в жизни, заносились в летопись Синегории соответствующим образом и особым, сказочным шифром. Например, про мальчика, разводившего в Рыбачьем Затоне почтовых голубей, Валерка в своей летописи рассказывал как о Покорителе Подоблачных Гнёзд.

Пионер, вышедший победителем на школьном шахматном турнире, принял в летописи Валерки звание Рыцаря Клетчатых Лат. Под его началом войска Синегории выгнали из ущелий Лазоревых Гор полчища Чёрных Коней. Лучший среди затонских пионеров собиратель металлического лома был в Синегории Будильником Вулканов и мог вернуть к бурной жизни самый заброшенный кратер. Трудолюбивый и спорый во всяком ремесле, Капка стал оружейником Изобарой. Большеглазый фантазёр, летописец синегорцев Валерка превратился в Мастера Зеркал Амальгаму. Бахчевод Тимка принял имя: Дрон Садовая Голова. И всегда в их делах побеждали отвага, верность и труд. Это стало девизом синегорцев. А на гербе Синегории появились: радуга, стрела и вьюнок — знаки, тайный смысл которых станет вам ясным, если вы дочитаете эту книгу до конца и узнаете о судьбе Мастера Амальгамы и его возлюбленной.

Продавец в базарном ларьке, где торговали галантереей, был весьма озадачен, когда в один прекрасный день у него раскупили разом все карманные зеркальца. Он недоумевал, почему это затонских мальчишек обуяло вдруг такое повальное кокетство.

Ребята ценили прелесть тайны, и Арсений Петрович отлично понимал это. Гай говорил, что дела важнее славы, а слава придёт с делами. После его отъезда на фронт дела, однако, не ладились, а теперь мальчики уже прослышали от Черепашкина, что назначенный Гаем командор Капка намеревается уйти. Это всех очень тревожило. Потому мальчики с нетерпением ожидали вечера.

Островок, отрезанный от города рукавом Волги, который все звали прораной, и почти весь залитый половодьем, носил у синегорцев прекрасное имя: остров Товарищества. Остров был песчаный, весь заросший ивняком, но посередине его вздымалась возвышенность. Выветрившийся известняк образовал здесь гряду утёсов. Ветер выдул в них пещеры. В одной из них и собирались синегорцы.

К назначенному часу меж полузатопленных кустов и деревьев, обмакнувших свои ветви в струи Волги, стали пробираться лодки. Прорана была тут узкой, на лодке её можно было переплыть минут за пять. Но нелегко было пробраться через затопленный ивняк до места, где находилась пещера. Лодки тёрлись бортами о тугие ветви, приходилось руками раздвигать кусты и, цепляясь за них, упершись ногами в днище шлюпки, подтягивать её за собой. Шурша о плоские камешки, шлюпки вылезали носами на бережок, твёрдый и пористый.

День был свежий, солнечный с утра. А теперь небо было закрыто низкими тучами, и тьма сгустилась раньше времени. На берегу, у пещеры, Валерий Черепашкин проверял прибывших и принимал рапорты. В сумраке тускло поблёскивали зеркальца, которые каждый вынимал из кармана, сойдя на берег.

У всех мальчиков на рубашках темнели пионерские галстуки.

— Отвага и Верность! — тихо говорил прибывший.

— Труд и Победа! — отзывался Черепашкин, — Будь готов!

— Всегда готов! — четко звучало в ответ.

— Сдай рапорт! — разрешал Черепашкин.

— Лому всякого, железок — сто двадцать кило, шурупчиков и гаек там разных — полторы кошёлки, да ещё рельса старая, не очень сильно ржавая, даже со шпалой... Сколько весит, не знаю: больно тяжёлая.

— Проходи, — говорил Валерка. — А ты с чем? — обращался он к другому.

— Был в госпитале, провёл громкое чтение вслух, да ещё две книжки про себя, сочинения писателя Марка Твена, очень интересные... Отвага и Верность!

— Труд и Победа! Проходи. Следующий.

— А я наклеил плакат против Ходули и прочих подобных срывщиков... Ходуля меня стукнул два раза... — Проходи.

Вот уже прибыл Стёпушкин Кира, лучший в городе сборщик металлолома. Соскочил с лодки Коля Кудряшов, прославившийся в Затоне своей тимуровской заботой о малышах, желанный гость в каждом доме, откуда отец ушёл воевать. Явился главный барабанщик Павлуша Марченко — этот отличился как неутомимый песенник в госпиталях, где он вместе с другими пионерами развлекал раненых. Уже сдали рапорты Начальник Охоты — юннат Веня Кунц, Рыцарь Клетчатых Лат шахматист Юра Плотников и другие славные пионеры Рыбачьего Затона. Не было только самого Капки да Тимсона, который должен был сопровождать командора и ждал его на лодке у Рыбной пристани.

Долго не было Капки. А тьма всё сгущалась, ветер порывами проносился в кустах, и деревья полоскали свои мокрые ветви в воде. Мальчики стали уже беспокоиться. Но вот заскрипели уключины, раздвинулись кусты, и длинный острый нос рыбацкой лодки вылез, шурша о камни, на берег. Тимка соскочил с носа на землю и вытянулся. В левой руке он держал лодочную цепь, правой отдавал салют. Капка, балансируя, чтобы не упасть, перепрыгивая со скамьи на скамью, сошёл на берег. Валерка шагнул ему навстречу и отсалютовал:

— Товарищ Командор и Мастер Большого Костра! Пионеры-синегорцы Рыбачьего Затона собрались по вашему сигналу. Рапорты приняты и занесены в книгу. Зеркала проверены. Костёр зажжён.

Капка поднял было руку для ответного салюта, но, не донеся её до головы, тяжело махнул.

Да ладно уж... — тихо произнес он.

Валерку покорило это пренебрежение к обычаям. Совсем по-другому, не так, не таким голосом, не теми словами должен был ответить командор.

Все молча прошли к пещере. У входа её Кира Стёпушкин, почётный Хранитель Огня, уже разжёг костёр. Он еле заметно тлел под ржавым листом жести, потому что время было военное и нельзя было палить огни — в районе проводилось затемнение, даже бакенов не зажигали на ходовом русле Волги. Ветер загонял дым костра в пещеру, ёло глаза, но закон есть закон, обычай свят, и мальчики молча расселись вокруг небольшого возвышения, которое громко называлось Круглым Столом. Тимка стал у выхода па часах.

— Ребята... — начал тяжёлым, осипшим голосом Капка.

«Плохо дело! Сейчас откажется», — подумал Валерка.

— Ребята, я сейчас вам... — Капка запнулся.

«Решил, всё кончено», — догадался Черепашкин.

— Ну... мне приходится, — продолжал еле слышно Капка, — мне вышло сказать вам плохое...

Все замерли.

Капка опустил голову.

— Арсения Петровича убили, — проговорил он быстро, и горло у него перехватило.

— А-а-а! — глухим стоном прошло по кругу.

И стало ужасно тихо. Каждому казалось, что сердце его во мраке колотится о стены пещеры. Потом кто-то, ещё словно надеясь, спросил осторожно:

— Капка, ты правду говоришь?.. Ты верно это знаешь?.. Может, неизвестно ещё...

А, Капка? Может, это не так...

Но Капка замотал низко опущенной головой.

— Мне его мать из Саратова письмо написала. Ей похоронную уже прислали, — сказал он.

Было темно, и дым очень ел глаза, и некоторые всё откашливались.

— Ребята, — заговорил опять Капка, — конечно, горе. И даже очень большое. Хуже уж некуда. Таких, как Арсений Петрович, мало где сыщешь. А коли найдётся, так для нас всё равно лучше Арсения Петровича никто на свете не будет.

Он помолчал некоторое время. Было тихо в пещере. Костёр у входа угасал. Кто-то опять коротко и тяжело ахнул в темноте.

— Ребята, — голос Капки зазвучал вдруг твёрдо и громко, — только давайте мы дела не бросим. Сами уж как-нибудь. Одни... Я тут намерен отказываться думал. То забыть. Глупости это. Раз и навсегда. Если когда манкировал чего, пусть каждый скажет напрямик: так, мол, и так. Коли в чём виноват — то же самое. Буду знать и сделаю как надо, как следует. Но дело бросать — это хуже ещё, чем память Арсения Петровича позабыть. Значит, надо дело делать. Вот, по-моему, как. Это, я считаю, до осени так, до школы... А как в школу пойдёте, так там, конечно, уже другой разговор...

Капка тяжело перевёл дух и затем продолжал уже решительнее:

— Арсений Петрович что говорил? Что мы прежде всего пионеры и даже всех других пионеров попионеристее. Мы и есть пионеры своего города, пионеры военного времени.

— А если дразнятся вот юнги эти? — спросил кто-то в темноте.

— За словом в карман не лазить, резать с ходу, брить начисто, — ответил Капка.

— И вот! — Тимсон для наглядности поднес к костру свой объемистый кулак.

— Ты только и знаешь, что «вот»... А они эвакуированные. Знаешь, как им в Ленинграде досталось? Какое у них было переживание? Надо считаться и соображать.

И помочь, если что. Ведь наш город, мы хозяева. Ну и, конечно, если уж сами полезут, не давать им очень-то...

Костёр гас, вот-вот совсем потухнет.

— Стёпушкин, ты Хранитель Костра, за огонь отвечаешь. Почему жар не поддерживаешь? Костёр должен всё равно гореть.

Да, костёр должен гореть всё равно. Что бы там ни было — он должен гореть. Капка очень устал за день. Много пришлось ему передумать сегодня. Тяжёлая весть напомнила об отце... Вот как принесут такое же письмо... Но костёр должен гореть. Он должен гореть всё равно.

Под ржавым громыхнувшим листом жести Стёпушкин чиркал спичками. Но хворост попался сырой и никак не разжигался.

— В общем, так, — проговорил Капка. — Если ребята не против, то я согласный, как прежде. Давайте решать. Ставлю на голосование. Приготовьте зеркала! Ну, кто «за»?

Он вынул свой заветный карманный фонарь. Батарейка уже иссякала, но лампочка ещё давала слабый свет. И бледным желтеющим лучом Капка обвёл в пещере вокруг себя.

Каждый синегорец подставлял под луч своё зеркальце, оно вспыхивало в темноте, и Капка считал голоса.

— Против?

Полная тьма, единодушная тьма была ответом. Капка ещё раз обвёл всех товарищей лучом: не блеснёт ли кто против? Нет. Он погасил фонарик.

— И предлагаю... В общем, ребята, давайте споем нашу песню, которую Арсений Петрович для нас сложил. Только... пускай кто-нибудь запекает. У меня сегодня горло чего-то простыло.

Синегорцы встали тесным кругом, обняв друг друга за плечи.

В темноте запел своим ясным, зеркальным альтином Валерка:

Отца заменит сын, и внук заменит деда,

На подвиг и на труд нас Родина зовёт!

Отвага — наш девиз, — Труд, Верность и Победа!

Вперёд, товарищи! Друзья, вперёд!

Мальчики пели негромко, ломкими, ещё не устоявшимися голосами, чуточку севшими от волнения. Они пели почти невидимые в темноте, но каждый чувствовал плечом плечо товарища.

И, если даже нам порой придётся туго,
Никто из нас, друзья, не струсит, не соврёт.
Товарищ не предаст ни Родины, ни друга.
Вперёд, товарищи! Друзья, вперёд!

А снаружи над островком, над Волгой спустилась ночь без огней и звуков. Только ветер шумел в затопленных кустах да, журча в ветвях, вились струи полой воды. Кира Стёпушкин наконец разжёл костёр, укрыл его жостью, поднялся, отдуваясь, и присоединился к поющим. Горячие красноватые отблески огня заиграли на лицах. Черты отяжелели, резкие тени легли у всех над бровями, на крыльях носа, на губах. Лица казались теперь суровыми, крепко, по-мужски отвердевшими. И мальчики пели:

Пусть ветер нам в лицо и нет дороги круче,
Но мы дойдём туда, где радуга цветёт!
Окончится гроза, и разойдутся тучи.
Вперёд, товарищи! Друзья, вперёд!

3. Идеино-нравственные проблемы в произведении

Ответы на вопросы:

— Вы прочитали фрагмент повести Льва Кассиля «Дорогие мои мальчишки». О чём рассказывается в этом фрагменте?

— Какую игру для ребят придумал Арсений Петрович? Расскажите о правилах этой игры.

— Как называлась таинственная страна?

— Перечислите главных героев повести — синегорцев. Какие добрые дела они совершали?

— Назовите символ и девиз синегорцев.

Прочитайте повесть Льва Кассиля «Дорогие мои мальчишки» полностью.

Подготовьте ответы на вопросы и задания ко всему произведению:

— О чём рассказывается в повести?

— Определите тему этого произведения.

— Какие проблемы поднимает автор в своём произведении?

— Прокомментируйте высказывание Льва Кассиля, которым заканчивается повесть: «И вижу я, что совсем не так уж плохо живётся на свете, и снова верю, что отвага, верность и труд непременно победят, как бы ни упирался встречный ветер, как бы ни клочкотала гроза. Радуга ещё вскинется, обнимет мир, и всё будет хорошо, всё станет как надо, дорогие мои мальчишки!»

— Какие ещё произведения вы читали, где герои помогают своим товарищам? Расскажите о них.

4. Домашнее задание

Коллективное задание. В 1946 году по повести Льва Кассиля «Дорогие мои мальчишки» был снят художественный фильм «Синегория» (режиссёры Э. Гарин и Х. Локшина). В 1978 году вышел двухсерийный фильм «Мальчишки» (режиссёр В. Зобин). Посмотреть художественные фильмы. Рассказать, какой фильм понравился больше. Сравнить фильмы с художественным произведением. Поделиться своими впечатлениями.

Урок 75. Произведения отечественных писателей XIX—XXI веков на тему детства. Ю. И. Коваль «Нулевой класс»

1. Рассказ Ю. И. Коваля «Нулевой класс»

Рассказ Ю. И. Коваля «Нулевой класс» был написан в 1990 году и вошёл в сборник рассказов «Листобой». Это рассказ о призвании учителя. Молодая учительница смогла найти подход к дошкольнику, и стала обучать его в игровой форме, проявив себя как чуткий, внимательный педагог.

Чтение рассказа Ю. И. Коваля «Нулевой класс».

Нулевой класс

Приехала к нам в деревню новая учительница. Марья Семёновна. А у нас и старый учитель был — Алексей Степанович. Вот новая учительница стала со старым дружить. Ходят

вместе по деревне, со всеми здороваются. Дружили так с неделю, а потом рассорились. Все ученики к Алексей Степанычу бегут, а Марья Семёновна стоит в сторонке. К ней никто и не бежит — обидно.

Алексей Степанович говорит:

— Бегите-ко до Марьи Семёновны.

А ученики не бегут, жмутся к старому учителю. И, действительно, серьёзно так жмутся, прямо к бокам его прижимаются.

— Мы её пугаемся, — братья Моховы говорят. — Она бруснику моет.

Марья Семёновна говорит:

— Ягоды надо мыть, чтоб заразу смыть.

От этих слов ученики ещё сильнее к Алексей Степанычу жмутся.

Алексей Степанович говорит:

— Что поделаешь, Марья Семёновна, придётся мне ребят дальше учить, а вы заводите себе нулевой класс.

— Как это так?

— А так. Нюра у нас в первом классе, Федюша во втором, братья Моховы в третьем, а в четвёртом, как известно, никого нет. Но зато в нулевом классе ученики будут.

— И много? — обрадовалась Марья Семёновна.

— Много не много, но один — вон он, на дороге в луже стоит.

А прямо посреди деревни, на дороге и вправду стоял в луже один человек. Это был Ванечка Калачёв. Он месил глину резиновыми сапогами, воду запруживал. Ему не хотелось, чтоб вся вода из лужи вытекла.

— Да он же совсем маленький, — Марья Семёновна говорит, — он же ещё глину месит.

— Ну и пускай месит, — Алексей Степанович отвечает.

— А вы каких же учеников в нулевой класс желаете? Трактористов, что ли? Они ведь тоже глину месят.

Тут Марья Семёновна подходит к Ванечке и говорит:

— Приходи, Ваня, в школу, в нулевой класс.

— Сегодня некогда, — Ванечка говорит, — запруду надо делать.

— Завтра приходи, утром пораньше.

— Вот не знаю, — Ваня говорит, — как бы утром запруду не прорвало.

— Да не прорвёт, — Алексей Степанович говорит и своим сапогом запруду подправляет. — А ты поучись немного в нулевом классе, а уж на другой год я тебя в первый класс приму. Марья Семёновна буквы тебе покажет.

— Какие буквы? Прописные или печатные?

— Печатные.

— Ну, это хорошо. Я люблю печатные, потому что они понятные.

На другой день Марья Семёновна пришла в школу пораньше, разложила на столе печатные буквы, карандаши, бумагу. Ждала, ждала, а Ванечки нет. Тут она почувствовала, что запруду всё-таки прорвало, и пошла на дорогу. Ванечка стоял в луже и сапогом запруду делал.

— Телега проехала, — объяснил он. — Приходится починять.

— Ладно, — сказала Марья Семёновна, — давай вместе запруду делать, а заодно и буквы учить.

И тут она своим сапогом нарисовала на глине букву «А» и говорит:

— Это, Ваня, буква «А». Рисуй теперь такую же.

Ване понравилось сапогом рисовать. Он вывел носоком букву «А» и прочитал:

— А.

Марья Семеновна засмеялась и говорит:

— Повторение — мать учения. Рисуй вторую букву «А».

И Ваня стал рисовать букву за буквой и до того зарисовался, что запруду снова прорвало.

— Я букву «А» рисовать больше не буду, — сказал Ваня, — потому что плотину прорывает.

— Давай тогда другую букву, — Марья Семёновна говорит. — Вот буква «Б».

И она стала рисовать букву «Б».

А тут председатель колхоза на газике выехал. Он погудел газиком, Марья Семёновна с Ваней расступились, и председатель не только запруду прорвал своими колёсами, но и все буквы стер с глины. Не знал он, конечно, что здесь происходит занятие нулевого класса.

Вода хлынула из лужи, потекла по дороге, всё вниз и вниз в другую лужу, а потом в овраг, из оврага в ручей, из ручья в речку, а уж из речки в далёкое Море.

— Эту неудачу трудно ликвидировать, — сказала Марья Семёновна, — но можно.

У нас остался последний шанс — буква «В». Смотри, как она рисуется.

И Марья Семёновна стала собирать разбросанную глину, укладывать её барьерчиком. И не только сапогами, но даже и руками смесила всё-таки на дороге букву «В». Красивая получилась буква, вроде крепости. Но, к сожалению, через сложенную ею букву хлестала и хлестала вода. Сильные дожди прошли у нас в сентябре.

— Я, Марья Семёновна, вот что теперь скажу, — заметил Ваня, — к вашей букве «В» надо бы добавить что-нибудь покрепче. И повыше. Предлагаю букву «Г», которую давно знаю.

Марья Семёновна обрадовалась, что Ваня такой образованный, и они вместе слепили не очень даже кривую букву «Г». Вы не поверите, но эти две буквы «В» и «Г» воду из лужи вполне задержали.

На другое утро мы снова увидели на дороге Ванечку и Марью Семёновну.

— Жэ! Зэ! — кричали они и месили сапогами глину. — Ка! Эль! И краткое!

Новая и невиданная книга лежала у них под ногами, и все наши жители осторожно обходили её, стороной объезжали на телеге, чтоб не помешать занятиям нулевого класса. Даже председатель проехал на своем газике так аккуратно, что не задел ни одной буквы.

Тёплые дни скоро кончились. Задул северный ветер, лужи на дорогах замёрзли.

Однажды под вечер я заметил Ванечку и Марью Семёновну. Они сидели на брёвнышке на берегу реки и громко считали:

— Пять, шесть, семь, восемь...

Кажется, они считали улетающих на юг журавлей.

А журавли и вправду улетали, и темнело небо, накрывающее нулевой класс, в котором все мы, друзья, наверно, ещё учимся.

2. Тематика и проблематика произведения

После чтения рассказа Ю. И. Ковалёва «Нулевой класс» проводится анализ с раскрытием темы и проблемы произведения.

Ответы на вопросы:

— Понравился ли вам смешной, весёлый и поучительный рассказ Ю. И. Ковалёва?

— Почему Марью Семёновну сначала постигла неудача?

— В чём смысл нулевого класса?

— Почему обучение Вани Калачёва стало педагогической удачей Марьи Семёновны?

— Почему от букв Марья Семёновна перешла к цифрам?

3. Домашнее задание

Написать небольшое сочинение на тему: «Учиться — это интересно».

Индивидуальное задание. Рассказать о своей первой учительнице.

Урок 76. Произведения отечественных писателей XIX—XXI веков на тему детства. А. Г. Алексин. «Самый счастливый день»

1. Краткий рассказ о писателе А. Г. Алексине

Анатолий Георгиевич Алексин (1924—2017) (настоящая фамилия Гоберман) — русский советский и израильский писатель (прозаик, драматург, публицист) — родился в семье участника революции и Гражданской войны Георгия Платоновича Гобермана. В 1937 году его отец был репрессирован, а после освобождения в 1939 году работал журналистом в Томской городской газете. Мальчика воспитывала мать Марии Михайловны Гоберман, она оказала сильное и благотворное влияние на сына. Её черты отразились во многих женских образах произведений писателя.

А. Г. Алексину принадлежит много произведений для детей и юношества. Литературное дарование его проявилось рано, в школьные годы, а затем крепло в эвакуации на Урал и по возвращении в Москву, где он стал участником Всесоюзного совещания молодых писателей. С этого времени у него выходят книги рассказов и повестей. Главный герой произведений А. Г. Алексина — городской мальчик или юноша, выросший в столичной интеллигентной семье. Своей писательской целью А. Г. Алексин считал необходимость вызвать у молодого поколения сочувствие не к собственным страданиям, а к страданиям других людей, «плакать, когда коленка болит у

кого-то другого». В свои произведения писатель вложил много драматизма, теплоты, юмора.

В 1993 году А. Г. Алексин выехал в Израиль, затем переселился в Люксембург, где и скончался в 2017 году.

2. Рассказ А. Г. Алексина «Самый счастливый день»

Чтение рассказа А. Г. Алексина «Самый счастливый день».

Самый счастливый день

Учительница Валентина Георгиевна сказала:

— Завтра наступают зимние каникулы. Я не сомневаюсь, что каждый ваш день будет очень счастливым. Вас ждут выставки и музеи! Но будет и какой-нибудь самый счастливый день. Я в этом не сомневаюсь! Вот о нём напишите домашнее сочинение. Лучшую работу я прочту вслух, всему классу! Итак, «Мой самый счастливый день».

Я заметил: Валентина Георгиевна любит, чтобы мы в сочинениях обязательно писали о чём-нибудь самом: «Мой самый надёжный друг», «Моя самая любимая книга», «Мой самый счастливый день».

А в ночь под Новый год мама с папой поссорились. Я не знаю из-за чего, потому что Новый год они встречали где-то у знакомых и вернулись домой очень поздно. А утром не разговаривали друг с другом...

Это хуже всего! Уж лучше бы пошумели, поспорили и помирились. А то ходят как-то особенно спокойно и разговаривают со мной как-то особенно тихо, будто ничего не случилось. Но я-то в таких случаях всегда чувствую: что-то случилось. А когда кончится то, что случилось, не поймёшь.

Они же друг с другом не разговаривают! Как во время болезни... Если вдруг поднимается температура, даже до сорока — это не так уж страшно: её можно сбить лекарствами.

И вообще, мне кажется, чем выше температура, тем легче бывает определить болезнь. И вылечить... А вот когда однажды врач посмотрел на меня как-то очень задумчиво и сказал маме: «Температура-то у него нормальная...», мне сразу стало не по себе.

В общем, в первый день зимних каникул у нас дома было так спокойно и тихо, что мне расхотелось идти на ёлку.

Когда мама и папа ссорятся, я всегда очень переживаю. Хотя именно, в эти дни я мог бы добиться от них всего, чего угодно! Стоило мне, к примеру, отказаться от ёлки, как папа сразу же предложил мне пойти в планетарий. А мама сказала, что с удовольствием пошла бы со мной на каток. Они всегда в таких случаях стараются доказать, что их ссора никак не отразится на моём жизненном уровне. И что она вообще никакого отношения ко мне не имеет...

Но я очень переживал.

Особенно мне стало грустно, когда за завтраком папа спросил меня:

— Не забыл ли ты поздравить маму с Новым годом?

А потом мама, не глядя в папину сторону, сказала:

— Принеси отцу газету. Я слышала: её только что опустили в ящик.

Она называла папу «отцом» только в редчайших случаях.

Это во-первых. А во-вторых, каждый из них опять убеждал меня: «Что бы там между нами ни произошло, это касается только нас!»

Но на самом деле это касалось и меня тоже. Даже очень касалось! И я отказался от планетария. И на каток не пошёл... «Пусть лучше не разлучаются. Не разъезжаются в разные стороны! — решил я. — Может быть, к вечеру всё пройдёт».

Но они так и не сказали друг другу ни слова!

Если бы бабушка пришла к нам, мама и папа, я думаю, помирились бы: они не любили огорчать её. Но бабушка уехала на десять дней в другой город, к одной из своих «школьных подруг».

Она почему-то всегда ездила к этой подруге в дни каникул, будто они обе до сих пор были школьницами и в другое время никак встретиться не могли.

Я старался не выпускать своих родителей из поля зрения ни на минуту. Как только они возвращались с работы, я сразу же обращался к ним с такими просьбами, которые заставляли их обоих быть дома и даже в одной комнате.

А просьбы мои они выполняли беспрекословно. Они в этом прямо-таки соревновались друг с другом! И все время как бы тайком, незаметно поглаживали меня по голове. «Жалеют, сочувствуют... — думал я, — значит, происходит что-то серьёзное!»

Учительница Валентина Георгиевна была уверена, что каждый день моих зимних каникул будет очень счастливым.

Она сказала: «Я в этом не сомневаюсь!» Но прошло целых пять дней, а счастья всё не было.

«Отвыкнул разговаривать друг с другом, — рассуждал я. — А потом...» Мне стало страшно. И я твёрдо решил помирить маму с папой.

Действовать надо было быстро, решительно. Но как?..

Я где-то читал или даже слышал по радио, что радость и горе объединяют людей. Конечно, доставить радость труднее, чем горе. Чтобы обрадовать человека, сделать его счастливым, надо потрудиться, поискать, постараться. А испортить настроение легче всего! Но не хочется... И я решил начать с радости.

Если бы я ходил в школу, то сделал бы невозможное: получил бы четвёрку по геометрии. Математичка говорит, что у меня нет никакого «пространственного представления», и даже написала об этом в письме, адресованном папе. А я вдруг приношу четвёрку! Мама с папой целуют меня, а потом и сами целуются...

Но это были мечты: никто ещё не получал отметок во время каникул!

Какую же радость можно было доставить родителям в эти дни?

Я решил произвести дома уборку. Я долго возился с тряпками и со щётками. Но беда была в том, что мама накануне Нового года сама целый день убиралась. А когда моешь уже вымытый пол и вытираешь тряпкой шкаф, на котором нет пыли, никто потом не замечает твоей работы.

Мои родители, вернувшись вечером, обратили внимание не на то, что пол был весь чистый, а на то, что я был весь грязный.

— Делал уборку! — сообщил я.

— Очень хорошо, что ты стараешься помочь маме, — сказал папа, не глядя в мамину сторону.

Мама поцеловала меня и погладила по голове, как какого-нибудь круглого сироту.

На следующий день я, хоть были каникулы, поднялся в семь утра, включил радио и стал делать гимнастику и обтирание, чего раньше не делал почти ни разу. Я топал по квартире, громко дышал и брызгался.

— Отцу тоже не мешало бы этим заняться, — сказала мама, не глядя на папу.

А папа погладил меня по шее... Я чуть не расплакался.

Одним словом, радость не объединяла их. Не примиряла... Они радовались как-то порознь, в одиночку.

И тогда я пошёл на крайность: я решил объединить их при помощи горя! Конечно, лучше всего было бы заболеть. Я готов был все каникулы пролежать в постели, метаться в бреду и глотать любые лекарства, лишь бы мои родители вновь заговорили друг с другом. И всё было бы снова, как прежде... Да, конечно, лучше всего было бы сделать вид, что я заболел тяжело, почти неизлечимо. Но, к сожалению, на свете существовали градусники и врачи.

Оставалось только исчезнуть из дома, временно потеряться.

В тот же день вечером я сказал:

— Пойду к Могиле. По важному делу!

Могила — это прозвище моего приятеля Женьки. О чем бы Женька ни говорил, он всегда начинал так: «Дай слово, что Никому не расскажешь!» Я давал. «Могила?» — «Могила!» — отвечал я.

И что бы ни рассказывали Женьке, он всегда уверял: «Никогда! Никому! Я — могила!» Он так долго всех в этом уверял, что его и прозвали Могилой. В тот вечер мне нужен был человек, который умел хранить тайны!

— Ты надолго? — спросил папа.

— Нет. Минут на двадцать. Не больше! — ответил я.

И крепко поцеловал папу.

Потом я поцеловал маму так, будто отправлялся на фронт или на Северный полюс. Мама и папа переглянулись. Горе ещё не пришло к ним. Пока была лишь тревога. Но они уже чуть-чуть сблизились. Я это почувствовал. И пошёл к Женьке.

Когда я пришёл к нему, вид у меня был такой, что он спросил:

— Ты убежал из дому?

— Да...

— Правильно! Давно пора! Можешь не волноваться: никто не узнает. Могила!

Женька понятия ни о чём не имел, но он очень любил, чтобы убегали, прятались и скрывались.

— Каждые пять минут ты будешь звонить моим родителям и говорить, что очень ждёшь меня, а я ещё не пришёл... Понимаешь? Пока не почувствуешь, что они от волнения сходят с ума. Не в буквальном смысле, конечно...

— А зачем это? А?! Я — никому! Никогда! Могила!.. Ты знаешь...

Но разве я мог рассказать об этом даже Могиле?

Женька начал звонить. Подходили то мама, то папа — в зависимости от того, кто из них оказывался в коридоре, где на столике стоял наш телефон.

Но после пятого Женькиного звонка мама и папа уже не уходили из коридора.

А потом они сами стали звонить...

— Он ещё не пришёл? — спрашивала мама. — Не может быть! Значит, что-то случилось...

— Я тоже волнуюсь, — отвечал Женька. — Мы должны были встретиться по важному делу! Но, может быть, он всё-таки жив?..

— По какому делу?

— Это секрет! Не могу сказать. Я поклялся. Но он очень спешил ко мне... Что-то случилось!

— Ты не переживай, — предупредил я Могилу. — У мамы голос дрожит?

— Дрожит.

— Очень дрожит?

— Пока что не очень. Но задрожит в полную силу! Можешь не сомневаться. Уж я-то...

— Ни в коем случае!

Мне было жалко маму и папу. Особенно маму... Папы в таких случаях бывают как-то спокойнее. Я давно это заметил. А мама... Но я действовал ради высокой цели! Я спасал нашу семью. И нужно было переступить через жалость!

Меняхватило на час.

— Что она сказала? — спросил я у Женьки после очередного маминого звонка.

— «Мы сходим с ума»! — радостно сообщил Женька. Он был в восторге.

— Она сказала: «Мы сходим...»? Именно — мы? Ты это точно запомнил?

— Умереть мне на этом месте! Но надо их ещё немного помучить, — сказал Женька. — Пусть позвонят в милицию, в морг...

— Ни за что!

Я помчался домой!..

Дверь я открыл своим ключом тихо, почти бесшумно. И на цыпочках вошёл в коридор.

Папа и мама сидели по обе стороны телефона, бледные, измученные. И глядели друг другу в глаза... Они страдали вместе, вдвоём. Это было прекрасно!

Вдруг они вскочили... Стали целовать и обнимать меня, а потом уж друг друга.

Это и был самый счастливый день моих зимних каникул.

От сердца у меня отлегло, и назавтра я сел за домашнее сочинение. Я написал, что самым счастливым днем был тот, когда я ходил в Третьяковскую галерею. Хотя на самом деле я был там полтора года назад.

3. Герой и его поступок.

После чтения рассказа А. Г. Алексина «Самый счастливый день» проводится анализ произведения, обсуждается поведение и поступок главного героя.

Ответы на вопросы:

— Какое задание даёт учительница и что она говорит при этом? Почему рассказ писатель ведёт от лица мальчика?

— Что случилось в семье школьника?

— Какие юмористические моменты вы почувствовали в поведении героя?

— Как мальчик стремится примирить родителей?

— По какой причине мальчик пишет о том, что в каникулы посетил Третьяковскую галерею, тогда как он все каникулы провёл дома?

— Оправдано ли утверждение о том, что радость и горе сближают людей?

4. Домашнее задание

Написать сочинение «Мой самый счастливый день».

Урок 77. Произведения отечественных писателей XIX—XXI веков на тему детства. В. П. Крапивин. «Старый дом»

1. Краткий рассказ о писателе

Владислав Петрович Крапивин (1938—2020) — русский детский писатель, журналист и педагог, автор многих произведений.

Способность сочинять и умело рассказывать необыкновенные истории проявилась у писателя ещё в детстве. В 1960 году в журнале «Уральский следопыт» был напечатан первый рассказ В. П. Крапивина, а в 1962 году была опубликована первая книга «Рейс „Ориона“». Ранее творчество писателя высоко оценили К. И. Чуковский и Л. А. Кассиль. С тех пор В. П. Крапивин работал в нескольких жанрах, главным из которых был жанр фантастической сказки.

2. Рассказ В. П. Крапивина «Старый дом»

Рассказ «Старый дом» был написан в 1970 году, он вошёл в цикл рассказов В. П. Крапивина «Летающие сказки».

Чтение рассказа В. П. Крапивина «Старый дом».

Старый дом

Этот случай принёс много неприятностей товарищу Кычикову. Товарищ Кычиков был домоуправляющим. Неприятности у него бывали и раньше. В подъездах терялись мусорные вёдра и веники. Однажды потерялся дворник дядя Митя, но потом нашёлся. Пропали доски, привезённые для ремонта, и не нашлись (тоже была неприятность). Но чтобы исчез целый дом?.. Тем более что в нём имелся жилец, не уплативший вовремя за квартиру.

Товарищ Кычиков не верил своим глазам. И другие товарищи сначала тоже не верили. Но хочешь — верь, хочешь — нет, а на углу улиц Садовой и Холодильной до сих пор пустое место. Летом оно зарастает одуванчиками, а зимой там ребятишки из детского сада номер двадцать восемь лепят снежных баб.

Дом был небольшой. Старый и деревянный. Двухэтажный. Жили в нём разные люди: монтёр Веточкин, который всем чинил электроплитки и любил играть в домино; фотограф по фамилии Кит, который фотографировал только на работе, а дома — никогда; очень застенчивый музыкант Соловейкин, который играл на трубе. Жила Аделаида Фёдоровна — женщина, считавшая, что её все обижают. Жил Вовка — обыкновенный третьеклассник. Ещё обитал в доме ничей котёнок с удивительным именем — Акулич. И, кроме того, в квартире номер шесть проживал Пётр Иванович. Днём он работал в конторе, а по вечерам писал жалобы. На всех по очереди. На мондёра Веточкина — за то, что он

чинит электроплитки, а телевизоры чинить не умеет. На музыканта Соловейкина — за то, что однажды он солнечным майским утром заиграл дома на трубе. На Вовку — за то, что он не поздоровался на лестнице. На Акулича — за то, что он ничей. На товарища Кычикова — за то, что он допускает все эти безобразия.

Ответы на жалобы иногда приходили с опозданием. Тогда Петр Иванович писал жалобы на тех, кто задерживает ответы.

У старого дома был свой характер. Одних жильцов дом любил, других — не очень. Иногда он бывал в хорошем настроении, весело хлопал дверьми, празднично звякал стёклами, посвистывал всеми щелями и даже в самые тёмные углы пускал солнечных зайчиков, за которыми охотился Акулич. Иногда дом сердился или скучал. Ступени сварливо скрипели, углы с кряхтением оседали, с потолков сыпались чешуйки мела.

Но не думайте, что дом был ворчлив и страдал болезнями. Грустил он редко, ревматизма у него не было, и он не боялся сырой погоды.

О том, что у дома есть характер, знали только Вовка и Акулич. Но Акулич никому про это не рассказывал, потому что не умел говорить. А Вовка не рассказывал, потому что некому было. О таких важных вещах говорят лишь самым надёжным друзьям, которые всё понимают. Но Вовкин друг Сеня Крабиков уехал. Насовсем. В город, который лежит у Очень Синего Моря. Иногда получается в жизни так неправильно: живут два хороших друга, а потом вдруг один уезжает. Далеко-далеко. А второй остаётся. И обоим грустно. Ведь не так легко найти нового хорошего друга. Да если и найдёшь, он не заменит старого.

Летом в доме появился новый жилец. Капитан Самого Дальнего Плавания, который вышел на пенсию. Это был настоящий Старый Капитан.

Как все старые капитаны, он курил большую трубку, скучал по морю и носил куртку с блестящими пуговицами и нашивками.

Он поселился в квартире номер пять у своей взрослой дочери. Дочь говорила, что очень рада. Она и в самом деле была рада. Но Капитан громко кашлял по ночам, и была у него привычка тяжело ходить из угла в угол. А со своей комнатой Капитан сделал что-то непонятное. Он развесил по стенам бело-синие морские карты и фотографии больших пароходов. Напротив двери он прибил портрет бородатого хмурого человека. А в углу у шкафа... Нет, вы только подумайте! Старый Капитан укрепил там на стене корабельный штурвал. А рядом поставил тумбочку с морским компасом. Компас был величиной с кастрюлю и назывался «комп а с». Тумбочку капитан сколотил сам. Называлась тумбочка «нактоуз».

В компасе не было видно стрелки. Вместо неё качалась на игле круглая шкала с маленькими цифрами и большими буквами; N, O, S, W. Шкала называлась «картушка». Учтите: не «катушка» и не «картошка», а «картушка». Сверху, по краю компаса, лежало широкое медное кольцо, а под ним — на белой внутренней стенке компаса — была черта. Курсовая черта. Раньше, когда компас находился на судне, черта смотрела вперёд. Туда же, куда был устремлён нос корабля. А картушка всегда смотрела буквой N на север (под ней всё-таки были спрятаны магнитные стрелки). Когда корабль поворачивал, курсовая черта поворачивалась тоже и скользила над числами картушки. А потом останавливалась и показывала курс: куда плывёт корабль...

Дом — не пароход и не фрегат. Он стоит на месте. И поэтому черта, уткнувшись в стену, застыла на одном курсе: двести тридцать пять градусов. Это было немножко грустно...

...Конечно, Вовка быстро подружился со Старым Капитаном. Они оба любили сквозняки, фильмы про море, серьёзные разговоры и приключения. Оба не любили рано ложиться спать, книжки, где только одна любовь, манную кашу и Аделаиду Фёдоровну.

По вечерам Вовка часто приходил к Старому Капитану. Он крутил штурвал, смотрел на компас и слушал Истории. Их рассказывал Капитан. Истории были разные: про извержение нового вулкана на острове Тристан д'Акунья, про Арктику, про ручного пингвина Сёмку, про плаванья по Дуге Большого Круга, про Сингапур, тайфуны и последнего пиратского капитана Питера Гринхауза, который потом исправился и жил на маяке вдвоём с собакой по имени Ахтер-Буба.

Дом тоже слушал истории. Он впитывал их щелями высохших брёвен вместе с дымом капитанского табака.

Иногда приходил Акулич. Капитан давал ему сардельку. Акулич хватал её поперёк туловища, уволакивал под нактоуз и там урчал от аппетита. Это урчание напоминало отдаленный шум судовых машин.

Однажды, во время Истории про голубого кита и подводную лодку, поднялся за окнами ветер. Это был августовский ветер — предвестник осенних ветров. Хлопали ставни. Звякали стёкла. Дом скрипел и шевелился. В квартире Петра Ивановича распахнулась форточка, и порыв ветра унёс со стола все жалобы, написанные за этот вечер. В квартире музыканта Соловейкина сама собой тихонько заиграла труба. Замигали лампочки. Акулич притих под нактоузом. А картушка в компасе, покачавшись, вдруг медленно пошла вправо, и курсовая черта сползла на два градуса к югу.

— Мы поворачиваем, — сказал Вовка.

— Ну и дела, — сказал Старый Капитан. — А может быть, это Акулич сдвинул нактоуз?

— Не сдвигал он, — сказал Вовка. — И я не двигал.

— Не мог же повернуться дом, — сказал Капитан.

— Лишь бы не узнал товарищ Кычиков, — задумчиво сказал Вовка.

Дочь Старого Капитана купила телевизор. Она долго вздыхала и жаловалась, что его некуда поставить. Вот когда этажерка стояла в том углу, где сейчас штурвал, в квартире было просторнее и уютнее...

Капитан послушал её речи, подымил трубкой и подарил Вовке штурвал и компас с нактоузом.

У Вовки дома был свой угол. В нём Вовка играл солдатиками, мастерил подъёмный кран и писал письма Сене Крабикову. Сюда же Вовку ставили за всякие провинности: просто другого свободного угла в квартире не было. Вовка прикрепил штурвал и поставил нактоуз.

— Ну вот, — сказала мама. — Теперь стояние в углу превратится для него в сплошное удовольствие.

— Не превратится, — успокоил отец. — Такие игры быстро надоедают.

Угол был на том же месте, что и в комнате Капитана. Только не на втором этаже, а на первом. Картушка покачалась и застыла. Курсовая черта снова замерла над делением двести тридцать пять градусов. Вернее, уже двести тридцать три. А ещё точнее — двести тридцать два с половиной.

Вовка любил разглядывать стены в комнате Старого Капитана. Любил морские карты, совсем не похожие на те, что в учебниках, любил фотографии пароходов. Любил даже большого крючконосого идола, которого Капитан привёз из Африки. И только портрет бородатого человека не понравился Вовке.

Лицо бородатого человека было неприветливым. Одну щеку от глаза до губы пересекал шрам. Человек смотрел на Вовку (а может быть, мимо Вовки) угрюмо и неодобрительно. И Вовка прятал глаза.

Один раз он спросил:

— Это кто? Писатель?

— Нет, что ты, — сказал Старый Капитан.

А кто? Путешественник?

— Путешественник? Да, пожалуй...

— Знаменитый?

— Ну, нет... Пожалуй, не знаменитый.

— Нисколько?

— Наверное, нисколько. Но какая разница? — сказал Старый Капитан.

— Если не знаменитый, тогда зачем он здесь? — сумрачно спросил Вовка. — Такой некрасивый и сердитый...

Старый Капитан удивлённо взглянул на Вовку. Потом долго смотрел на портрет.

— Нет, — сказал он уверенно. — Неправда. Это мой Лучший Друг. Лучшие друзья не бывают сердитые и некрасивые.

Тогда Вовка поднял глаза и тоже стал смотреть на портрет. А дома Вовка вырвал из тетради листок и достал цветные карандаши. Он не умел хорошо рисовать, но сейчас посидел с закрытыми глазами и всё как следует вспомнил.

Вовка нарисовал жёлтые, как пшеница, волосы и коричневые глаза. Потом нарисовал большой смеющийся рот и немножко оттопыренные уши. И получился портрет Сени Крабикова. Вовка взял четыре кнопки и приколот портрет в углу над штурвалом.

И, наверное, Вовка задел нактоуз. Потому что картушка качнулась, и курсовая черта перешла ещё на два градуса к зюйду.

Стоял очень тёплый сентябрь. И деревья были ещё зелёные, и цвели в канавах мелкие аптечные ромашки. Только синий цвет неба стал чище и плотней, чем летом. И в этой синеве пролетали иногда над городской окраиной неровные треугольники гусиных стай. Это молодые птицы учились искусству полёта перед трудным и дальним путём.

Щурясь от солнца, Капитан и Вовка смотрели из окошка на птиц. Старый Капитан достал из ящика стола стопку разноцветных флагов и сказал:

— Хорошо им, молодым. Но первый рейс — всегда нелёгкий. Давай поднимем для них морской сигнал «Счастливого пути».

Вовка подпрыгнул:

— Давайте!

Из форточки они забросили на антенну телевизора бельевую верёвку. И на этой верёвке подняли над крышей флаги:

один — синий с белым прямоугольником посередине;

второй — красный с жёлтыми косыми полосками;

третий — с квадратами, как на шахматной доске: два белых и два красных.

Солнечный ветер подхватил флаги, и они захлопали, как большие крылья.

Но через полчаса к Старому Капитану постучал товарищ Кычиков.

— Я, конечно, извиняюсь, — сказал он. — Здравствуйте. Вы только поймите меня правильно. Мне лично всё равно, висят эти флаги или нет. Но с начальством получатся неприятности. Нет у нас в домоуправлении такого порядка, чтобы, значит, морские флаги. Без особого распоряжения...

— Ну, нет так нет... — вздохнул Старый Капитан. — Ничего не поделаешь.

— Вы только поймите меня правильно, — снова сказал товарищ Кычиков. — Неприятности...

Потом он спускался по лестнице, и дом сердито гудел и потрескивал. Он был, видимо, недоволен.

— Ничего, — сказал Вовка, чтобы утешить Капитана. — Птицы всё равно уже видели сигнал. Это факт.

Они хотели снять флаги. Но конец верёвки выскользнул из форточки и качался на ветру. Нельзя было до него дотянуться.

Вовка выскочил во двор. Его, конечно, не волновало, что у товарища Кычикова могут быть неприятности. Но он не хотел, чтобы неприятности были у Старого Капитана.

По шаткой приставной лестнице Вовка забрался на крышу. Это было страшно. Крыша оказалась очень высокой и очень крутой. И ветер здесь гудел сильнее, чем внизу. Но Вовка вёл себя смело. Он всё же добрался до антенны и снял флаги, хотя два раза чуть не покатился кубарем и ободрал о ржавое железо оба колена.

Прежде чем спуститься, Вовка посмотрел на горизонт. Горизонт был дымчато-синим, словно там стояло туманное море.

Старый Капитан сначала рассердился на Вовку: ведь тот мог свалиться и ломать шею. Но потом он сказал, что Вовка — молодец.

Капитан забинтовал Вовке колени и подарил за смелость старинный морской бинокль с медными ободками у стёкол.

Вы представляете, как был счастлив Вовка! Прежде всего он ещё раз слазил на крышу и осмотрел весь горизонт. Правда, моря он не увидел, но настроение от этого не испортилось. Весь вечер Вовка не выпускал бинокль из ладоней. Он рассматривал ближние дома и улицы. Разглядывал в бинокль прохожих. Смотрел на себя сквозь него в зеркало. И даже котлету в тарелке пытался рассмотреть таким же способом.

А потом Вовка открыл в бинокле одно свойство: если смотреть в него наоборот, всё близкое кажется далёким. Комната превращается в длинный коридор, потолок убегает на звёздную высоту, а котёнок Акулич делается крошечным, как муха.

А когда Вовка смотрел на свои ноги, они становились тонкими и такими длинными, что бинты на коленях казались белыми точками. А тротуар казался просто ниточкой.

Попробуйте пройти по такой ниточке на таких высоченных ногах! Вовка вышел за калитку и попробовал. Его сразу же зашатало, как неумелого канатоходца. Но зато было интересно.

Жаль только, что Вовка смотрел в бинокль и, кроме ног, ничего не видел. Именно поэтому он стукнул головой Аделаиду Фёдоровну, которая возвращалась с работы. Представляете, что тут было?

Аделаида Фёдоровна сказала, что она всегда считала Вовку невоспитанным ребёнком, но не думала, что он решится на Такое Хулиганство.

Конечно, она пошла к Вовкиным родителям и наябедничала. Она сказала, что это сверхвозмутительно, когда дети, как сумасшедшие, кидаются на больных людей и чуть не ломают им рёбра.

И родители велели Вовке идти и как следует просить прощения. Вовка устоял в пол и сказал:

— Не пойду. Я уже один раз сказал «простите», когда стукнулся. А она ещё ябедничает...

— Я вот покажу тебе «не пойду»! — сказал отец.

— Будешь стоять в углу, пока не извинишься, — сказала мама.

— Ну и пожалуйста, — сказал Вовка. И начал стоять в углу. Он не смотрел телевизор. Не ужинал. Не читал книжку «Водители фрегатов». Он стоял, прижимаясь лбом к тёплому дереву штурвала, и вспоминал, как полоскались на ветру флаги. А наверху кашлял и шагал из угла в угол Старый Капитан. Может быть, он огорчился, что Вовка не зашёл к нему в этот вечер. А может быть, просто сильно тосковал о море.

— Ну, довольно, — не выдержала мама. — Отправляйся спать. А завтра извинишься перед Аделаидой Фёдоровной.

— Не извинюсь, — сказал Вовка.

— Будешь стоять всю ночь, — пригрозил отец.

— Буду.

— Ну и стой!

Конечно, родители думали так: захочет Вовка спать и всё равно отправится в постель.

Но Вовка не отправился. У него появилась гордость. Ведь он был уже немного капитаном: он умел обращаться с компасом, держал в руках настоящий штурвал и поднимал на ветер морские флаги.

Когда был выключен свет и наступила тишина, Вовка зажёл лампочку нактоуза и осветил картушку. Она вела себя беспокойно.

Вовка взял в ладони рукоятки штурвала.

Сеня Крабиков смотрел на Вовку с портрета.

— Очень хочу к тебе, — сказал Вовка.

Сеня Крабиков улыбался.

За окнами нарастал ветер.

Вовка сел на пол, прислонился к нактоузу и уткнулся лбом в забинтованные колени.

Он уснул.

И все в доме уснули.

Спал Пётр Иванович, и ему снилось, что на все его жалобы пришёл Положительный Ответ.

Спал Старый Капитан. Ему снилось, что на шведском судне «Викинг» загорелись тюки с джутовым волокном и надо спешить на помощь.

Музыкант Соловейкин видел, будто он выступает с концертом в пионерском лагере, и улыбался.

Аделаиде Фёдоровне снилась всякая неразбериха.

А Вовке?

Вовка видел, будто в светлую луговую речку зашёл с дальнего моря громадный пароход. У него был высокий чёрный корпус, блестящие иллюминаторы, многоэтажные белые надстройки и жёлтые мачты. Пароход заполнил собой речку от берега до берега. Он двигался медленно и бесшумно, и его борта нависали над солнечными травами. Крупные ромашки ласково касались бортов лепестками.

А дом не спал. Он ждал, когда с ночной прогулки явится Акулич.

Акулич явился.

Больше ждать было нечего.

Дом уже ничего не скрывал и не таился.

Он приподнял со скрипом один угол, потом другой, медленно повернулся. Звякнув, лопнули провода. Теперь ни одна нитка не держала дом на месте. Он качнулся, двинулся вперёд, расшатывая кирпичи фундамента. А потом перестал вздрагивать и бесшумно, как в немом фильме, поднялся в воздух...

Зачем он это сделал?

Ну, во-первых, он любил Вовку. Любил Старого Капитана. А во-вторых, его построили из брёвен, которые были когда-то прямыми и высокими соснами. Их называют корабельными. Эти сосны мечтали стать мачтами барков и бригантин. Потом, улёгшись в сруб, они задремали и забыли о мечтах. Старый Капитан разбудил их своими Историями.

А может быть, дело в другом. Говорят, что, если в доме появляются штурвал и компас, дом понемногу становится кораблём. Его тихо разворачивает курсовой чертой к зюйду — в ту сторону, где тёплые моря и Ревущие Сороковые Широты.

И неизвестно, чем это кончится, если не вмешается домоуправление.

Итак, дом поднялся и полетел на юг. Он летел под самыми облаками, среди которых мчалась круглая белая луна. Лунные пятна проскальзывали в щели и прыгали по морде Акулича, который спал в коридоре. Акулич дёргал ушами.

А внизу по тёмным травам стремительно скользила большая квадратная тень...

Вовка проснулся от непонятного ощущения. Ему показалось, что за ночь комната сделалась шире и выше. Её заполнял удивительный синий свет, пересыпанный солнечными бликами. За стенами дома нарастал и откатывался незнакомый и в то же время очень знакомый рокот.

Вовка подбежал к окну.

Изумлёнными синими глазами он смотрел на Очень Синее Море, которое катило на песок волны. Волны были с шипучими белыми гребешками, их гнал к берегу Утренний Ветер.

Вовка чуть-чуть не заплакал, засмеялся и, распахнув створки, прыгнул навстречу.

Распластанная по песку волна сейчас же залила его сандалии и добралась почти до колен. У ног завертелся царапающий вихрь мелких камушков и песчинок. Убегая, волна мягко потянула Вовку за собой, но тут накатил другая.

Вода была тёплая и упругая, а ветер прохладный и плотный, но очень добрый. Он поставил торчком отросший Вовкин чубчик, вытащил из-за пояса и надул парусом его рубашку. Вовка повернул к ветру ладони. Они покрылись брызгами, похожими на стеклянную пыль.

Над морем косо расчерчивали воздух чайки. Они удивлённо кричали. Конечно, они удивлялись не Вовке: мало ли мальчишек бродит по берегу. Чайкам было непонятно, откуда взялся на берегу старинный бревенчатый дом.

Вовка оглянулся.

Дом стоял, зарывшись одним углом в песок. Он ещё не совсем замер после движения, поскрипывал и оседал. Под брёвнами хрустели ракушки. Стёкла сверкали синим отблеском волн.

— Это сверхвозмутительно! — донёсся со второго этажа голос Аделаиды Фёдоровны. — Я теперь опоздаю в поликлинику! Это всё ваши фокусы, товарищ Капитан Самого Дальнего Плавания!

Старый Капитан не отвечал. Под его шагами весело пела лестница: он спускался к морю, чтобы поздороваться с волнами и Утренним Ветром.

За тюлевой шторкой маячила согнутая у стола фигура Петра Ивановича. Наверное, он составлял план жалобы в Управление Всех Морей и Океанов.

На крыльце сидел Акулич. Он вышел на воздух, чтобы умыться, и очень удивился. Иногда он взъерошивал спину и замахивался лапой на гривастые волны.

3. Герои рассказа и их поступки

После чтения рассказа В. П. Крапивина «Старый дом» проводится обсуждение произведения, даётся характеристика героям произведения, анализируются их поступки.

Ответы на вопросы:

— Что вы узнали о писателе В. П. Крапивине? Читали ли вы его рассказы раньше? Нравились ли они вам?

— Вы прочитали рассказ «Старый дом», в котором ютилось очень много жильцов, и даже старый деревянный дом принимался как живой житель. Назовите тех, кто вам особенно запомнился и заинтересовал вас.

— О каких неприятностях повествует писатель в самом начале рассказа? Какой характер и какие занятия были у товарища Кычикова, монтера Веточкина, фотографа по фамилии Кит, музыканта Соловейкина, Аделаиды

Федоровны, третьеклассника Вовки, кота Акулича и Старого Капитана? Постарайтесь вспомнить каждого и рассказать об их характерах.

— Вовка сдружился со Старым Капитаном. Опишите, в чём заключалась эта дружба.

4. Домашнее задание

Индивидуальное задание. В рассказе В. П. Крапивина «Старый дом» очень много странных случаев. Подготовить небольшие сценки на понравившиеся эпизоды.

Прочитать одну из повестей В. П. Крапивина («Дети синего фламинго», «Самолёт по имени Серёжка», «Мушкетёр и фея», «Болтик», «Трое с площади Карронад», «Оруженосец по имени Кашка»). Написать отзыв на понравившееся произведение.

Урок 79. Произведения отечественных писателей XIX—XXI веков на тему детства. В. К. Железников «Космонавт»

4. Краткий рассказ о писателе

Владимир Карпович Железников родился 26 октября 1925 года в г. Витебске Белорусской Советской Социалистической Республики (ныне Белоруссия). Владимир Железников с детства мечтал стать военным. Во время Великой Отечественной войны он поступил в артиллерийское училище, которое закончил с отличием.

Ещё во время войны он вёл дневник, писал очерки военных будней. После войны Владимир Железников учился сначала в Московском юридическом институте, потом в Литературном институте имени М. Горького. Железников продолжал заниматься литературой. Учёбу в институте он совмещал с работой в редакции журнала для детей «Мурзилка», где публиковал свои первые статьи, переводы, рассказы. В 1957 году в издательстве «Детгиз» вышла первая книга писателя — сборник рассказов для

детей «Разноцветная история». Большой успех к писателю пришёл после публикации произведений: «Чудак из шестого „Б“» (1962), «Каждый мечтает о собаке» (1966), «Чучело» (1975) и др.

В 1960-х годах началась кинематографическая деятельность Владимира Железникова. В 1988 году Владимир Железников стал художественным руководителем киностудии «Глобус», снимавшей картины о детстве и юношестве. Самые известные его работы в качестве сценариста: «Чудак из пятого „Б“» (1972), «Чучело» (1983), «Второй раз в Крыму» (1984), «Радости и печали маленького лорда» (2003), «Игры мотыльков» (2003). Всего он написал сценарии к 28 фильмам.

5. Рассказ В. К. Железникова «Космонавт»

Рассказ В. К. Железникова «Космонавт» был написан в 1962 году, и в этом же году был включён в сборник рассказов писателей разных стран «Дети мира», где вместе с рассказами для детей Р. Погодина, О. Донченко, М. Мревлишвили, Я. Раннапа, Х. Назира он представлял СССР. Книга была издана на русском языке в 1965 году.

Чтение рассказа В. К. Железникова «Космонавт».

Космонавт

Новенький сидел на последней парте. Его нельзя было не заметить: у него были ярко-рыжие волосы.

— У нас новичок, — сказал Лёвушкин.

— Откуда ты приехал? — спросил я.

— Наш дом снесли. И мы получили новую квартиру.

— Твоя фамилия?

— Княжин.

— А как ты занимался по физике?

— Это мой любимый предмет.

Всё-таки он был очень рыжий, и я невольно смотрел на его волосы и не видел лица.

Я начал объяснять новые формулы. Каждый раз, когда я поворачивался к доске, чтобы написать формулу или нарисовать чертёж, Лёвушкин шептал и хихикал за моей спиной.

— Не мешай слушать, — донёсся до меня голос Княжина.

Я оглянулся: у Лёвушкина был такой растерянный вид, точно он хлебнул горячего чая, сильно обжёгся и не знал, то ли выплюнуть этот чай, то ли проглотить.

— Княжин, — сказал я, — подойди к доске и реши задачу по новой формуле.

Он быстро решил задачу и чётко, без запинки, всё объяснил. Мне понравилось, как он отвечал. Многие ребята в классе говорили лишние слова, а Княжин нет.

После звонка, когда я выходил из класса, то услышал голос Лёвушкина:

— Видали, какой? Я ему мешаю. Первый день — и уже наводит свои порядки. Академик Фок! Пошевелиться нельзя. Рыжий, да ещё подлиза.

— Я и сам знаю, что рыжий, — спокойно ответил Княжин. — А ты дурак, раз дразнишься. Это совершенно точно.

Через неделю я увидел у старшей вожатой списки ребят, записавшихся в разные кружки. В физический кружок первым записался Княжин. «Хорошо, подумал я. —

Княжин — парень что надо».

Я полистал списки других кружков и в каждом наталкивался на фамилию Княжина. И в зоологическом, и в математическом, и в спортивном. Только в кружок по пению он не записался.

На перемене я окликнул Княжина.

— Зачем ты записался во все кружки? — спросил я. — По-моему, это несколько легкомысленно.

— Мне надо, — ответил он.

— Может быть, ты не знаешь, что увлекает тебя больше всего?

— Нет, я знаю, — упрямо ответил он. — Но мне надо. Это моя тайна.

— Тайна это или не тайна, — сказал я, — но на занятия физического кружка можешь не приходить. Если ты будешь работать в зоологическом, математическом и спортивном кружках, то на физику у тебя не останется времени.

Княжин очень расстроился и даже побледнел. Я пожалел, что так резко с ним разговаривал: всё-таки он ещё мальчик.

— Я должен всё знать, я должен быть незаменимым, — сказал он. — Я буду пилотом космического корабля. Я никому этого не говорил, но вы меня заставили.

— А-а! — протянул я. И впервые посмотрел ему прямо в лицо. Под рыжим чубом у него было выпуклый лоб, а глаза были голубые и отчаянные.

«Этот долетит, — подумал я, — этот долетит!» Я вспомнил, как во время войны прыгал с парашютом и как это страшно, когда прыгаешь в пустоту. Посмотришь на далёкую землю, на деревья, похожие всего лишь на бугорки мха, на реки с дождевой ручеёк, и хочешь ты этого или не хочешь, а подумаешь: «Вдруг парашют не откроется?» И тогда земля делается не желанной, а страшной. «А ведь тем, кто полетит в космос, будет ещё страшней. Но этот всё равно полетит».

— Тогда я не возражаю, раз такое дело, — сказал я.

— Спасибо, — ответил Княжин.

За три месяца он не пропустил ни одного занятия физического кружка. А потом вдруг перестал ходить. И на уроках он был рассеянным и даже похудел.

— Княжин, — спросил я, — почему ты бросил кружок? Не успеваешь?

Он поднял на меня глаза. Это были глаза другого человека. Они были не отчаянные, а печальные и потеряли голубой цвет.

— Я ещё буду ходить, — ответил он.

Лёвушкин мне сказал (он подружился с Княжиным):

— У него большая неприятность. Рассказать не могу, но большая неприятность.

Я решил поговорить с Княжиным на днях, но случай свёл нас в этот же вечер. Я стоял в книжном магазине у прилавка и вдруг услышал позади себя знакомый голос:

— Есть что-нибудь новенькое?

— Мальчик, — ответила девушка-продавщица, — не может быть каждый день что-нибудь новенькое. Ты заходил бы раза два в неделю.

Я оглянулся. Передо мной стоял Княжин, но что-то незнакомое было в выражении его лица. Я сразу не догадался, а потом понял: у него на носу красовались очки. Маленькие, ребячьи, очки в белой металлической оправе.

Минуту мы стояли молча. Княжин стал пунцово-красным, у него покраснели щёки, уши и даже нос.

— А, Княжин, — сказал я.

Больше я не успел ничего добавить — он пустился наутёк. Я бросился за ним.

— Княжин! — крикнул я. — Княжин, стой!

Какой-то мужчина посмотрел на меня, а женщина крикнула:

— Держи мальчишку!

Тогда Княжин остановился. Он не смотрел на меня, снял очки и низко опустил голову.

— И тебе не стыдно? Мало ли людей носят очки и совсем не стыдятся этого. Прости меня, но, по-моему, это глупо.

Он промолчал.

— Убегать из-за такой ерунды. А Лёвушкин говорил: «У Княжина большие неприятности». Чепуха!

Тогда он поднял голову и тихо сказал:

— А ведь меня теперь в лётчики не возьмут, я узнавал — близоруких не берут, и космические корабли мне не водить. Я эти очки ненавижу.

Ах, вот в чём дело! Вот почему он такой несчастный и похудевший. Разлетелась в куски его первая мечта, и он страдал. Один, втихомолку.

— Зря ты так мучаешься, — сказал я наконец. — Полетишь на космическом корабле астрономом, инженером или врачом.

— Значит, вы думаете, я всё же могу надеяться? Могу? — Он ухватился за мои слова с радостью. — Как же я сам не сообразил? Просто дурак, это совершенно точно.

Он был такой счастливый! А я подумал: «Хорошо, когда у человека ясная цель в жизни и всё впереди».

6. Тематика и проблематика произведения

Ответы на вопросы:

— Вы прочитали рассказ В. К. Железникова «Космонавт». Понравился он вам? Почему? Свой ответ аргументируйте.

— Составьте план рассказа. Расскажите по плану, о чём это произведение.

— Какова главная мысль рассказа?

— Какие важные качества характера проявляются у главного героя рассказа?

— Чему учит это произведение?

4. Домашнее задание

Написать отзыв на рассказ В. К. Железникова «Космонавт» или сочинение «Моя мечта».

**Уроки 80—82. Произведения приключенческого жанра
отечественных писателей. К. Булычёв «Девочка, с которой ничего не
случится». Проблематика произведений К. Булычёва**

1. Рассказ о писателе-фантасте

Кир Булычёв (настоящее имя Игорь Всеволодович Можейко) — один из наиболее популярных отечественных писателей-фантастов второй половины XX века, автор сценариев известных кинофильмов.

Булычёв родился в 1934 году в Москве. Учился в Московском институте иностранных языков имени Мориса Тореза, по окончании которого работал переводчиком в Бирме.

Литературную деятельность начал в 1961 году, опубликовав рассказ «Маунг Джо будет жить». С 1965 года Булычёв стал писать фантастические произведения, подписывая их псевдонимом, составленным из имени жены (Кира) и девичьей фамилии матери писателя (Булычёва). В 1965 году выпустил в свет первый фантастический рассказ «Долг гостеприимства».

Наибольшую известность получили его произведения о девочке из будущего Алисе Селезнёвой: повести «Девочка, с которой ничего не случится» (1965), «День рождения Алисы» (1974), «Пленники астероида» (1981), «Путешествие Алисы» (1984) и др.

По произведениям К. Булычёва снято более двадцати кинофильмов. Самым любимым фильмом у школьников 1980-х годов был телевизионный научно-фантастический сериал «Гостья из будущего» (1985), снятый по мотивам его повести «Сто лет тому вперёд» (1977).

2. Повесть К. Булычёва «Девочка, с которой ничего не случится»

Чтение фрагмента повести Кира Булычёва «Девочка, с которой ничего не случится».

Девочка, с которой ничего не случится

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Завтра Алиса идёт в школу. Это будет очень интересный день. Сегодня с утра видеофонят её друзья и знакомые, и все её поздравляют. Правда, Алиса и сама уже три месяца, как никому покоя не даёт — рассказывает о своей будущей школе.

Марсианин Бус прислал ей какой-то удивительный пенал, который пока что никто не смог открыть — ни я, ни мои сослуживцы, среди которых, кстати, было два доктора наук и главный механик зоопарка.

Шуша сказал, что пойдёт в школу вместе с Алисой и проверит, достаточно ли опытная учительница ей достанется.

Удивительно много шума. По-моему, когда я уходил в первый раз в школу, никто не поднимал такого шума.

Сейчас суматоха немного утихла. Алиса ушла в зоопарк попрощаться с Бронтей.

А пока дома тихо, я решил надиктовать несколько историй из жизни Алисы и её друзей. Я перешлю эти записки Алисиной учительнице. Ей полезно будет знать, с каким несерьёзным человеком ей придётся иметь дело. Может быть, эти записки помогут учительнице воспитать мою дочку.

Сначала Алиса была ребёнок как ребёнок. Лет до трёх. Доказательством тому — первая история, которую я собираюсь рассказать. Но уже через год, когда она встретила Бронтей, в её характере обнаружилось умение делать всё не как положено, исчезать в самое неподходящее время и даже случайно делать открытия, которые оказались не по силам крупнейшим учёным современности. Алиса умеет извлекать выгоду из хорошего к себе отношения, но тем не менее у неё масса верных друзей. Нам же, её родителям, бывает очень трудно. Ведь мы не можем всё время сидеть дома; я работаю в зоопарке, а наша мама строит дома, и притом часто на других планетах.

Я хочу заранее предупредить учительницу Алисы — ей тоже будет, наверно, нелегко. Пускай же она внимательно выслушает совершенно правдивые истории, случившиеся с девочкой Алисой в разных местах Земли и космоса в течение последних трёх лет.

Я НАБИРАЮ НОМЕР

Алиса не спит. Десятый час, а она не спит. Я сказал:

— Алиса, спи немедленно, а то...

— Что «а то», папа?

— А то я провидеофону бабе-яге.

— А кто такая баба-яга?

— Ну, это детям надо знать. Баба-яга, костяная нога — страшная, злая бабушка, которая кушает маленьких детей. Непослушных.

— Почему?

— Ну, потому что она злая и голодная.

— А почему голодная?

— Потому что у неё в избушке нет продуктопровода.

— А почему нет?

— Потому что избушка у неё старая-престарая и стоит далеко в лесу.

Алисе стало так интересно, что она даже села на кровати.

— Она в заповеднике работает?

— Алиса, спать немедленно!

— Но ты ведь обещал позвать бабу-ягу. Пожалуйста, папочка, дорогой, позови бабу-ягу!

— Я позову. Но ты об этом очень пожалеешь.

Я подошёл к видеофону и наугад нажал несколько кнопок. Я был уверен, что соединения не будет, и бабы-яги «не окажется дома».

Но я ошибся. Экран видеофона просветлел, загорелся ярче, раздался щелчок — кто-то нажал кнопку приёма на другом конце линии, и ещё не успело появиться на экране изображение, как сонный голос сказал:

— Марсианское посольство слушает.

— Ну как, папа, она придёт? — крикнула из спальни Алиса.

— Она уже спит, — сердито сказал я.

— Марсианское посольство слушает, — повторил голос.

Я повернулся к видеофону. На меня смотрел молодой марсианин.

У него были зелёные глаза без ресниц.

— Простите, — сказал я, — я, очевидно, ошибся номером.

Марсианин улыбнулся. Он смотрел не на меня, а на что-то за моей спиной. Ну конечно, Алиса выбралась из кровати и стояла босиком на полу.

— Добрый вечер, — сказала она марсианину.

— Добрый вечер, девочка.

— Это у вас живёт баба-яга?

Марсианин вопросительно посмотрел на меня.

— Понимаете, — сказал я, — Алиса не может заснуть, и я хотел провидеофонить бабе-яге, чтобы она её наказала. Но вот ошибся номером.

Марсианин снова улыбнулся.

— Спокойной ночи, Алиса, — сказал он. — Надо спать, а то папа позовёт бабу-ягу.

Марсианин попрощался со мной и отключился.

— Ну, теперь ты пойдёшь спать? — спросил я. — Ты слышала, что сказал тебе дядя с Марса?

— Пойду. А ты возьмишь меня на Марс?

— Если будешь хорошо себя вести, летом туда полетим.

В конце концов Алиса уснула, и я снова сел за работу. И засиделся до часу ночи. А в час вдруг приглушённо заверещал видеофон. Я нажал кнопку. На меня глядел марсианин из посольства.

— Извините, пожалуйста, что я побеспокоил вас так поздно, — сказал он, — но ваш видеофон не отключён, и я решил, что вы ещё не спите.

— Пожалуйста.

— Вы не могли бы помочь нам? — сказал марсианин. — Всё посольство не спит. Мы перерыли все энциклопедии, изучили видеофонную книгу, но не можем найти, кто такая баба-яга, и где она живёт...

БРОНТЯ

К нам в Московский зоопарк привезли яйцо бронтозавра. Яйцо нашли чилийские туристы в оползне на берегу Енисея. Яйцо было почти круглое и замечательно сохранилось в вечной мерзлоте. Когда его начали изучать специалисты, то они обнаружили, что яйцо совсем свежее. И поэтому решено было поместить его в зоопарковский инкубатор.

Конечно, мало кто верил в успех, но уже через неделю рентгеновские снимки показали, что зародыш бронтозавра развивается. Как только об этом было объявлено по интервидению, в Москву начали слетаться со всех сторон учёные и корреспонденты. Нам пришлось забронировать всю восьмидесятиэтажную гостиницу «Венера» на Тверской улице. Да и то она всех не вместила. Восемь турецких палеонтологов спали у меня в столовой, я поместился в кухне с журналистом из Эквадора, а две корреспондентки журнала «Женщины Антарктиды» устроились в спальне Алисы.

Когда наша мама провидеофонила вечером из Нукуса, где она строит стадион, она решила, что не туда попала.

Все телеспутники мира показывали яйцо. Яйцо сбоку, яйцо спереди; скелеты бронтозавра и яйцо...

Конгресс космофилологов в полном составе приехал на экскурсию в зоопарк. Но к тому времени мы уже прекратили доступ в инкубатор, и филологам пришлось смотреть на белых медведей и марсианских богомоллов.

На сорок шестой день такой сумасшедшей жизни яйцо вздрогнуло. Мы с моим другом профессором Якотой сидели в этот момент у колпака, под которым хранилось яйцо, и пили чай. Мы уже перестали верить в то, что из яйца кто-нибудь выведётся. Ведь мы больше его не просвечивали, чтобы не повредить нашему «младенцу». И мы не могли заниматься предсказаниями хотя бы потому, что никто до нас не пробовал выводить бронтозавров.

Так вот, яйцо вздрогнуло, ещё раз ... треснуло, и сквозь толстую кожистую скорлупу начала просовываться чёрная, похожая на змеиную, голова. Застрекотали автоматические съёмочные камеры. Я знал, что над дверью инкубатора зажёгся красный огонь. На территории зоопарка началось что-то весьма напоминающее панику.

Через пять минут вокруг нас собрались все, кому положено было здесь находиться, и многие из тех, кому находиться было совсем не обязательно, но очень хотелось. Сразу стало очень жарко.

Наконец из яйца вылез маленький бронтозаврёнок.

— Папа, как его зовут? — услышал я вдруг знакомый голос.

— Алиса! — удивился я. — Ты как сюда попала?

— Я с корреспондентами.

— Но ведь детям сюда нельзя.

— Мне можно. Я всем говорила, что я твоя дочка. И меня пустили.

— Ты знаешь, что пользоваться знакомствами для личных целей нехорошо?

— Но ведь, папа, маленькому Бронте, может быть, скучно без детей, вот я и пришла.

Я только рукой махнул. У меня не было ни минуты свободной, чтобы вывести Алису из инкубатория. И не было вокруг никого, кто согласился бы это сделать за меня.

— Стой здесь и никуда не уходи, — сказал я ей, а сам бросился к колпаку с новорождённым бронтозавром.

Весь вечер мы с Алисой не разговаривали. Поссорились. Я запретил ей появляться в инкубаторе, но она сказала, что не может меня послушаться, потому что ей жалко Бронтю.

И на следующий день она снова пробралась в инкубатор. Её провели космонавты с корабля «Юпитер-8». Космонавты были героями, и никто не мог отказать им.

— Доброе утро, Бронтя, — сказала она, подходя к колпаку.

Бронтозаврёнок искоса посмотрел на неё.

— Чей это ребёнок? — строго спросил профессор Яката.

Я чуть сквозь землю не провалился.

Но Алиса за словом в карман не лезет.

— Я вам не нравлюсь? — спросила она.

— Нет, что вы, совсем наоборот... Я просто подумал, что вы, может быть, потерялись... — Профессор совсем не умел разговаривать с маленькими девочками.

— Ладно, — сказала Алиса. — Я к тебе, Бронтя, завтра зайду. Не скучай.

И Алиса в самом деле пришла завтра. И приходила почти каждый день. Все к ней привыкли и пропускали без всяких разговоров. Я же умыл руки. Всё равно наш дом стоит рядом с зоопарком, дорогу переходить нигде не надо, да и попутчики ей всегда находились.

Бронтозавр быстро рос. Через месяц он достиг двух с половиной метров длины, и его перевели в специально выстроенный павильон. Бронтозавр бродил по огороженному загому и жевал молодые побеги бамбука и бананы. Бамбук привозили грузовыми ракетами из Индии, а бананами нас снабжали фермеры из Малаховки. В цементном бассейне посреди загона плескалась тёплая солоноватая вода. Такая нравилась бронтозавру.

Но вдруг он потерял аппетит. Три дня бамбук и бананы оставались нетронутыми. На четвёртый день бронтозавр лёг на дно бассейна и положил на пластиковый борт маленькую чёрную голову. По всему было видно, что он собирается умирать. Этого мы не могли допустить. Ведь у нас был всего один бронтозавр. Лучшие врачи мира помогали нам. Но всё было напрасно. Бронтя отказывался от травы, витаминов, апельсинов, молока — от всего.

Алиса не знала об этой трагедии. Я её отправил к бабушке во Внуково. Но на четвёртый день она включила телевизор как раз в тот момент, когда передавали сообщение об ухудшении здоровья бронтозавра. Я уж не знаю, как она уговорила бабушку, но в то же утро Алиса вбежала в павильон.

— Папа! — закричала она. — Как ты мог скрыть от меня? Как ты мог?..

— Потом, Алиса, потом, — ответил я. — У нас совещание.

У нас и в самом деле шло совещание. Оно не прекращалось последние три дня.

Алиса ничего не сказала и отошла. А ещё через минуту я услышал, как рядом кто-то ахнул. Я обернулся и увидел, что Алиса уже перебралась через барьер, соскользнула в загон и побежала к морде бронтозавра.

В руке у неё была белая булка.

— Ешь, Бронтя, — сказала она, — а то они тебя здесь голодом заморят. Мне бы тоже на твоём месте надоели бананы.

И не успел я добежать до барьера, как случилось невероятное. То, что прославило Алису и сильно испортило репутацию нам, биологам.

Бронтозавр поднял голову, посмотрел на Алису и осторожно взял булку у неё из рук.

— Тише, папа, — погрозила мне пальцем Алиса, увидев, что я хочу перепрыгнуть через барьер. — Бронтя тебя боится.

— Он ей ничего не сделает, — сказал профессор Яката.

Я и сам видел, что он ничего не сделает. Но что, если эту сцену увидит бабушка?

Потом учёные долго спорили. Спорят и до сих пор. Одни говорят, что Бронтя нуждался в перемене пищи, а другие — что он больше, чем нам, доверял Алисе. Но так или иначе, кризис миновал.

Теперь Бронтя стал вполне ручным. Хотя в нём около тридцати метров длины, для него нет большего удовольствия, чем покатасть на себе Алису. Один из моих ассистентов сделал специальную стремянку, и, когда Алиса приходит в павильон, Бронтя протягивает в угол свою длинную шею, берёт треугольными зубами стоящую там стремянку и ловко подставляет её к своему чёрному блестящему боку.

Потом он катает Алису по павильону или плавает с ней в бассейне.

ТУТЕКСЫ

Как я обещал Алисе, я взял её с собой на Марс, когда полетел туда на конференцию.

Долетели мы благополучно. Правда, я не очень хорошо переношу невесомость и поэтому предпочитал не вставать с кресла, но моя дочка всё время порхала по кораблю, и однажды мне пришлось снимать её с потолка рубки управления, потому что она хотела нажать на красную кнопку, а именно на кнопку экстренного торможения. Но пилоты на неё не очень рассердились.

На Марсе мы осмотрели город, съездили с туристами в пустыню и побывали в Больших пещерах. Но после этого мне некогда было заниматься с Алисой, и я отдал её на неделю в интернат. На Марсе работает много наших специалистов, и марсиане помогли

нам построить громадный купол детского городка. В городке хорошо — там растут настоящие земные деревья. Иногда ребяташки ездят на экскурсии. Тогда они надевают маленькие скафандры и выходят вереницей на улицу.

Татьяна Петровна — так зовут воспитательницу — сказала, что я могу не беспокоиться. Алиса тоже сказала, чтобы я не беспокоился. И мы попрощались с ней на неделю.

А на третий день Алиса пропала.

Это было совершенно исключительное происшествие. Начать с того, что за всю историю интерната никто из него не пропадал и даже не терялся больше чем на десять минут. На Марсе в городе потеряться совершенно невозможно. А тем более земному ребёнку, одетому в скафандр. Первый же встречный марсианин приведёт его обратно. А роботы? А Служба безопасности? Нет, потеряться на Марсе невозможно.

Но Алиса потерялась.

Её не было уже около двух часов, когда меня вызвали с конференции и на марсианском вездеходе-прыгуне привезли в интернат. Вид у меня был, наверно, растерянный, потому что, когда я появился под куполом, все собравшиеся там сочувственно замолчали.

А кого там только не было! Все преподаватели и роботы интерната, десять марсиан в скафандрах (им приходится надевать скафандры, когда они входят под купол, в земной воздух), звездолётчики, начальник спасателей Назарян, археологи...

Оказывается, телестанция города уже час, как через каждые три минуты передавала сообщение о том, что пропала девочка с Земли. Все видеофоны Марса горели тревожными сигналами. В марсианских школах были прекращены занятия, и школьники, разделившись на группы, прочёсывали город и окрестности.

Исчезновение Алисы обнаружили, как только её группа вернулась с прогулки. С тех пор прошло два часа. Кислорода же в её скафандре — на три часа.

Я, зная свою дочку, спросил, осмотрели ли укромные места в самом интернате или рядом с ним. Может быть, она нашла марсианского богомола и наблюдает за ним...

Мне ответили, что подвалов в городе нет, а все укромные места обследованы школьниками и студентами марсианского университета, которые эти места знают назубок.

Я рассердился на Алису. Ну конечно, сейчас она с самым невинным видом выйдет из-за угла. А ведь её поведение натворило в городе больше бед, чем песчаная буря. Все марсиане и все земляне, живущие в городе, оторваны от своих дел, поднята на ноги вся

спасательная служба. К тому же мной всерьёз овладело беспокойство. Это её приключение могло плохо кончиться.

Всё время поступали сообщения от поисковых партий: «Школьники второй марсианской прогимназии осмотрели стадион. Алисы нет», «Фабрика марсианских сладостей сообщает, что ребёнка на её территории не обнаружено»...

«Может быть, она в самом деле умудрилась выбраться в пустыню? — думал я. — В городе её бы уже нашли. Но пустыня... Марсианские пустыни ещё толком не изучены, и там можно потеряться так, что тебя и через десять лет не найдут. Но ведь ближайшие районы пустыни уже обследованы на прыгунах-вездеходах...»

— Нашли! — вдруг закричал марсианин в синем хитоне, глядя в карманный телевизор.

— Где? Как? Где? — заволновались собравшиеся под куполом.

— В пустыне. В двухстах километрах отсюда.

— В двухстах?!

«Конечно, — подумал я, — они не знают Алису. От неё этого можно было ждать».

— Девочка себя хорошо чувствует и скоро будет здесь.

— А как же она туда забралась?

— На почтовой ракете.

— Ну конечно! — сказала Татьяна Петровна и заплакала. Она переживала больше всех. Все бросились её утешать.

— Мы же проходили мимо почтамта, и там загружались автоматические почтовые ракеты. Но я не обратила внимания. Ведь их видишь по сто раз на дню!

А когда через десять минут марсианский лётчик ввёл Алису, всё стало ясно.

— Я туда залезла, чтобы взять письмо, — сказала Алиса.

— Какое письмо?

— А ты, папа, сказал, что мама напишет нам письмо. Вот я и заглянула в ракету, чтобы взять письмо.

— Ты забралась внутрь?

— Ну конечно. Дверца была открыта, и там лежало много писем.

— А потом?

— Только я туда залезла, как дверь закрылась, и ракета полетела.

Я стала искать кнопку, чтобы её остановить. Там много кнопок. Когда я нажала последнюю, ракета пошла вниз, и потом дверь открылась. Я вышла, а вокруг песок, и тети Тани нет, и ребят нет.

— Она нажала кнопку срочной посадки! — с восхищением в голосе сказал марсианин в синем хитоне.

— Я немного поплакала, а потом решила идти домой.

— А как ты догадалась, куда идти?

— Я забралась на горку, чтобы посмотреть оттуда. А в горке была дверца. С горки ничего не было видно. Тогда я вошла в комнатку и села там.

— Какая дверца? — удивился марсианин. — В том районе только пустыня.

— Нет, там была дверца и комната. А в комнате стоит большой камень. Как египетская пирамида. Только маленькая. Помнишь, папа, ты читал мне книжку про египетскую пирамиду?

Неожиданное заявление Алисы привело в сильное волнение марсиан и Назаряна, начальника спасателей.

— Тутексы! — закричали они.

— Где нашли девочку? Координаты!

И половину присутствующих как языком слизнуло.

А Татьяна Петровна, которая взялась сама накормить Алису, рассказала мне, что много тысяч лет назад на Марсе существовала таинственная цивилизация тутексов. От неё остались только каменные пирамидки. До сих пор ни марсиане, ни археологи с Земли не смогли найти ни одного строения тутексов — только пирамидки, разбросанные по пустыне и занесённые песком. И вот Алиса случайно наткнулась на строение тутексов.

— Вот видишь, тебе опять повезло, — сказал я. — Но всё-таки я немедленно увожу тебя домой. Там теряйся сколько хочешь. Без скафандра.

— Мне тоже больше нравится теряться дома, — сказала Алиса.

... Через два месяца я прочёл в журнале «Вокруг света» статью под названием «Вот какими были тутексы». В ней рассказывалось, что в марсианской пустыне удалось наконец обнаружить ценнейшие памятники тутекской культуры. Сейчас учёные заняты расшифровкой надписей, найденных в помещении. Но самое интересное — на пирамидке обнаружено изображение тутекса, великолепное по сохранности. И тут же была фотография пирамидки с портретом тутекса.

Портрет показался мне знакомым. И страшное подозрение охватило меня.

— Алиса, — очень строго сказал я, — признайся честно, ты ничего не рисовала на пирамидке, когда потерялась в пустыне?

Перед тем как ответить, Алиса подошла ко мне и внимательно посмотрела на картинку в журнале.

— Правильно. Это ты нарисован, папочка. Только я не рисовала, а нацарапала камешком. Мне там так скучно было...

ЗАСТЕНЧИВЫЙ ШУША

У Алисы много знакомых зверей: два котёнка; марсианский богомол, который живёт у неё под кроватью и по ночам подражает балалайке; ёжик, который жил у нас недолго, а потом ушёл обратно в лес; бронтозавр Бронтя — к нему Алиса ходит в гости в зоопарк; и, наконец, соседская собака Рекс, по-моему, карликовая такса не очень чистых кровей.

Ещё одним зверем Алиса обзавелась, когда вернулась первая экспедиция с Сириуса.

Алиса познакомилась с Полосковым на встрече этой экспедиции. Я не знаю, как она это устроила: у Алисы широкие связи. Так или иначе, она оказалась среди ребят, которые принесли космонавтам цветы. Представьте моё удивление, когда я вижу по телевизору — бежит Алиса по лётному полю с букетом голубых роз больше её самой и вручает его самому Полоскову.

Полосков взял её на руки, они вместе слушали приветственные речи и вместе ушли.

Алиса вернулась домой только вечером с большой красной сумкой в руках.

— Ты где была?

— Больше всего я была в детском саду, — ответила она.

— А меньше всего где ты была?

— Нас ещё возили на космодром.

— И потом?

Алиса поняла, что я смотрел телевизор, и сказала:

— Ещё меня попросили поздравить космонавтов.

— Кто же это тебя попросил?

— Один человек, ты его не знаешь.

— Алиса, тебе не приходилось сталкиваться с термином «телесные наказания»?

— Знаю, это когда шлёпают. Но, я думаю, только в сказках.

— Боюсь, что придётся сказку сделать былью. Почему ты всегда лезешь, куда не следует?

Алиса хотела было на меня обидеться, но вдруг красная сумка у неё в руке зашевелилась.

— Это ещё что такое?

— Это подарок от Полоскова.

— Ты выпросила себе подарок! Этого ещё не хватало!

— Я ничего не выпрашивала. Это Шуша. Полосков привёз их с Сириуса. Маленький шуша, шушонок, можно сказать.

И Алиса осторожно достала из сумки маленького шестилапного зверька, похожего на кенгурёнка. У шушонка были большие стрекозиные глаза. Он быстро вращал ими, крепко вцепившись верхней парой лап в Алисин костюм.

— Видишь, он меня уже любит, — сказала Алиса. — Я ему сделаю постель.

Я знал историю с шушами. Все знали историю с шушами, а мы, биологи, в особенности. У меня в зоопарке было уже пять шуш, и со дня на день мы ожидали прибавления семейства.

Полосков с Зелёным обнаружили шуш на одной из планет в системе Сириуса. Эти милые, безобидные зверушки, которые ни на шаг не отставали от космонавтов, оказались млекопитающими, хотя по повадкам больше всего напоминали наших пингвинов. То же спокойное любопытство и вечные попытки залезть в самые неподходящие места. Зелёному даже пришлось как-то спасти шушонка, который собирался потонуть в большой банке сгущённого молока. Экспедиция привезла целый фильм о шушах, который прошёл с большим успехом во всех кинотеатрах и видеорамах.

К сожалению, у экспедиции не было времени как следует понаблюдать за ними. Известно, что шуши приходили в лагерь экспедиции с утра, а с наступлением темноты куда-то исчезали, скрывались в скалах.

Так или иначе, когда экспедиция уже возвращалась обратно, в одном из отсеков Полосков обнаружил трёх шуш, которые, наверно, заблудились в корабле. Правда, Полосков подумал сначала, что шуш протаскил на корабль контрабандой кто-нибудь из участников экспедиции, но возмущение его товарищей было таким искренним, что Полоскову пришлось отказаться от своих подозрений.

Появление шуш вызвало массу дополнительных проблем. Во-первых, они могли оказаться источником неизвестных инфекций. Во-вторых, они могли погибнуть в пути, не выдержать перегрузок. В-третьих, никто не знал, что они едят... И так далее.

Но все опасения оказались напрасными. Шуши отлично перенесли дезинфекцию, послушно питались бульоном и консервированными фруктами. Из-за этого они нажили себе кровного врага в лице Зелёного, который любил компот, а последние месяцы экспедиции ему пришлось отказаться от компота — его съели «зайцы».

Во время долгого пути у шушихи родилось шесть шушат. Так что корабль прибыл на Землю переполненный шушами и шушатами. Они оказались понятливыми зверушками и никаких неприятностей и неудобств никому, кроме Зеёного, не причиняли.

Я помню исторический момент прибытия экспедиции на Землю, когда под прицелом кино — и телевизионных камер открылся люк и вместо космонавтов в его отверстии показался удивительный шестипалый зверь. За ним ещё несколько таких же, только поменьше. По всей земле прокатился вздох удивления. Но оборвался в тот момент, когда вслед за шушами из корабля вышел улыбающийся Полосков. Он нёс на руках шушонка, перемазанного сгущённым молоком...

Часть зверьков попала в зоопарк, некоторые остались у полюбивших их космонавтов. Полосковский шушонок достался Алисе. Бог уж её знает, чем она очаровала сурового космонавта Полоскова.

Шуша жил в большой корзине рядом с Алисиной кроватью, мяса не употреблял, ночью спал, дружил с котятами, боялся богомола и тихо мурлыкал, когда Алиса гладила его или рассказывала о своих удачах и бедах.

Шуша быстро рос и через два месяца стал ростом с Алису. Они ходили гулять в садик напротив, и Алиса никогда не надевала на него ошейника.

— А вдруг он кого-нибудь испугает, — спрашивал я. — Или попадет под машину.

— Нет, он не испугает. А потом, он обидится, если я на него надену ошейник. Он ведь такой чуткий.

Как-то Алисе не спалось. Она капризничала и требовала, чтобы я читал ей про доктора Айболита.

— Некогда, дочка, — сказал я. — У меня срочная работа. Кстати, тебе пора читать книжки самой.

— Но это же не книжка, а микрофильм, и там буквы маленькие.

— Так он звуковой. Не хочешь читать — включи звук.

— Мне холодно вставать.

— Тогда погоди. Я допишу и включу.

— Не хочешь — Шушу попрошу.

— Ну попроси, — улыбнулся я.

И через минуту вдруг услышал из соседней комнаты нежный микрофильмированный голос: «... И ещё была у Айболита собака Авва».

Значит, Алиса всё-таки встала и дотянулась до выключателя.

— Сейчас же обратно в постель! — крикнул я. — Простудишься.

— А я в постели.

— Нельзя обманывать. Кто же тогда включил микрофильм?

— Шуша.

Я очень не хочу, чтобы моя дочка выросла лживой. Я отложил работу, пошёл к ней и решил серьёзно поговорить.

На стене висел экран. Шуша орудовал у микропроектора, а на экране несчастные звери толпились у дверей доброго доктора Айболита.

— Как ты умудрилась так его выдрессировать? — искренне удивился я.

— Я его и не дрессировала. Он сам всё умеет.

Шуша смущённо перебирал передними лапами перед грудью.

Наступило неловкое молчание.

— И всё-таки... — сказал наконец я.

— Извините, — раздался высокий хриловатый голос. Это говорил Шуша. — Но я в самом деле сам научился. Это ведь не трудно.

— Простите... — сказал я.

— Это не трудно, — повторил Шуша. — Вы сами позавчера показывали Алисе сказку про короля богомоллов.

— Нет, я уже не о том. Как вы научились говорить?

— Мы с ним занимались, — сказала Алиса.

— Ничего не понимаю! Десятки биологов работают с шушами, и ни разу ни один шуша не сказал ни слова.

— А наш Шуша и читать умеет. Умеешь?

— Немного.

— Он мне столько интересного рассказывает...

— Мы с вашей дочкой большие друзья.

— Так почему же вы столько времени молчали?

— Он стеснялся, — ответила за Шушу Алиса.

Шуша потупил глаза.

ОБ ОДНОМ ПРИВИДЕНИИ

Мы летом живём во Внукове. Это очень удобно, потому что туда ходит монорельс и от него до дачи пять минут ходу. В лесу, по другую сторону дороги, растут подберёзовики и подосиновики, но их меньше, чем грибников.

Я приезжал на дачу прямо из зоопарка и вместо отдыха попадал в кипение тамошней жизни. Центром её был соседский мальчик Коля, который славился на все Внуково тем, что отнимал у детей игрушки. К нему даже приезжал психолог из Владивостока и написал потом диссертацию о мальчике Коле. Психолог изучал Колю, а Коля ел варенье и ныл круглые сутки. Я привез ему из города трехколесную фотонную ракету, чтобы он поменьше хныкал.

Кроме того, там жила Колина бабушка, которая любила поговорить о генетике и писала роман о Менделее, бабушка Алисы, мальчик Юра и его мама Карма, трое близнецов с соседней улицы, которые пели хором под моим окном, и, наконец, привидение.

Привидение жило где-то под яблоней и появилось сравнительно недавно. В привидение верили Алиса и Колина бабушка. Больше никто в него не верил.

Мы сидели с Алисой на террасе и ждали, пока новый робот Щелковской фабрики приготовит манную кашу. Робот уже два раза перегорал, и мы вместе с Алисой ругали фабрику, но самим приниматься за хозяйство не хотелось, а бабушка наша уехала в театр.

Алиса сказала:

— Сегодня он придёт.

— Кто — он?

— Мой привидений.

— Привидение — оно, — автоматически поправил я, не сводя глаз с робота.

— Хорошо, — не стала спорить Алиса. — Пускай будет мой привидение. А Коля отнял у близнецов орехи. Разве это не удивительно?

— Удивительно. Так что ты говорила о привидении?

— Он хороший.

— У тебя все хорошие.

— Кроме Коли.

— Ну, кроме Коли... Я думаю, если бы я привёз огнедышащую гадюку, ты бы с ней тоже подружилась.

— Наверно. А она добрая?

— С ней ещё никто не смог об этом поговорить. Она живёт на Марсе и брызгается кипящим ядом.

— Наверно, её обидели. Зачем вы увезли её с Марса?

Тут я ничего ответить не смог. Это была чистая правда. Гадюку не спрашивали, когда увозили с Марса. А она по пути сожрала любимую собаку корабля «Калуга», за что её возненавидели все космонавты.

— Ну, так что же привидение? На что оно похоже? — переменял я тему.

— Оно ходит, только когда темно.

— Ну разумеется. Это испокон века так. Наслушалась ты сказок Колиной бабушки...

— Колина бабушка мне только про историю генетики рассказывает. Какие были на Менделя гонения.

— Да, кстати, а как реагирует твое привидение на крик петуха?

— Никак. А почему?

— Понимаешь, порядочному привидению положено исчезать со страшными проклятьями, когда на рассвете прокричит петух.

— Я спрошу его сегодня про петуха.

— Ну хорошо.

— И я сегодня лягу попозже. Мне нужно поговорить с привидением.

— Пожалуйста. Ладно, пошутили и хватит. Робот уже кашу переварил.

Алиса села за кашу, а я — за учёные записки Гвианского зоопарка. Там была интереснейшая статья об укусах. Революция в зоологии. Им удалось добиться размножения укусов в неволе. Дети рождались тёмно-зелёными, несмотря на то, что у обоих родителей панцирь был голубым.

Стемнело. Алиса сказала:

— Ну, я пошла.

— Ты куда?

— К привидению. Ты же обещал.

— А я думал, что ты пошутила. Ну, если тебе так нужно в сад, то выйди, только надень кофточку, а то холодно стало. И чтоб не дальше яблони.

— Куда же мне дальше? Он меня там ждёт.

Алиса убежала в сад. Я краем глаза следил за ней. Мне не хотелось вторгаться в мир её фантазий. Пускай её окружают и привидения, и волшебницы, и отважные рыцари, и

добрые великаны со сказочной голубой планеты... Конечно, если она будет ложиться спать вовремя и нормально есть.

Я потушил свет на веранде, чтобы он не мешал мне присматривать за Алисой. Вот она подошла к яблоне, старой и ветвистой, и встала под ней.

И тут... От ствола яблони отделилась голубая тень и двинулась ей навстречу. Тень будто плыла по воздуху, не касаясь травы.

В следующий момент, схватив что-то тяжёлое, я уже бежал вниз по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки. Это мне уже не нравилось. Либо это чья-то неостроумная шутка, либо... Что «либо», я не придумал.

— Осторожнее, папа! — сказала громким шёпотом Алиса, услышав мои шаги. — Ты его спугнёшь.

Я схватил Алису за руку. Передо мной растворялся в воздухе голубой силуэт.

— Папа, что ты наделал! Ведь я его чуть не спасла.

Алиса позорно ревела, пока я нёс её на террасу.

Что это было под яблоней? Галлюцинация?..

— Зачем ты это сделал? — ревела Алиса. — Ты же обещал...

— Ничего я не сделал, — отвечал я, — привидений не бывает.

— Ты же сам его видел. Зачем ты говоришь неправду? А он ведь не выносит движений воздуха. Разве ты не понимаешь, что к нему надо медленно подходить, чтобы его ветром не сдуло?

Я не знал, что ответить. В одном был уверен: как только Алиса заснёт, выйду с фонарём в сад и обыщу его.

— А он тебе письмо передал. Только я его тебе теперь не дам.

— Какое ещё письмо?

— Не дам.

Тут я заметил, что в кулаке у неё зажат листок бумаги. Алиса посмотрела на меня, я на неё, и потом она всё-таки дала мне этот листок.

На листке моим почерком было написано расписание кормления красных крумсов. Я этот листок искал уже три дня.

— Алиса, где ты нашла мою записку?

— А ты переверни её. У привидения бумаги не было, и я ему дала твою.

На обратной стороне незнакомым почерком было написано по-английски:

«Уважаемый профессор!

Я беру на себя смелость обратиться к Вам, ибо попал в неприятное положение, из которого не могу выйти без посторонней помощи. К сожалению, я не могу также и покинуть круг радиусом в один метр, центром которого является яблоня. Увидеть же меня в моём жалком положении можно только в темноте.

Благодаря Вашей дочери, чуткому и отзывчивому существу, мне удалось наконец установить связь с внешним миром.

Я, профессор Кураки, являюсь жертвой неудачного эксперимента. Я ставил опыты по передаче вещества на далёкие расстояния. Мне удалось переправить из Токио и Париж двух индюшек и кошку. Они были благополучно приняты моими коллегами. Однако в тот день, когда я решил проверить эксперимент на себе, пробки в лаборатории перегорели как раз во время эксперимента, и энергии для перемещения оказалось недостаточно. Я рассеялся в пространстве, причем моя наиболее концентрированная часть находится в районе Вашей уважаемой дачи. В таком прискорбном состоянии я нахожусь уже вторую неделю, и, без сомнения, меня считают, погибшим.

Умоляю Вас, немедленно по получении моего письма пошлите телеграмму в Токио. Пусть кто-нибудь починит пробки в моей лаборатории. Тогда я смогу материализоваться.

Заранее благодарный, Кураки».

Я долго вглядывался в темноту под яблоней. Потом спустился с террасы, подошёл поближе. Бледно-голубое, еле различимое сияние покачивалось у ствола. Приглядевшись, я различил очертания человека. «Привидение» умоляюще, как мне показалось, вздымало к небу руки.

Больше я не стал терять время. Я добежал до монорельса и со станции провидеофонил в Токио.

Вся эта операция заняла десять минут.

Уже на пути домой я вспомнил, что забыл уложить Алису. Я прибавил шаг.

Свет на террасе не был потушен.

Там Алиса демонстрировала свой гербарий и коллекцию бабочек невысокому изможденному японцу. Японец держал в руках кастрюльку и, не сводя глаз с Алисиных сокровищ, деликатно ел манную кашу.

Увидев меня, гость низко поклонился и сказал:

— Я — профессор Кураки, ваш вечный слуга. Вы и ваша дочь спасли мне жизнь.

— Да, папа, это мой привидение, — сказала Алиса. — Теперь ты в них веришь?

— Верю, — ответил я. — Очень приятно познакомиться.

ПРОПАВШИЕ ГОСТИ

Подготовка к встрече лабуцильцев проходила торжественно. Еще ни разу Солнечную систему не посещали гости со столь далекой звезды.

Первой сигналы лабуцильцев приняла станция на Плутоне, а через три дня связь с ними установила Лондельская радиообсерватория.

Лабуцильцы были ещё далеко, но космодром Шереметьево-4 был полностью готов к их приёму. Девушки из оранжереи «Красная роза» украсили его гирляндами цветов, а слушатели Высших поэтических курсов отрепетировали музыкально-литературный монтаж. Все посольства забронировали места на трибунах, и корреспонденты ночевали в буфете космодрома.

Алиса жила неподалеку, на даче во Внукове, и собирала гербарий. Она хотела собрать гербарий лучше, чем собрал Ваня Шпиц из старшей группы. Таким образом, Алиса не принимала участия в подготовке торжественной встречи. Она даже ничего не знала о ней.

Да и я сам к встрече не имел прямого отношения. Моя работа начнётся потом, когда лабуцильцы приземлятся.

А тем временем события развивались следующим образом.

8 марта лабуцильцы сообщили, что выходят на круговую орбиту. Примерно в это время и произошла трагическая случайность. Вместо лабуцильского корабля станции наведения засекли потерянный два года назад шведский спутник «Нобель-29». Когда же ошибка была обнаружена, оказалось, что лабуцильский корабль исчез. Он уже пошёл на посадку, и связь с ним временно прервалась.

9 марта в 6.33 лабуцильцы сообщили, что произвели посадку в районе 55°20' северной широты и 37°40' восточной долготы по земной системе координат, с возможной ошибкой в 15', то есть неподалёку от Москвы.

В дальнейшем связь прервалась, и восстановить её, за исключением одного случая, о котором я скажу потом, не удавалось. Оказывается, земная радиация пагубным образом воздействовала на приборы лабуцильцев.

В тот же момент сотни машин и тысячи людей бросились в район посадки гостей. Дороги были забиты желающими найти лабуцильцев. Космодром Шереметьево-4 опустел. В буфете не осталось ни одного корреспондента. Небо Подмосковья было увешано

вертолетами, винтокрылами, орнитоптерами, вихрелетами и прочими летательными аппаратами. Казалось, тучи громадных комаров нависли над землей.

Если бы даже корабль лабуцильцев ушёл под землю, его всё равно обнаружили бы. Но его не нашли.

Ни один из местных жителей не видел, как спускался корабль. А это тем более странно, потому что в те часы почти все жители Москвы и Подмосковья смотрели в небо.

Значит, произошла ошибка.

К вечеру, когда я вернулся с работы на дачу, вся нормальная жизнь планеты была нарушена. Люди боялись, не случилось ли чего-нибудь с гостями.

— Может быть, — спорили в монорельсе, — они из антивещества и при входе в земную атмосферу испарились?

— Без вспышки, бесследно? Чепуха!

— Но много ли мы знаем о свойствах антивещества?

— А кто тогда радировал, что совершил посадку?

— Может быть, шутник?

— Ничего себе шутник! Так, может быть, он и с Плутоном разговаривал?

— А может быть, они невидимы?

— Всё равно их обнаружили бы приборы...

Но всё-таки версия о невидимости гостей завоевывала всё больше сторонников...

Я сидел на веранде и думал: а может, они приземлились рядом, на соседнем поле? Стоят сейчас, бедные, рядом со своим кораблём и удивляются, почему это люди не хотят обращать на них внимание. Вот-вот обидятся и улетят... Я хотел было уже спуститься вниз и отправиться на то самое поле, как увидел цепочку людей, выходящих из леса. Это были жители соседних дач. Они держались за руки, будто играли в детскую игру «каравай, каравай, кого хочешь выбирай».

Я понял, что соседи предугадали мои мысли и ищут на ощупь невидимых гостей.

И в этот момент внезапно заговорили все радиостанции мира.

Они передавали запись сообщения, пойманного радиолюбителем из Северной Австралии. В сообщении повторялись координаты и затем следовали слова: «Находимся в лесу... Выслали первую группу на поиски людей. Продолжаем принимать ваши передачи. Удивлены отсутствием контактов...» На этом связь оборвалась.

Версия о невидимости немедленно приобрела ещё несколько миллионов сторонников.

С террасы мне было видно, как цепочка дачников остановилась и затем снова повернула к лесу. И в этот момент на террасу поднялась Алиса с корзинкой земляники в руке.

— Зачем они все бегают? — спросила она, не поздоровавшись.

— Кто «они»? Надо говорить «здравствуй», если не видела с утра своего единственного отца.

— С вечера. Я спала, когда ты уехал. Здравствуй, папа. А что случилось?

— Лабуцильцы потерялись, — ответил я.

— Я их не знаю.

— Их никто ещё не знает.

— А как же они тогда потерялись?

— Летели на Землю. Прилетели и потерялись.

Я чувствовал, что говорю ерунду. Но ведь это была чистая правда.

Алиса взглянула на меня с подозрением:

— А разве так бывает?

— Нет, не бывает. Обычно не бывает.

— А они космодрома не нашли?

— Наверно.

— И где они потерялись?

— Где-то под Москвой. Может быть, и неподалеку отсюда.

— И их ищут на вертолетах и пешком?

— Да.

— А почему они не придут сами?

— Наверно, они ждут, пока к ним придут люди. Ведь они первый раз на Земле. Вот и не отходят от корабля.

Алиса помолчала, будто удовлетворенная моим ответом. Прошлась раза два, не выпуская из рук корзиночки с земляникой, по террасе. Потом спросила:

— А они в поле или в лесу?

— В лесу.

— А откуда ты знаешь?

— Они сами сказали. По радио.

— Вот хорошо.

— Что хорошо?

— Что они не в поле.

— Почему?

— Я испугалась, что я их видела.

— Как так?!

— Да никак, я пошутила...

Я вскочил со стула. Вообще-то Алиса большая выдумщица...

— Я не ходила в лес, папа. Честное слово, не ходила. Я была на полянке. Значит, я не их видела.

— Алиса, выкладывай всё, что знаешь. И ничего от себя не добавляй. Ты видела в лесу странных... людей?

— Честное слово, я не была в лесу.

— Ну хорошо, на поляне.

— Я ничего плохого не сделала. И они вовсе не странные.

— Да ответь ты по-человечески: где и кого ты видела? Не мучай меня и всё человечество в моём лице!

— А ты человечество?..

— Послушай, Алиса...

— Ну ладно. Они здесь. Они пришли со мной.

Я невольно оглянулся. Терраса была пуста. И если не считать ворчливого шмеля, никого, кроме нас с Алисой, на ней не было.

— Да нет, ты не там смотришь, — Алиса вздохнула, подошла ко мне поближе и сказала: — Я их хотела оставить себе. Я же не знала, что человечество их ищет.

И она протянула корзинку с земляникой. Она поднесла мне корзиночку к самым глазам, и я, сам себе не веря, ясно разглядел две фигурки в скафандрах. Они были измазаны земляничным соком и сидели, оседлав вдвоём одну ягоду.

— Я им не делала больно, — сказала Алиса виноватым голосом. — Я думала, что они гномики из сказки.

Но я уже не слушал её. Нежно прижимая корзиночку к сердцу, я мчался к видеофону и думал, что трава для них должна была показаться высоким лесом.

Так состоялась первая встреча с лабуцильцами.

СВОЙ ЧЕЛОВЕК В ПРОШЛОМ

Испытание машины времени проводилось в Малом зале Дома учёных. Я зашёл за Алисой в детский сад, а там обнаружил, что, если поведу её домой, опоздаю на испытание. Поэтому я взял с Алисы клятву, что она будет себя вести достойно, и мы пошли в Дом учёных.

Представитель Института времени, очень большой и очень лысый человек, стоял перед машиной времени и объяснял научной общественности её устройство. Научная общественность внимательно слушала его.

— Первый опыт, как вы все знаете, был неудачен, — говорил он. — Посланный нами котёнок попал в начало двадцатого века и взорвался в районе реки Тунгуски, что положило начало легенде о Тунгусском метеорите. С тех пор мы не знали крупных неудач. Правда, в силу определённых закономерностей, с которыми желающие могут познакомиться в брошюре нашего института, пока мы можем посылать людей и предметы только в семидесятые года двадцатого века. Надо сказать, что некоторые из наших сотрудников побывали там, разумеется, совершенно тайно, и благополучно возвратились обратно. Сама процедура перемещения во времени сравнительно несложна, хотя за ней скрывается многолетний труд сотен людей. Достаточно надеть на себя хронокинный пояс... Я хотел бы, чтобы ко мне поднялся доброволец из зала, и я покажу на нём порядок подготовки путешественника во времени...

Наступило неловкое молчание. Никто не решался первым выйти на сцену. И тут, разумеется, на сцене появилась Алиса, которая только пять минут назад поклялась вести себя достойно.

— Алиса, — крикнул я, — немедленно вернись!

— Не беспокойтесь, — сказал представитель института, — с ребёнком ничего не случится.

— Со мной ничего не случится, папа! — весело сказала Алиса.

В зале засмеялись и начали оборачиваться, ища глазами строгого отца.

Я сделал вид, что совершенно ни при чём.

Представитель института надел на Алису пояс, прикрепил к вискам что-то вроде наушников.

— Вот и всё, — сказал он. — Теперь человек готов к путешествию во времени. Стоит ему войти в кабину, как он окажется в тысяча девятьсот семьдесят пятом году. «Что он говорит! — мелькнула у меня в мозгу паническая мысль. — Ведь Алиса немедленно воспользуется этой возможностью!»

Но было поздно.

— Куда ты, девочка? Остановись! — крикнул представитель института.

Алиса уже вошла в кабину и на глазах у всего зала испарилась. Зал хором ахнул.

Побледневший представитель института размахивал руками, пытаясь унять шум. И, видя, что я бегу к нему по проходу, заговорил, склонившись к самому микрофону, чтобы было слышнее:

— С ребёнком ничего не случится. Через три минуты он окажется снова в этом зале. Я даю слово, что аппаратура совершенно надёжна и испытана! Не волнуйтесь!

Ему хорошо было рассуждать. А я стоял на сцене и думал о судьбе котёнка, превратившегося в Тунгусский метеорит. Я и верил, и не верил лектору. Сами посудите — знать, что ваш ребёнок находится сейчас в отдалённом прошлом... А если она там убежит от машины? Или заблудится?

— А нельзя ли мне последовать за ней? — спросил я.

— Нет. Через минуту... Да вы не беспокойтесь, там её встретит наш человек.

— Так там ваш сотрудник?

— Да нет, не сотрудник. Просто мы нашли человека, который отлично понял наши проблемы, и вторая кабина стоит у него на квартире. Он живёт там, в двадцатом веке, но в силу своей специальности иногда бывает в будущем.

В этот момент в кабине показалась Алиса. Она вышла на сцену с видом человека, который отлично выполнил свой долг. Под мышкой она держала толстую старинную книгу.

— Вот видите, — сказал представитель института. Зал дружно зааплодировал.

— Девочка, расскажи, что ты видела? — сказал лектор, не давая мне даже подойти к Алисе.

— Там очень интересно, — ответила она. — Бах! — и я в другой комнате. Там сидит за столом дядя и пишет что-то. Он меня спросил: «Ты, девочка, из двадцать первого века?» Я говорю, что наверно, только я наш век не считала, потому что ещё плохо считаю, я хожу в детский сад, в среднюю группу. Дядя сказал, что очень приятно, и что мне придётся вернуться обратно. «Хочешь посмотреть, какая была Москва, когда твоего дедушки ещё не было?» Я говорю, что хочу. И он мне показал. Очень удивительный и невысокий город. Потом я спросила, как его зовут, а он сказал, что Аркадий, и он писатель, и пишет фантастические книжки о будущем. Он, оказывается, не всё придумывает, потому что к нему иногда приходят люди из нашего времени и рассказывают о нашей жизни. Только он

не может об этом рассказать никому, потому что это страшный секрет. Он мне подарил свою книжку... А потом я вернулась.

Зал встретил рассказ Алисы бурными аплодисментами.

А потом с места поднялся почтенный академик и сказал:

— Девочка, вы держите в руках уникальную книгу — первое издание фантастического романа «Пятна на Марсе». Не могли бы вы подарить мне эту книгу? Вы всё равно ещё не умеете читать.

— Нет, — сказала Алиса. — Я скоро научусь и сама прочту...

3. Проблематика произведений К. Булычёва

Ответы на вопросы:

— Вы прочитали фрагмент повести К. Булычёва «Девочка, с которой ничего не случится». Какие эпизоды понравились вам больше? Свой ответ поясните.

— Кто рассказывает об Алисе?

— Охарактеризуйте главную героиню. Какие особенности личности Алисы подчеркнуты в рассказах? Какие поступки она совершает? Подтвердите свой ответ цитатами из текста.

— С какими животными была знакома Алиса? Расскажите, кто такой Бронтя. Почему Бронтю никто не мог накормить, кроме Алисы?

— Кто такие тутексы? Каким образом Алиса открыла поселение тутексов?

— Как Алиса познакомилась с Шушей?

— Расскажите о знакомстве с привидением.

— Чем интересны пропавшие гости?

— Что за книга — «Пятна на Марсе»?

— Какие рассказы вам понравились больше? Какие из них вы порекомендовали бы почитать вашим сверстникам?

— Как вы понимаете название произведения «Девочка, с которой ничего не случится»? Своё мнение обоснуйте.

— Как вы думаете, чем интересны истории про Алису читателю начала XXI века?

4. Домашнее задание

Коллективная работа. Работа над проектом по творчеству фантаста Кира Булычёва.

Посмотреть художественные фильмы: «Гостья из будущего» (1985), «Лиловый шар» (1987), «Остров Ржавого генерала» (1988), «Приключения Алисы Селезнёвой. Пленники трёх планет» (2010) или анимационные фильмы: «Тайна третьей планеты» (1981), «Узники Ямагири-мару» (1988), «День рождения Алисы» (2009). Написать отзыв на один из них.

Индивидуальные задания.

1. Создать презентацию о жизни и творчестве Кира Булычёва, используя дополнительную литературу и ресурсы Интернета.
2. Составить перечень произведений Кира Булычёва об Алисе и написать к ним аннотации.

Урок 83. Литература народов Российской Федерации.

Расул Гамзатов. «Песня соловья»

1. Стихотворение Расула Гамзатова «Песня соловья»

Стихотворение «Песня соловья» Расул Гамзатов написал в 1949 году, когда ему было 26 лет. Поэт очень любил свою Родину, свой Дагестан. В его стихотворении соловей без усталости поёт о Родине: «О родине песня его. / Ведь другая давно б надоела ему!» Тема Родины занимает центральное место в творчестве поэта.

Выразительное чтение стихотворения Расула Гамзатова «Песня соловья».

Песня соловья

Слышишь песнь соловья?

В ней звучит торжество.

Но о чём он поёт?
Неизвестно, увы, никому.
Я уверен:
О родине песня его.
Ведь другая давно б надоела ему!

Дождик за окном – о тебе я думаю,
Снег в саду ночном – о тебе я думаю.
Ясно на заре – о тебе я думаю,
Лето на дворе – о тебе я думаю.
Птицы прилетят – о тебе я думаю,
Улетят назад – о тебе я думаю.
Зелены кусты, скрыты ли порошею, –
Ни о чём невмочь, – о тебе я думаю.
Уж, наверно, ты девушка хорошая,
Если день и ночь о тебе я думаю.

Скоро, скоро настанет весенний рассвет.
Люди спят, до влюблённого дела им нет.
Мне всегда был приятен предутренний сон,
Но и этого нынче тобой я лишён.
Для того чтобы знала ты, как я люблю
И от этой любви постоянно не сплю,
Я б хотел своё сердце вложить тебе в грудь,
Но тогда и тебе до утра не уснуть!

2. Тематика стихотворения

Ответы на вопросы:

- Назовите главную тему стихотворения.
- Почему автор не сомневается, что соловей воспекает Родину?
- О чём рассуждает автор стихотворения?
- Как вы думаете, почему песни о родном крае никогда не надоедают?

3. Домашнее задание

Сделать иллюстрацию к стихотворению Расула Гамзатова «Песня соловья».

Урок 98. Зарубежная приключенческая проза.

Р. Л. Стивенсон. «Чёрная стрела»

1. Приключенческая историческая проза Р. Л. Стивенсона.

Роман «Чёрная стрела»

Роман Р. Л. Стивенсона «Чёрная стрела» был опубликован в 1888 году. Жанр произведения — приключенческий исторический роман. Исторический фон произведения — кровопролитная гражданская война в Англии (1455—1485), известная как Война Алой и Белой розы. Вот какие пояснения даются в книге Е. Чудиновой «История Англии для детей»: «... важные джентльмены собрались в полуденное время в саду Темпля, чтобы говорить о судьбе престола. Но, к сожалению, они не пришли к согласию. Одни считали, что надо передать корону герцогу Йоркскому. Но другим казалось, что, хотя король и глуп, его новорождённый сын Эдвард — его законный преемник и может со временем оказаться неплохим государем. И они решили защищать Дом Ланкастеров. В знак этого они тут же в саду сорвали по алой розе и приколоты к своим шляпам. А те джентльмены, которые считали, что лучше сделать королём Ричарда, герцога Йоркского, сорвали розы белого цвета и тоже приколоты их к своим шляпам. На этом они разошлись и начали гражданскую войну, которая продлилась более тридцати лет. Эта война получила название войны Алой и Белой Розы». В войне победу одержали Йорки. Герои «Чёрной стрелы» оказываются вовлечёнными в борьбу между сторонниками партий Ланкастеров и Йорков. Приключения главного героя увлекают читателя.

Чтение пролога повести Р. Л. Стивенсона «Чёрная стрела».

Пролог. Джон Мщю-за-всех

Как-то раз после полудня поздней весной колокол на башне Тэнстоллского замка Мот зазвонил в неурочное время. Повсюду, в лесу и в полях, окружающих реку, люди побросали работу и кинулись навстречу звону; собрались и в деревушке Тэнстолл бедняки-крестьяне; они с удивлением прислушивались к колоколу.

В те времена — в царствование старого короля Генриха VI — деревушка Тэнстолл имела почти такой же вид, как теперь. По длинной зелёной долине, спускающейся к реке, было разбросано десятка два домов, построенных из тяжёлых дубовых брёвен. Дорога шла через мост, потом подымалась на противоположный берег, исчезала в лесных зарослях и, вынырнув, тянулась до замка Мот и дальше, к аббатству Холивуд. Перед деревней, на склоне холма, стояла церковь, окружённая тисовыми деревьями. А кругом, куда ни кинешь взор, тянулись леса, над которыми возвышались вершины зелёных вязов и начинавших зеленеть дубов.

Возле самого моста на бугре стоял каменный крест; у креста собралась кучка людей — шесть женщин и долговязый малый в красной холщовой рубаше; они спорили о том, что может означать звон колокола. Полчаса назад через деревню проскакал гонец; у харчевни он выпил кружку пива, не слезая с лошади, — так он торопился; но он и сам ничего не знал, он вёз запечатанные письма сэра Дэниэла Брэкли сэру Оливеру Отсу — священнику, который управлял замком Мот, пока хозяин был в отъезде.

Внезапно раздался стук копыт; из леса выехал юный Ричард Шелтон, воспитанник сэра Дэниэла, и звонко проскакал по гулкому мосту. Он-то уж наверняка знает, что случилось, — его окликнули и попросили объяснить. Он охотно остановился. Это был загорелый сероглазый юноша лет восемнадцати в куртке из оленьей кожи с чёрным бархатным воротником; на голове у него был зелёный капюшон, за плечами висел стальной арбалет. Гонец, как оказалось, привёз важные известия. Предстояла битва. Сэр Дэниэл прислал приказ собрать всех мужчин, способных натягивать лук или тащить алебарду, и гнать как можно скорее в Кэттли, а всем, кто ослушается, он грозил своим гневом; но о том, с кем и где придётся сражаться, Дик не знал ничего. Скоро явится сюда сам сэр Оливер, а Беннет Хэтч уже вооружается, потому что вести отряд поручено ему.

— Война — разорение для нашей доброй страны, — сказала одна из женщин. — Когда бароны воюют, крестьяне едят корни и траву.

— Нет, — сказал Дик. — Всякий, кто пойдёт за сэром Дэниэлом, будет получать по шесть пенсов в день, а лучники — по двенадцать.

— Для тех, кто останется жив, — ответила женщина, — оно, быть может, и так. Ну, а те, кого убьют, сударь?

— Умереть за своего законного господина — лучшая смерть на свете, — сказал Дик.

— Он мне не господин, — сказал малый в красной рубаше. — Я стоял за Уэлсингэмов; все мы здесь, в Брайерли, стояли за Уэлсингэмов; так было до сретенья позапрошлого года. А теперь я должен стоять за Брэкли! И всё по закону! Где ж справедливость? Нас совсем одолел этот сэр Дэниэл со своим сэром Оливером, который постиг все законы, кроме законов чести, между тем, как у меня один-единственный законный господин — несчастный король Гарри Шестой, благослови его бог, который сейчас всё равно что малое дитя, ещё не научившееся отличать правую руку от левой.

— Скверный у тебя язык, приятель, — ответил Дик. — Ты клеветешь и на своего славного господина и на его величество короля. Но король Гарри — хвала святым! — снова в добром разуме и скоро восстановит мир. Какой ты смелый, когда сэр Дэниэл не слышит тебя! Ну, да я не доносчик. И довольно об этом!

— На вас, мастер Ричард, я не держу зла, — проговорил крестьянин. — Вы ещё мальчик. А вот вырастете и увидите, что карманы ваши пусты. Больше я ничего не скажу. Да помогут святые соседям сэра Дэниэла и да защитит богородица его воспитанников!

— Клипсби! — сказал Ричард. — Честь моя не позволяет мне внимать таким речам. Сэр Дэниэл — мой добрый господин и мой опекун.

— Ну, если так, — сказал Клипсби, — я вам задам загадку. На чьей стороне сэр Дэниэл?

— Не знаю, — ответил Дик и слегка покраснел, потому что его опекун в это смутное время беспрестанно переходил с одной стороны на другую и после каждой измены богатства его увеличивались.

— Никто этого не знает, — сказал Клипсби. — Он ложится спать сторонником Ланкастера, а просыпается сторонником Йорка.

На мосту раздался стук железных подков; все обернулись и увидели скачущего Беннета Хэтча. Это был сидящий мужчина с тяжёлой рукой и суровым обветренным лицом; на голове у него был стальной шлем, на плечах — кожаная куртка, меч на поясе и копьё в руке. Он был большой человек в тех краях — правая рука сэра Дэниэла в мирное и военное время, а сейчас, по приказу своего господина, — бейлиф округа.

— Клипсби, — крикнул он, — отправляйся в замок Мот и пошли туда всех остальных бездельников! Оружейник выдаст тебе кольчугу и шлем. Мы должны двинуться в путь до

вечернего звона. Смотри же, кто явится на сбор последним, того сэр Дэниэл накажет. Помни об этом! Я знаю, какой ты мошенник! Нэнс, — прибавил он, обращаясь к одной из женщин, — старик Эппльярд в деревне?

— Копаются у себя в огороде, — ответила женщина. — Где же ему быть?

Народ разошёлся. Клипсби лениво побрёл через мост, а Беннет и юный Шелтон поехали вместе вверх по дороге через деревню и миновали церковь.

— Поглядим на старого ворчуна, — сказал Беннет. — Он будет так длинно восхвалять Гарри Пятого, что, слушая его болтовню, успеешь подковать лошадь. И всё оттого, что он воевал с французами!

Дом, к которому они направлялись, стоял особняком в самом конце деревни среди кустов сирени; с трёх сторон его огибали луга, тянувшиеся до опушки леса.

Хэтч спрыгнул с коня, закинул уздечку на забор и вместе с Диком пошёл в поле, где старый солдат, стоя по колена в капусте, рыл землю и время от времени запевал надтреснутым голосом начало какой-то песни. Вся одежда его была кожаная; только капюшон и воротник были сделаны из чёрной байки и завязаны красными тесёмками; лицо Эппльярда и цветом и морщинами напоминало скорлупу грецкого ореха; но его старые серые глаза были ещё ясны и видели хорошо. То ли он был глуховат, то ли считал недостойным старого стрелка, участвовавшего в битве при Ажинкуре, обращать внимание на всякие мелочи, но ни громкие призывы набата, ни появление Беннета с мальчиком не сдвинули его с места. Он продолжал упрямо копать землю, напевая очень тонким, скрипучим голосом:

Леди, леди, умоляю,

Пожалей меня.

— Ник Эппльярд, — сказал Хэтч, — сэр Оливер шлёт тебе привет и приказывает немедленно прибыть в замок Мот и принять начальство над гарнизоном.

Старик поднял голову.

— Да храни вас бог, господа, — проговорил он насмешливо. — А куда отправляется мастер Хэтч?

— Мастер Хэтч едет в Кэттли и забирает с собой всех, кто может сесть на коня, — ответил Беннет. — Предстоит битва, и моему господину требуются подкрепления.

— Ах, вот как! — сказал Эппльярд. — А сколько человек ты оставишь мне?

— Я оставляю тебе шесть добрых молодцов и сэра Оливера в придачу, — ответил Хэтч.

— Этого недостаточно, — сказал Эппльярд. — Для защиты замка требуется человек сорок.

— Вот потому мы к тебе и обратились, старый ворчун! — ответил Хэтч. — Кто, кроме тебя, может защитить такой замок с таким гарнизоном?

— Ага! Когда болит мозоль, вспоминают о старом башмаке, — сказал Ник.

— Никто из вас не умеет ни на коне сидеть, ни алебарду держать. А как вы все стреляете из лука, святой Михаил! Если бы старик Гарри Пятый воскрес, он позволил бы вам стрелять в себя и платил по фардингу за выстрел.

— Нет, Ник, есть ещё люди, которые умеют как следует натянуть тетиву, — сказал Беннет.

— Натянуть тетиву? — вскричал Эппльярд. — Да, натянуть тетиву умеют и сейчас!

А покажите мне хоть один хороший выстрел! Для хорошего выстрела нужен верный глаз, нужна голова на плечах. Какой выстрел на дальнее расстояние ты назвал бы хорошим, Беннет Хэтч?

— Если бы чья-нибудь стрела долетела отсюда до леса, — сказал Беннет, озираясь, — это был бы славный выстрел на дальнее расстояние.

— Да, это был бы хороший выстрел, — сказал старик, глядя через плечо.

— Отсюда до леса далеко.

Внезапно он поднёс руку к глазам и стал из-под руки разглядывать что-то вдали.

— Кого ты там увидел? — спросил, смеясь, Беннет. — Уж не Гарри ли Пятого?

Старый солдат ничего не ответил и продолжал смотреть вдаль.

Солнце ярко озаряло луга на отлогих склонах холмов; белые овцы щипали траву; было тихо, только далёкий колокол гудел, не умолкая.

— Ну, что там, Эппльярд? — спросил Дик.

— Птицы, — сказал Эппльярд.

И действительно, там, где лес врезывался в луга длинным клином, кончавшимся двумя зелёными вязами, как раз на расстоянии полёта стрелы от поля Эппльярда, испуганно металась стая птиц.

— Что нам за дело до птиц? — сказал Беннет.

— Вот ты, мастер Беннет, отправляешься на войну и считаешь себя мудрецом, а не знаешь, что птицы — прекрасные часовые, — ответил Эппльярд. — Они первые дают знать о предстоящей битве. Если бы мы сейчас находились в лагере, я бы сказал, что нас отслеживают вражеские стрелки. А ты бы ничего не заметил!

— Брось, старый ворчун! — сказал Хэтч. — Поблизости нет никаких стрелков, кроме тех, которыми командует сэр Дэниэл в Кэттли; мы с тобой тут в безопасности, словно в лондонском Тауэре, а ты пугаешь людей из-за каких-то зябликов и воробьёв!

— Нет, вы только послушайте его! — ухмыльнулся Эппльярд. — Да разве мало здесь негодяев, которые дали бы отрезать себе оба уха, чтобы застрелить меня или тебя! Святой Михаил! Да мы им ненавистнее, чем парочка хорьков!

— Они ненавидят сэра Дэниэла, а не нас, — ответил Хэтч, помрачнев.

— Они ненавидят сэра Дэниэла и всех, кто ему служит, — сказал Эппльярд. —

И особенно им ненавистны Беннет Хэтч и старый Николас-лучник. Вот ответь: если бы там, на опушке леса, находился ловкий малый, а мы с тобой стояли бы так, что ему удобно было бы целиться в нас (как мы, клянусь святым Георгием, и стоим сейчас!), кого бы он выбрал: тебя или меня?

— Бьюсь об заклад, тебя, — ответил Хэтч.

— Ставлю свою куртку против кожаного пояса, что тебя! — вскричал старый стрелок.

— Ведь это ты сжёг Гримстон, и уж будь покоен, Беннет, они тебе этого не простят.

А я и так, с божьей помощью, скоро попаду в надёжное место, где меня не достанет ни стрела, ни пушечное ядро. Я старый человек и быстро приближаюсь туда, где мне уготовано ложе. А тебя, Беннет, я покину, на твою погибель, в этом мире, и если тебе дадут дожить до моих лет и не повесят, значит, истинный английский дух угас.

— Ты самый болтливый дурак во всём Тэнстоллском лесу, — сказал Хэтч, которого явно покорило от такого пророчества. — Делай своё дело, снаряжайся в путь, пока не пришёл сэр Оливер, да попридержи свой язык. Если ты столько разговаривал с Гарри Пятым, в его ушах звону было больше, чем в его кармане.

Стрела пропела в воздухе, как большой шершень, впилась старому Эппльярду между лопаток и пронзила его насквозь. Он упал лицом в капусту. Хэтч резко вскрикнул и подскочил; потом согнулся вдвое и побежал к дому, ища прикрытия. А Дик Шелтон спрятался за кустом сирени, прижал свой арбалет к плечу, натянул тетиву и стал целиться в выступ леса.

Ни один листок не шелохнулся. Овцы спокойно щипали траву; птицы уселись на ветви. Между тем старик лежал, и из спины его торчала стрела, Хэтч стоял в сенях за дверью, и Дик затаился за кустом сирени, готовый пустить стрелу.

— Вы кого-нибудь видите? — крикнул Хэтч.

— Ни одна ветка не движется, — ответил Дик.

— Стыдно так оставлять старика, — сказал Беннет и нерешительно шагнул вперёд; лицо его побледнело. — Следите за лесом, мастер Шелтон, не спускайте глаз с леса. Да помогут нам святые! Но каков выстрел!

Беннет приподнял старого стрелка и положил к себе на колено. Он был ещё жив; лицо его подергивалось, полные мучительной боли глаза то открывались, то закрывались.

— Ты слышишь меня, старый Ник? — спросил Хэтч. — Нет ли у тебя какого-нибудь последнего желания, старина?

— Выньте стрелу и дайте мне умереть, во имя богоматери! — задыхаясь, сказал Эппльярд. — Я покончил со старой Англией. Выньте стрелу!

— Мастер Дик, — сказал Беннет, — подойдите и дёрните хорошенько стрелу. Он сейчас отойдёт, бедный грешник.

Дик положил свой арбалет и с силой выдернул стрелу из раны. Хлынула кровь; старый лучник кое-как приподнялся на ноги, призвал бога и рухнул мёртвым. Хэтч, стоя на коленях среди капусты, усердно молился о спасении отлетавшей души. Но видно было, что даже во время молитвы мысли его заняты другим: он не сводил глаз с того уголка леса, откуда прилетела стрела. Окончив молитву, он встал, снял железную рукавицу и вытер лицо, бледное и мокрое от страха.

— Теперь моя очередь, — сказал он.

— Кто его убил, Беннет? — спросил Ричард, всё ещё держа в руке стрелу.

— Одним святым это ведомо, — сказал Хэтч. — Мы с ним выгнали из домов и усадеб по крайней мере сорок христианских душ. Он уже уплатил свой долг, бедный ворчун; быть может, скоро придётся платить и мне. Сэр Дэниэл правит слишком сурово.

— Странная стрела, — сказал мальчик, вертя стрелу в руке.

— И правда, странная! — воскликнул Беннет. — Чёрная, с чёрным оперением. Зловещая стрела! Чёрный цвет, говорят, предвещает похороны. На ней что-то написано. Сотрите кровь. Прочитали?

— «Эппльярду от Джона Мщю-за-всех», — прочёл Шелтон. — Что это значит?

— Дело плохо, — сказал слуга сэра Дэниэла, опустив голову. — Джон Мщю-за-всех! Ну и прозвище у этого негодяя! Но чего ради мы стоим здесь, словно мишень для стрельбы? Берите его за ноги, добрый мастер Шелтон, а я возьму за плечи, и отнесём его в дом. Какой страшный удар для бедного сэра Оливера! Он побелеет, как бумага, и будет молиться, размахивая руками, словно ветряная мельница.

Они подняли старого лучника и отнесли в дом, где он жил один. Положив его на пол, чтобы не пачкать тюфяка, они старательно выпрямили его руки и ноги.

В доме у Эппльярда было чисто и голо. Кровать, покрытая синим одеялом, шкаф, большой сундук, два табурета, откидной стол возле камина — вот и вся обстановка.

На стенах висели луки и кольчуги старого воина. Хэтч разглядывал всё с любопытством.

— У Ника были деньги, — сказал он. — Он накопил фунтов шестьдесят. Хорошо бы их найти! Когда теряешь старого друга, мастер Шелтон, лучшее утешение — стать его наследником. Посмотрите, какой сундук. Бьюсь об заклад, там груда золота. Он легко брал и с трудом отдавал, этот Эппльярд-лучник. Упокой, господи, его душу! Почти восемьдесят лет он ходил по земле и добывал добро; а теперь он лежит себе на спине, и ничего ему больше не надо. И если всё добро достанется его приятелю, бедному ворчуну, наверное, будет веселее в небесах.

— Оставь, Хэтч, — сказал Дик. — Имей уважение к его незрячим глазам. Неужели ты хочешь обокрасть мертвеца? Смотри, он рассердится и встанет!

Хэтч несколько раз перекрестился; однако краска вернулась к его щекам, и он не хотел отказаться от своего замысла. Сундуку пришлось бы плохо, но внезапно скрипнула калитка, отворилась дверь, и в дом вошёл рослый человек в стихаре и чёрной рясе, на вид лет пятидесяти, румяный и черноглазый.

— Эппльярд! — проговорил вошедший и вдруг замер. — Дева Мария! — воскликнул он. — Да защитят меня святые! Что это за шутки?

— Скверные шутки, сэр священник, — ответил Хэтч без особенного уныния в голосе. — Эппльярда застрелили у дверей его собственного дома, и теперь он входит во врата чистилища. Там, если говорят правду, ему не понадобится ни кадило, ни свечка.

Сэр Оливер с трудом добрался до табуретки и сел на неё, дрожащий и бледный.

— Вот он, божий суд! О, какой удар! — произнес он сквозь слёзы и начал торопливо бормотать молитвы.

Хэтч набожно снял свой шлем и опустил на колени.

— За что его убили, Беннет? — спросил священник, очнувшись. — И кто это сделал?

— Вот стрела, сэр Оливер, Посмотрите, что на ней написано, — сказал Дик.

— Такое имя противно даже выговорить! — воскликнул священник. — Джон Мщу-за-всех! Вполне подходящее прозвище для еретика! И зловещая чёрная стрела! Господа, эта стрела мне не нравится. Надо посоветоваться. Кто бы это мог быть? Подумать, Беннет,

кто из бесчисленных наших недоброжелателей способен с такой дерзостью выступить против нас? Симнэл? Сомневаюсь. Уаврэдия? Нет, до этого они ещё не дошли; они ещё надеются победить вас с помощью закона, когда переменятся времена. Может быть, Саймон Мэлмсбэри. Как думаешь, Беннет?

— А не кажется ли вам, сэр. — сказал Хэтч, — что это Эллис Дакуорт?

— Нет, Беннет, никогда! Нет, не он, — проговорил священник. — Бунт, Беннет, никогда не начинается снизу, — все здравомыслящие летописцы сходятся в этом. Бунт всегда идёт сверху вниз; когда Джи, Томы и Гарри хватаются за свои алебарды, взглядишь внимательно и увидишь, кому из лордов это выгодно. Сэр Дэниэл, как известно, снова примкнул к партии королевы и в милости у лордов партии Йорка. Они-то и нанесли нам удар, Беннет. Подробности я ещё выясню, но главное мне уже ясно.

— Прошу прощения, сэр Оливер, но вы не правы, — сказал Беннет. — В стране начинается пожар, и я давно уже чую запах гари. Бедный грешник Эппльярд тоже чуюл этот запах. С вашего позволения, народ так ненавидит всех нас, что для бунта не нужно ни Ланкастера, ни Йорка. Скажу вам без обиняков: вот вы оба, служитель церкви и лорд, держащий нос по ветру, разоряете, грабите, избиваете и вешаете людей направо и налево. Сколько бы вас ни привлекали к суду, закон — каким уж образом, я не знаю, — всегда оказывается на вашей стороне. Вы думаете, на том и делу конец? Как бы не так! С вашего позволения, сэр Оливер, избитый и ограбленный вами человек непременно затаит ярость, и в какой-нибудь несчастный день, когда его попутает нечистый, он возьмет свой лук и всадит в вас стрелу длиною в целый ярд.

— Ты всё врешь, Беннет, и твоё счастье, Беннет, что я ни во что не ставлю твою болтовню, — сказал сэр Оливер. — Ты пустомеля, Беннет, болтун и трещотка! У тебя рот до ушей, Беннет, и я очень советую тебе его сократить.

— Я не скажу больше ни слова. Пусть будет по-вашему, — ответил Хэтч. Священник встал с табуретки и из футляра, висевшего у него на груди, вынул сургуч, свечку, кремь и огниво. Хэтч уныло смотрел, как он накладывает печать сэра Дэниэла на шкаф и на сундук. Когда печати были наложены, все трое осторожно выскользнули из дома и добрались до своих коней.

— Нам пора уже быть в пути, сэр Оливер, — сказал Хэтч, помогая священнику всунуть ногу в стремя.

— Много изменилось, Беннет, — ответил священник. — Я хотел оставить Эппльярда в замке, но Эппльярд убит, упокой господи его душу! Я оставляю тебя, Беннет. Я хочу, чтобы

в эти дни, когда кругом летают чёрные стрелы, возле меня был верный человек. «Стрела во дне летящая», говорится в Евангелии; не помню, как там дальше, я нерадивый священник, я слишком погружён в мирские дела. Скорей, скорей, Хэтч! Всадники, наверное, уже у церкви.

Они помчались по дороге; ветер раздувал полы священнической рясы; за их спинами медленно подымавшиеся тучи уже скрыли солнце. Они проскакали мимо трёх домиков, раскинувшихся на окраине деревушки Тэнстолл, свернули на повороте и увидели церковь.

Перед нею толпилась дюжина домишек, а за нею начинались луга. У ворот кладбища собралось — человек двадцать; одни уже сидели в сёдлах, другие стояли возле своих лошадей. Вооружены они были кое-как и все по-разному: у одного копье, у другого алебарда, у третьего лук; на многих лошадях ещё не засохла грязь пашни: это были самые захудалые из местных крестьян, так как все лучшие кони и люди давно уже ушли в поход вместе с сэром Дэниэлом.

— Клянусь крестом Холивуда, отряд неплохой! Сэр Дэниэл будет доволен, — сказал священник, подсчитывая воинов.

— Кто идёт? — проревел Беннет. — Стой, если ты честный человек!

Кто-то крался по церковному двору между вязами; услышав окрик Хэтча, незнакомец перестал скрываться и со всех ног бросился к лесу. Люди, стоявшие в воротах, только сейчас увидели незнакомца и встrepенулись. Пешие кинулись к лошадям, верховые сразу поскакали в погоню; но им пришлось огибать церковь и кладбище, и скоро стало ясно, что добыча ускользнёт от них. Хэтч, громко ругаясь, хотел перескочить через изгородь, но конь его отказался прыгать, и всадник шлёпнулся в пыль.

Хотя он сразу же вскочил на ноги и схватил коня за узду, время было упущено, и беглец находился уже так далеко, что не оставалось никакой надежды догнать его.

Умнее всех поступил Дик Шелтон. Вместо того, чтобы напрасно гнаться за беглецом, он снял со спины свой арбалет, натянул его и вложил в него стрелу; потом повернулся к Беннету и спросил, нужно ли стрелять.

— Стреляй! Стреляй! — закричал священник с кровожадной яростью.

— Попадите в него, мастер Дик, — сказал Беннет. — Пусть он свалится, как спелое яблочко.

Беглецу оставалось сделать всего несколько прыжков, чтобы оказаться в безопасности, но конец луга круто подымался вверх по склону холма, и бежать

приходилось медленно. Уже начались сумерки, и попасть в бегущего человека было нелегко. Целясь, Дик почувствовал нечто вроде жалости; по правде сказать, он хотел бы промахнуться. Стрела полетела.

Человек споткнулся и упал; Хэтч радостно вскрикнул, и все кругом закричали. Но радовались они преждевременно. Человек с лёгкостью поднялся, издевательски махнул им на прощание своей шляпой и исчез в чаще леса.

— Чума его возьми! — крикнул Беннет. — У него ноги быстрые, как у вора, клянусь святым Бенбери! Однако вы его ранили, мастер Шелтон. Он украл вашу стрелу, но я о ней не жалею!

— Зачем он тут шатался, возле церкви? — спросил сэр Оливер. — Чует моё сердце, что не к добру. Клипсби, дружок, слезь с коня и пошарь хорошенько среди вязов.

Клипсби скоро вернулся с какой-то бумагой в руках.

— Вот этот листок был приколот к церковным дверям, — сказал он, подавая его священнику. — Больше я ничего не нашёл, сэр.

— Клянусь могуществом нашей матери-церкви, — вскричал сэр Оливер, — это похоже на святотатство! Только королю или лорду можно разрешить вывешивать приказы на церковных дверях. Но чтобы всякий бродяга в зелёной куртке мог прибивать бумаги к церковным дверям! Нет, это слишком похоже на святотатство. Многих сжигали и не за такие преступления! Но что здесь написано? Смотрите, как скоро стемнело! Мастер Ричард, дружок, у тебя молодые глаза. Прочти мне, пожалуйста, эту писульку.

Дик Шелтон взял у него бумагу и прочёл её вслух. Это были грубые, кое-как срифмованные вирши, полуграмотно написанные крупными буквами:

Четыре я стрелы пущу,
И четверым я отомщу,
Злодеям гнусным четверым,
Старинным недругам моим.
Одной стрелы уж нет — пронзён Злой Эппльярд, и умер он.
Стрела вторая ищет встреч
С тобою, мастер Беннет Хэтч.
Третьей стреле сэр Оливер мил,
Что Гарри Шелтона убил.
Сэр Дэниэл, исчадьё зла,

Тебе четвёртая стрела! Они черны и до конца
Вонзятся в чёрные сердца!
Они без промаха летят
И никого не пощадят.

Джон Мщю-за-всех из Зелёного леса и его веселые товарищи.

Кстати, у нас в запасе есть стрелы и хорошие пеньковые верёвки для всех ваших сторонников.

— Куда девалось милосердие? Где христианские добродетели? — горестно воскликнул сэр Оливер. — Господа, мы живём в скверном мире, и с каждым днём он становится все хуже! Я готов поклясться на кресте Холивуда, что я так же неповинен в убийстве славного рыцаря, о котором здесь говорится, как новорождённый младенец! Да никто его не убивал! Это — заблуждение, есть ещё живые свидетели.

— Напрасно вы об этом говорите, сэр священник, — сказал Беннет. — Совсем ненужный разговор.

— Нет, мастер Беннет, ты не прав. Знай своё место, добрый Беннет, — ответил священник. — Я докажу свою невиновность. Я вовсе не желаю быть убитым по ошибке. Беру всех в свидетели, что я чист в этом деле. В то время меня даже не было в замке Мот. Меня отослали куда-то по делу, когда ещё не было девяти часов.

— Сэр Оливер, — перебил его Хэтч, — так как вам не угодно прервать эту проповедь, я приму свои меры. Гофф, труби, чтобы садились на коней.

Пока трубила труба, Беннет подошёл вплотную к удивлённому священнику и яростно зашептал ему в ухо.

Священник взглянул на Дика Шелтона с испугом, и Дик заметил этот взгляд. Дику было над чем пораздумать. Ведь сэр Гарри Шелтон был его родной отец. Но он не сказал ни слова, и ни один мускул не дрогнул на его лице.

Хэтч и сэр Оливер между тем обсуждали изменившуюся обстановку. В замке Мот решено было оставить десять человек — они же должны были охранять священника на его пути через лес. Так как Беннет теперь оставался при гарнизоне, командование отрядом, который отправляли на подкрепление к сэру Дэниэлу, поручили Дику Шелтону. Другого выбора не было: отряд состоял из тёмных, неповоротливых людей, неопытных в военном деле, а Дика любили: он был смел и не по годам рассудителен. Хотя всю юность свою он прожил в глуши, он получил кое-какое образование: сэр Оливер выучил его грамоте, а

Хэтч — владеть оружием и командовать войсками. Беннет Хэтч всегда хорошо относился к Дику; он был из тех людей, которые жестоки к врагам, но по-своему, грубовато преданны друзьям. И теперь, когда сэр Оливер скрылся в ближайшем доме, чтобы написать своим чётким, красивым почерком донесение обо всех последних событиях сэру Дэниэлу Брэкли, Беннет подошёл к своему ученику, чтобы пожелать ему успеха.

— Идите дальним путём, в обход, мастер Шелтон, — сказал он. — Держитесь подальше от моста, если вам дорога жизнь. Пусть в пятидесяти шагах перед вами всё время идёт верный человек. Соблюдайте осторожность, пока не минуете лес. Если негодяи нападут на вас, удирайте. Принимать бой вам не следует: вас слишком мало. И удирайте вперёд, мастер Шелтон, а не назад, если вам дорога жизнь; помните, что здесь, в Тэнстолле, некому вам помочь. Так как и вы отправляетесь на великую войну за короля и я остаюсь здесь, где жизни моей грозит опасность, и так как только святые знают, увидимся ли мы ещё с вами на этом свете, позвольте дать вам моё последнее напутствие: остерегайтесь сэра Дэниэла. Доверять ему нельзя. Не полагайтесь на этого шута священника: он не злой человек, но он исполняет чужую волю; он орудие сэра Дэниэла! Там, куда вы направляетесь, найдите себе хорошего покровителя; приобретайте дружбу сильных людей. И поминайте в своих молитвах Беннета Хэтча. На свете немало негодяев и хуже Беннета. Желаю вам удачи!

— Да поможет тебе бог! — ответил Дик. — Ты всегда относился ко мне по-дружески, и я этого не забуду.

— Послушайте, — прибавил Хэтч смущённо, — если этот Мщу-за-всех проткнёт меня стрелой, пожертвуйте золотую марку, — нет, лучше целый фунт, за упокой моей бедной души. А то, боюсь, как бы мне не пришлось скверно в чистилище.

— Твоя воля будет исполнена, Беннет, — ответил Дик. — Но ты напрасно тревожишься, друг. Там, где мы с тобой скоро встретимся, тебе будет нужней эль, чем заупокойная обедня.

— Дай-то бог, мастер Дик! — сказал Хэтч. — Но вот идёт сэр Оливер. Если бы он так же ловко владел луком, как владеет пером, из него вышел бы славный воин.

Сэр Оливер вручил Дику запечатанный пакет, на котором было написано: «Моему глубокопочтимому господину сэру Дэниэлу Брэкли, рыцарю. Передать немедленно».

Дик сунул пакет за пазуху, приказал отряду следовать за собой и двинулся из деревушки на запад.

2. Исторические события и приключенческий роман

Ответы на вопросы:

— Что возвестил «Пролог»?

— Где и в какое время происходит действие в романе?

— Что лежит в основе конфликта: исторические события, возмущение народа или индивидуальная месть? Чем больше заинтересован автор — правдивым изображением средневековой истории или созданием драматических ситуаций, в которых действуют сильные и мужественные характеры?

— Как вы думаете, какой роман перед вами: приключенческий или исторический? Сначала подумайте, как можно определить жанр произведения, а потом его разновидность.

— Почему роман называется «Чёрная стрела», а не «Война Алой и Белой розы» или как-то иначе?

3. Домашнее задание

Сравнить романы Вальтера Скотта («Айвенго», «Квентин Дорвард», «Роб Рой», «Талисман, или Ричард Львиное Сердце в Палестине», «Пират», «Пертская красавица, или Валентинов день», «Гай Маннеринг, или Астролог») с романами Р. Л. Стивенсона «Остров сокровищ» и «Чёрная стрела», чтобы выяснить различие в подходе к событиям истории.

Урок 101. Зарубежная проза о животных.

Э. Сетон-Томпсон. «Королевская Аналостанка»

1. Проза о животных Э. Сетона-Томпсона.

Рассказ «Королевская Аналостанка»

Рассказ «Королевская Аналостанка» канадского писателя Эрнеста Сетона-Томпсона входит в цикл замечательных «Рассказов о животных». Это захватывающая история трущобной кошки, которую выдали за породистую и

продали богатым людям. Но несмотря на сытую жизнь, свободолюбивая кошка сбегает от своих хозяев и возвращается в родные трущобы.

Чтение рассказ Э. Сетона-Томпсона «Королевская Аналостанка».

Королевская Аналостанка

(в сокращении)

ЖИЗНЬ ПЕРВАЯ

1

— Мя-я-со! Мя-я-со! — пронзительно разносилось по Скримперскому переулку.

Все кошки околотка сбегались на этот призыв. А собаки отворачивались с презрительным равнодушием.

— Мя-я-со! Мя-я-со! — раздавалось всё громче и громче.

Наконец появился грязный, всклокоченный человек с тачкой. Со всех сторон к нему спешили кошки. Через каждые пятьдесят шагов, как только кошек собиралось достаточно, тачка останавливалась. Человек доставал из ящика вертел, унизанный кусочками сильно пахнущей варёной печёнки. Длинной палкой он поочередно спихивал эти кусочки с вертела. Каждая кошка хватала по куску, прижав уши, и, метнув злобный взгляд, с урчаньем бросалась прочь, чтобы насладиться добычей в надёжном убежище.

— Мя-я-со! Мя-я-со!

Все новые и новые пенсионерки прибывали за своими порциями. Все они были хорошо известны продавцу печёнки. Вот Тигровая — Касильоне, вот Чёрная — Джонса, вот Черепеховая — Пралицкого, вот Белая, принадлежащая мадам Дантон. Там вон крадётсЯ Ангорская — Бленкинсгофа. А тот, что залез на тачку, старый Оранжевый Билли — кот Сойера, наглый плут, хозяин его очень плохо платит. Каждого надо помнить. Вот бежит кошка, хозяин которой аккуратно вносит свои десять центов в неделю. Зато вот та, другая, ненадежна. А вот кот Джона Уаши: этот получает кусочек поменьше, потому что Джон задерживает платёж. Разукрашенный ошейником и бантами крысолов трактирщика получает добавочную порцию в награду за щедрость хозяина. Не менее счастлива и кошка сборщика податей, хотя сборщик не даёт, а требует деньги. Вот доверчиво прибегает чёрная кошечка с белым носиком, но — увы!

— её беспощадно отталкивают. Бедняжка не понимает, что случилось. Она получала печёнку в течение долгих месяцев. Почему такая жестокая перемена? Но продавец печёнки

хорошо знает, в чём дело: её хозяйка перестала ему платить. У него нет никаких книг, он руководствуется только памятью, и память его никогда не обманывает.

Кошки, не числившиеся, так сказать, в списках аристократии, дожидались на почтительном расстоянии, надеясь на счастливую случайность. В числе этих прихлёбателей находилась одна серая жительница трущоб, бездомная кошка, пробавлявшаяся чем бог послал, тощая и грязная. Одним глазом она следила за тачкой, а другим поглядывала, не подстерегает ли её собака. Десятки кошек удалились, получив свою долю печёнки, а у неё всё ещё не было никакой надежды на завтрак. Но вот большой кот, такой же бездомный, как и она, напал на одну из пенсионерок, чтобы отнять у неё добычу. Жертва выронила мясо, готовясь к обороне. Пока они дрались, серая трущобница схватила кусок и была такова.

Она проскользнула в боковую калитку, перескочила через заднюю стену, затем уселась, проглотила кусок печёнки, облизнулась и, блаженствуя, отправилась окольными путями к свалке, где на дне старого ящика от бисквитов дожидалось её семейство. Вдруг она услышала жалобное мяуканье. Она помчалась к своим детёнышам и увидела большого чёрного кота, преспокойно пожиравшего её котят. Кот был вдвое больше её, но она набросилась на него с такой яростью, что он, застигнутый на месте преступления, повернулся и бросился бежать. Из котят уцелел всего один — маленький серый котёнок, похожий на мать, но с чёрными полосками на спинке и белыми отметинами на носу, ушах и кончике хвоста.

Первые дни мать горевала безмерно. Но потом горе её утихло, и вся любовь и забота сосредоточились на оставшемся в живых малыше. Чёрный кот, пожирая котят, конечно, не собирался сделать доброе дело, а между тем он оказался невольным благодетелем и матери и её детеныша: легче выкормить одного котёнка, чем многих. Ежедневные поиски пищи продолжались. Продавец печёнки редко приносил ей счастье, но в мусорных ящиках всегда бывала картофельная шелуха, которой можно было заглушить голод.

Однажды ночью мать-кошка почуяла чудесный запах. Он доносился с реки. Этот запах привёл кошку в док, а оттуда — на набережную. Услыхав внезапное рычанье, она поняла, что путь к бегству отрезан её давнишним врагом, собакой с верфи. Выбора не было: она перескочила на судно, с которого доносился чудесный рыбный запах. Собака осталась на берегу, и когда утром рыбацье судно отправилось в плавание, кошка поневоле отчалила на нём, и больше её никто никогда не видел.

Напрасно дожидался матери трущобный котёнок. Утро пришло и прошло. Котёнок сильно проголодался. Перед вечером он пустился в поиски за пищей. Он вылез из ящика и стал ползать по мусорным кучам, обнюхивая всё, что казалось съедобным, но не находил ничего. Наконец он достиг деревянных ступенек, спускавшихся в подвальную лавку продавца птиц, Японца Мали. Дверь была приоткрыта. Котёнок вступил в целый мир едких и странных запахов. Он увидел множество заключённых в клетки живых существ.

На ящике в углу сидел негр. Негр заметил маленького незнакомца и стал с любопытством следить за ним. Котёнок миновал несколько клеток с кроликами, не обратившими на него внимания. Но вот он подошёл к клетке с широкой решёткой, в которой сидела лисица. Знатная дама с пушистым хвостом находилась в самом дальнем углу клетки. Она припала к земле. Глаза её загорелись. Котёнок приблизился, принюхиваясь, к решётке, просунул голову внутрь, ещё раз понюхал, затем двинулся к миске с едой — и в тот же миг был схвачен караулившей его лисицей. Послышалось испуганное «мяу!», и сразу кончилась бы кошачья жизнь, если бы не вмешался негр. Оружия у него не было, войти в клетку он не мог, но он запустил в морду лисицы такой решительный плевок, что та мгновенно выронила котёнка и забилась в угол, мигая глазами от страха.

Негр вытащил котёнка из клетки. Сотрясение ошеломило его. Малютка был невредим, но словно одурманен. Он, шатаясь, сделал несколько шагов и стал понемножку приходить в себя. Несколько минут спустя он мурлыкал на коленях у негра. Тут в лавку вернулся продавец птиц, Японец Мали. Японец Мали родился вовсе не в Японии, а в лондонском предместье. Но у него на месте глаз были такие крошечные прорезы, косо расставленные на плоском круглом лице, что настоящее его имя было забыто, и все называли его Японцем. Он не был жесток к птицам и животным, которыми торговал. Он только соблюдал свою выгоду и знал, что ему нужно. Ему не был нужен трущобный котёнок. Негр накормил малыша всласть, затем отнёс его в отдалённый квартал и покинул там на дворе железного склада.

Одного обильного обеда вполне достаточно на два-три дня. Наевшийся котёнок был очень оживлён и весел. Он обрыскал груды мусора, любопытно поглядывал на висевшие за окнами далёкие клетки с канарейками, заглянул через забор, увидел большую собаку,

потихоньку спустился обратно, разыскал защищённое местечко на самом припёке и проспал там целый час.

Его разбудило лёгкое фыркание. Перед ним стоял большой чёрный кот со сверкающими зелёными глазами. На одной щеке его белел рубец, и левое ухо было прорвано. Глядел он совсем неприветливо. Уши его шевелились, хвост подергивался, и в горле раздавалось глухое клокотанье. Котёнок простодушно пошёл к нему навстречу. Он не узнал губителя своих братьев. Чёрный кот потёрся мордой о тумбу, затем медленно, спокойно повернулся и исчез. Последнее, что котёнок увидал, был кончик его хвоста, подёргивавшийся вправо и влево. И малыш никогда не узнал, что был так же близок к смерти, как в ту минуту, когда отважился войти в клетку лисицы.

Вечером котёнок почувствовал голод. Он внимательно изучил длинный невидимый и разнородный поток воздуха, именуемый ветром. Выбрав наиболее интересное из его течений, он побрёл ему навстречу, повинаясь указаниям носа. В углу двора оказался ящик с мусором, в котором ему удалось разыскать немного пищи. Поев, он напился из кадки с водой, стоявшей под краном. Всю ночь он старательно изучал двор. Следующий день, как и предыдущий, он провёл в сладком сне на солнышке.

Так шло время. [...]

Вскоре, к своему счастью, он изобрёл новый промысел. Многие кошки топтались в напрасной надежде вокруг заманчивых бидонов с молоком, которые оставляет по утрам на порогах и подоконниках молочник. Счастливая случайность однажды натолкнула нашего котёнка на бидон со сломанной крышкой. Это научило его поднимать и целые крышки и напиваться всласть. Откупорить бутылку он, разумеется, не мог, но ему немало попадалось бидонов с плохо прилегающей крышкой. Наш котёнок усердно разыскивал такие бидоны. Мало-помалу он изучил весь свой квартал. Проникая всё дальше, он наконец снова очутился среди бочонков и ящиков заднего двора, за лавкой продавца птиц.

Двор железного склада всегда оставался для него чужим, но тут в нём сразу проснулось чувство собственности, и он отнёсся с негодованием к появлению другого котёнка. С угрожающим видом он двинулся к пришельцу. Дело уже дошло до фыркания и урчания, когда выплеснутое из верхнего окна ведро воды залило обоих и основательно охладило их пыл. Они бросились в разные стороны: незнакомец — через стену, а трущобный котёнок — под тот самый ящик, в котором он родился. Эти задворки были необычайно милы его сердцу, и он вновь обосновался здесь на жительство. В этом дворе

пищи было так же мало, как в прежнем, и вовсе не было воды, но зато его посещали вкуснейшие мыши. Благодаря этим мышам наш котёнок скоро нашёл себе друга.

4

К этому времени котёнок превратился уже в большую, красивую кошку, пятнистую, словно тигр. Её бледно-серую шкурку украшали чёрные полосы, а четыре белых пятна на носу, хвосте и ушах придавали ей чрезвычайно изящный вид. Несмотря на то что она отлично умела отыскивать пищу, ей иной раз приходилось голодать по нескольку дней, и тогда она снова безуспешно принималась охотиться за воробьями. Она была совсем одинока.

Однажды в августе, когда киска нежилась на солнце, она увидела большого чёрного кота, который шёл прямо к ней. Она тотчас узнала его по рваному уху, попятилась к своему ящику и спряталась в нём. Чёрный осторожно двигался вперёд, легко перепрыгнул со стены на сарай в конце двора и стал переправляться через его крышу, как вдруг перед ним вырос жёлтый кот. Чёрный уставился на него с рычаньем, жёлтый отвечал тем же. Хвосты их злобно извивались. Крепкие глотки рычали и урчали. Они приблизились друг к другу с прижатыми к затылку ушами, с напряжёнными мускулами.

— Яу-яу-уау! — сказал чёрный.

— Уау-у-у! — прозвучал в ответ здоровенный бас.

— Я-уау-уау-уау! — сказал чёрный, придвигаясь на четверть дюйма ближе.

— Яу-у-у! — ответил жёлтый. Выпрямившись во весь рост, он с необычайным достоинством сделал шаг вперёд. — Яу-у! — И он ступил ещё раз, хлеща себя по бокам хвостом.

— Я-уау-яу-у! — взвизгнул чёрный, повышая тон, и отступил на осьмушку дюйма перед широкой непреклонной грудью противника.

Вокруг открывались окна, слышались людские голоса, но кошачья ссора не прерывалась.

— Яу-яу-у! — загремел жёлтый, понижая голос по мере того, как голос чёрного повышался. — Яу! — И он шагнул вперёд.

Теперь между их носами было каких-нибудь три дюйма. Они стояли боком, оба готовые вцепиться друг в друга, но дожидаясь, чтобы начал враг. Минуты три они молча пожирали друг друга глазами, неподвижные, как изваяния; шевелились только кончики их хвостов.

Затем жёлтый начал снова:

— Я-у-у! — низким басом.

— Я-а-а-а! — завизжал чёрный, стараясь вселить ужас своим воплем, но в то же время отступая на одну шестнадцатую дюйма.

Жёлтый ступил вперёд на полдюйма. Теперь усы их смешались. Ещё шаг — и носы их чуть не столкнулись.

— Я-у-у! — злобно прорычал жёлтый.

— Я-а-а-а-а! — взвизгнул чёрный, отступая на тридцать вторую часть дюйма.

Жёлтый воин ринулся вперёд и вцепился в него.

О, как они кувыркались, кусались и царапались! Как они кусали, таскали и мяли друг друга! Особенно отличался жёлтый.

Кубарем, через голову, иногда один сверху, иногда другой, но чаще жёлтый, они катились всё дальше и дальше, пока не свалились с крыши под радостные крики зрителей, толпившихся у окон. Даже во время падения они продолжали мять и царапать друг друга. Особенно больно царапался жёлтый.

Когда они коснулись земли, верхним оказался жёлтый. И когда они наконец расстались, каждому досталось вдоволь и в особенности чёрному. Он взобрался на стену и, ворча, истекая кровью, исчез, в то время как от окна к окну передавалась весть, что наконец-то Оранжевый Билли как следует отдул Чёрного Нига.

Либо жёлтый кот был очень искусный сыщик, либо трущобная киска не слишком усердно пряталась, но он нашёл её среди ящиков, и она не пыталась бежать. Ничто так не покоряет женское сердце, как победа на поле боя. Жёлтый кот и киска вскоре подружились. Не то чтобы они делили жизнь и пищу — это не в обычае у кошек, — они только признавали друг за другом особые приятельские права.

5

Сентябрь прошёл. Наступили короткие октябрьские дни, когда в старом ящике из-под бисквитов произошло важное событие. Если бы сюда явился Оранжевый Билли, он увидел бы пятерых котят, свернувшихся в объятиях своей матери, маленькой трущобной кошечки. Настало и для неё счастливое время. Она испытывала величайший восторг, она облизывала их с нежностью, удивившей бы её самое, если бы она только была способна рассуждать.

В её безрадостную жизнь вошла радость, но прибавилось также и забот. Теперь все её силы уходили на поиски пищи. Заботы увеличивались по мере того, как росли котята.

Через шесть недель они начали вылезать из ящика и лазили всюду каждый день, как только мать уходила на промысел.

В трущобном мире хорошо известно, что беда идёт тучей, а счастье — полосой. Киска пережила три схватки с собаками и получила несколько кирпичей от негра — слуги Японца Мали. Затем произошёл перелом. На следующее же утро она нашла молочный бидон без крышки, успешно ограбила одного из пенсионеров тачки и отыскала большую рыбью голову — всё это в каких-нибудь два часа. Возвращаясь домой с тем чувством безмятежного покоя, какое может дать один только полный желудок, она увидела у себя на дворе маленькое коричневое существо. Киска вспомнила прежние свои охоты. Она убила и съела не одну мышь на своём веку и решила, что этот коричневый зверь, вероятно, крупная мышь с коротким хвостом и большими ушами.

Она подкрадывалась к нему с ненужной осторожностью. Маленький кролик только выпрямился и, казалось, потешался над нею. Он и не пытался бежать, и кошка без труда схватила его.

Так как ей не очень хотелось есть, она отнесла его к ящику и бросила на кучу котят. Ему не очень было больно. Он скоро оправился от страха и, видя, что не может выбраться из ящика, пристроился к котяткам. Когда же они начали ужинать, он без колебаний присоединился к ним. Кошка опешила. Охотничий инстинкт одержал было верх над всем остальным, но она была сыта, и это спасло кролика. В нашей киске проснулся материнский инстинкт, и она стала кормить кролика своим молоком.

Кролик сделался членом семьи и стал пользоваться уходом и пищей наравне с котятками.

Прошло две недели. Котята весело резвились среди ящиков в отсутствие матери, кролик же не мог выбраться наружу. Увидав котят на заднем дворе, Японец Мали приказал своему негру перестрелять их, что тот и проделал в одно прекрасное утро, вооружившись двадцатидвухдюймовой винтовкой. Он застрелил одного за другим всех котят. Вдруг на стене показалась взрослая кошка с крысой в зубах. Он готовился застрелить также и её, но вид крысы изменил его намерение: кошка-крысолов достойна жить. [...]

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

6

Японец Мали был самый плутоватый из сынов лондонского предместья, когда-либо торговавших дешёвыми канарейками в подвальном этаже. Он был очень беден, и негр жил

с ним потому только, что уроженец Лондона соглашался делить с ним стол и кровать и вообще считал его равным себе, в то время как американцы обращаются с неграми, словно с собаками.

Японец считал себя честным человеком, хотя всем было известно, что зарабатывал он укрывательством краденых собак и кошек. С полдюжины канареек служили просто-напросто ширмой. Однако Японец не унывал. Он по-своему был не лишён честолюбия и любил, чтобы его считали знатоком своего дела. Однажды он даже отважился представить кошку на великосветскую выставку общества Никербокер, руководясь тремя довольно-таки смутными целями: во-первых, для удовлетворения своего самолюбия; во-вторых, ради дарового входа на выставку; а в-третьих, «надо, знаете ли, присматриваться к дорогим кошкам, если уж занимаешься кошачьим делом». Но выставка была великосветская, и жалкая ангорская полукровка была отвергнута с негодованием.

Единственными интересными для Японца газетными столбцами были те, где помещались объявления о пропаже и находке собак и кошек. Однажды он вырезал и сохранил заметку «о продаже кошек на мех». Этот клочок бумаги был пришпилен к стене лавчонки, и он заставил Японца приняться за жестокий опыт над трущобной кошкой. Прежде всего он вымазал её грязную шкуру особым снадобьем для уничтожения, насекомых. Затем основательно вымыл её в тёплой воде с мылом, невзирая на вопли, когти и зубы. Киска была в ярости. Но когда она стала подсыхать, шерсть её распушилась, сделалась необыкновенно чистой и мягкой. Японец и его помощник были очень довольны своим опытом. Впрочем, это было только начало: самый опыт ещё предстоял впереди. «Для улучшения меха успешнейшим средством является обилие маслянистой пищи и постоянное пребывание на холодном воздухе» — гласила газетная заметка.

Зима была уже на носу, и Японец Мали выставил клетку киски во двор, защитив её только от дождя и ветра. Он принялся кормить её сколько влезет жмыхами и рыбьими головами.

Через неделю уже наступила заметная перемена. Кошка с каждым днём становилась сытее и пушистее; ей нечего было делать, как только набираться жиру и ухаживать за своей шерстью. Клетка содержалась в чистоте, и так как природа, откликаясь на холодную погоду и маслянистую пищу, делала кошачью шубку с каждым днём всё пышнее и блестящее, к половине зимы трущобная киска превратилась в кошку редкостной красоты, с чудесной, пушистой шерстью, разрисованной прекрасными полосами. Японец был очень доволен результатом опыта и возмечтал о небывалой славе. Почему бы не

послать киску на приближающуюся выставку? Но после прошлогодней неудачи он стал осторожнее.

— Видишь ли, Сэмми, — сказал он негру, — предлагать её как бродячую кошку не годится. Но мы умаслим Никербокеров. Прежде всего необходимо хорошее имя. Ты понимаешь сам, что здесь нужно что-нибудь «королевское», — ничем так не проймёшь Никербокеров, как чем-либо «королевским». Что ты скажешь, например, о Королевском Дике или Королевском Сэме? Однако постой, это всё мужские имена. Скажи-ка, Сэмми, как звали тот остров, где ты родился?

— Остров Аналостан был моей родиной, сэр.

— Здорово! Королевская Аналостанка, чёрт возьми! Единственная Королевская Аналостанка с аттестатом на всей выставке. Умора, да и только!

И оба захохотали во все горло.

— Придётся только заготовить аттестат.

И друзья принялись за сочинение подробной поддельной родословной. Однажды в сумерки, украсившись взятым напрокат цилиндром, Сэм вручил кошку и её аттестат распорядителям выставки. [...]

Послушайте-ка, куда вы лезете? — заворчал директор на обтрёпанного человека, нетерпеливо оттеснившего художника от аристократического животного.

Но обтрёпанный человек хотел во что бы то ни стало узнать, где водятся породистые кошки. Он мельком взглянул на клетку и прочёл ярлык, гласивший, что «голубая лента и золотая медаль выставки общества Никербокер выданы чистокровной, снабжённой аттестатом Королевской Аналостанке, вывезенной и выставленной известным любителем Я. Мали, эсквайром. (Не продаётся)». Японец перевёл дух и снова взглянул. Да, сомнений нет: там, высоко, на бархатной подушке, в золочёной клетке, под охраной четырёх полицейских, красуясь бледно-серой с ярко-чёрными полосами шубкой, чуть-чуть прижмурив голубоватые глаза, лежала его трущобная киска. Ей было очень скучно. Она не ценила поднятого вокруг неё шума.

7

Японец Мали целыми часами простаивал около клетки, упиваясь своей славой. За всю свою жизнь впервые он так прославился. Такая слава ему никогда даже не снилась. Однако он понял, что будет разумнее держаться в тени и предоставить ведение дела своему «дворецкому».

Всем своим успехом выставка была обязана трущобной киске. С каждым днём цена кошки росла в глазах её владельца. Он не имел понятия о тех ценах, какие иной раз выручаются за кошек, и думал, что содрал целое состояние, когда его «дворецкий» дал директору разрешение продать Аналостанку за сто долларов.

Вот каким образом случилось, что трущобница переселилась с выставки в роскошный дом на Пятой авеню. Она сразу выказала необъяснимую дикость. Однако её нелюбовь к ласкам была истолкована как аристократическое отвращение к фамильярности. [...]

Но за ней строго следили, никогда не выпускали во двор. Тем не менее в один мартовский вечер Королевская Аналостанка улучила минутку, когда мусорные ящики выставлялись во двор, выскользнула за дверь и была такова. [...]

— Слышь-ка, хозяин, поди сюда! Королевская Аналостанка вернулась домой.

Когда Японец вышел на порог, кошка перескакивала через крышу. Оба принялись звать громкими и в то же время умильными, заискивающими голосами: «Кис-кис! Бедная киска! Иди сюда, киска!» Но киске они не нравились, и она отправилась в прежние свои дебри.

Королевская Аналостанка оказалась для Японца настоящим кладом. На полученные за неё сто долларов он купил немало новых пленников и всяких нужных вещей. Поимка «её величества» казалась ему поэтому чрезвычайно важным делом. Пустили в ход протухшую говядину и прочие неотразимые приманки, и в конце концов киска, измученная голодом, подкралась к большой рыбьей голове, положенной в ящик с ловушкой. Негр дёрнул верёвку, крышка захлопнулась, и минуту спустя Королевская Аналостанка снова была водворена среди пленников подвала. Между тем Японец погрузился в газетные объявления. Вот оно: «5 долларов награды» и т. д. В тот же вечер «дворецкий» мистера Мали явился в отель на Пятой авеню с пропавшей кошкой.

— Поклон от мистера Мали, сэр. Королевская Аналостанка возвратилась к своему прежнему владельцу, сэр. Мистер Мали очень рад вернуть вам Королевскую Аналостанку, сэр.

Разумеется, не могло быть и речи о вознаграждении мистера Мали, но «дворецкий» дал понять, что охотно примет обещанную награду «на чай».

Надзор за киской после этого усилился. Но вместо того чтобы разочароваться в прежней голодной жизни и радоваться уютному углу, она становилась всё более дикой и раздражительной.

Весна трудилась изо всех сил, насколько это только возможно в Нью-Йорке. Грязные воробьи дрались и барахтались под водосточными трубами. Коты вопили по ночам на крышах, а семейство с Пятой авеню подумывало о переезде на дачу. Уложили вещи, заперли дом и отправились в деревню, взяв с собой киску в корзине.

— Как раз то, что ей нужно: перемена воздуха и обстановки отвлечёт её от разлуки с прежними хозяевами, и она будет счастлива. [...]

Окружающие были добры до навязчивости. Всем хотелось угодить королевской особе, но почему-то никому это не удавалось, кроме большой жирной кухарки. С кухаркой киска познакомилась на кухне. Запах этой жирной женщины напоминал запах трущоб, и Королевская Аналостанка сразу заметила это. Узнав, что хозяева боятся, как бы кошка не удрала, кухарка обещала приручить её. Она проворно схватила недоступное божество в передник и совершила ужасное кощунство — смазала ей пятки салом. Киска, разумеется, возмутилась. Однако, когда её отпустили на волю, она принялась облизывать лапки и нашла в этом сале некоторое удовлетворение. Она лизала все четыре лапы в течение целого часа, и кухарка торжествующе объявила, что «теперь уж киска наверняка останется». И точно, киска осталась, но зато обнаружила поразительное и возмутительное пристрастие к кухне, кухарке и помойному ведру.

Хотя хозяева и сокрушались по поводу этих аристократических чудачеств, они тем не менее рады были видеть Королевскую Аналостанку довольной и доброй.

Спустя одну-две недели ей стали предоставлять несколько больше свободы. Её охраняли от малейшей неприятности. Собаки научились уважать её. Ни один человек, ни один мальчик в околотке не смел швырнуть камнем в знаменитую кошку с аттестатом. Пищи ей давали вдоволь, и всё же она была несчастна. Ей смутно хотелось многого; она сама не знала чего. У неё было всё, но ей хотелось чего-то другого. У неё было много еды и питья, но у молока совсем не тот вкус, когда можно пойти и лакать сколько угодно из блюдечка. Надо выкрасть его из жестяного бидона, когда подвело живот от голода и жажды, а то в нём не будет того смака — не молоко это, да и только.

Правда, за домом находился большой двор, но он весь был опоганен и отравлен розами. Даже лошади и собаки пахли не так, как следует. Вся страна была сплошной пустыней, состоящей из противных садов и лугов, без единого жилья, без единой печной трубы. Как всё это было ей ненавистно! Во всей ужасной усадьбе был один только благоуханный кустик, и тот скрывался в заброшенном углу. Она с удовольствием

пощипывала его листочки и валялась на нём. Это было единственное приятное место в усадьбе, ибо с самого приезда она не видела ни одной тухлой рыбьей головы, ни одного мусорного ящика.

Дачная местность казалась ей гнусной, некрасивой страной. Она, несомненно, удрала бы в самый первый вечер, если бы была на воле. Но воля пришла много недель спустя, а тем временем она подружилась с кухаркой. Однако в конце лета произошли события.

В деревенскую усадьбу привезли большой тюк товара из порта. Он весь пропитался острейшими и пленительнейшими ароматами порта и трущоб, и прошлое киски властно возникло перед нею. А на следующий день кухарку рассчитали и выгнали из дома. После её ухода кошка совсем осиротела. В тот же вечер младший сын хозяйки, скверный маленький американец, лишённый всякого чувства уважения к королевской крови, задумал привязать жестянку к хвосту аристократки. Киска ответила на эту вольность движением лапки, вооруженной пятью большими рыболовными крючками. Вой оскорблённой Америки взорвал американскую мать. Киска каким-то чудом увернулась от запущенной в неё с чисто женской ловкостью книжки и бросилась бежать. Побежала она, разумеется, вверх. Крыса, когда её гонят, бежит вниз, собака прямо, кошка — вверх.

Она притаилась на чердаке, укрылась от преследования и дождалась ночи. Тогда, проскользнув вниз по лестнице, она перепробовала все двери одну за другой, пока не нашла отпертую, и погрузилась в чёрную августовскую ночь. Чёрная, как смола, для человеческих глаз, для неё она была только серой. Беглянка прокралась между кустами и клумбами, щипнула на прощанье привлекательное растение в саду и отважно пустилась отыскивать свою родину. [...]

ЖИЗНЬ ТРЕТЬЯ

9

Кошки могут очень быстро влезть на дерево или на стену, но в долгом ровном беге первенство остаётся не за кошачьей припрыжкой, а за собачьей рысью. Несмотря на ровную дорогу, прошёл целый час, прежде чем она удалилась ещё на две мили.

Она устала и немножко захромала. Бедняжка собиралась уже расположиться на покой, как вдруг по ту сторону забора раздался ужасающий собачий лай. Киска в страхе рванулась вперёд и побежала изо всех сил вдоль по дороге, посматривая в то же время, не может ли собака пролезть сквозь забор. [...]

Мимо неё весь день пробегали одноглазые громовики. Но она теперь освоилась с ними и продолжала бесстрашно бежать всю ночь. Следующий день она провела в амбаре, где ей удалось поймать мышь; ночь прошла приблизительно так же, как и предыдущая, с той разницей, что ей повстречалась собака, которая загнала её далеко назад. Несколько раз её сбивали с пути перекрёстки, и она забиралась далеко в сторону, но постоянно возвращалась к прежнему направлению. Дни проходили в отыскивании пищи и увёртываниях от собак и ребятишек, а ночи — в путешествии по дороге. Беглянка начинала уставать, однако она всё подвигалась вперёд, миля за милей, к югу, все к югу. Собаки, мальчишки, громовики, голод... Собаки, мальчишки, громовики, голод... А она плелась всё вперёд и вперёд, и нос время от времени ободрял её: «Этот самый запах мы чуяли прошлой весной».

10

Так прошла неделя, и киска, грязная, хромая, без ленточки, достигла Гарлемского моста. Несмотря на прекрасный запах, мост ей не понравился. Она полночи пробродила взад и вперёд по берегу, не узнав ничего интересного, за исключением того, что мужчины так же опасны, как и мальчишки. Пришлось поневоле возвратиться к мосту. Запахи его казались ей чем-то родственным, а когда по нему пробегал одноглазый громовик, поднимался тот глухой грохот, который она слышала во время своего весеннего путешествия.

Вокруг царила ночная тишина, когда кошка вскочила на ряд брёвен и понеслась по мосту над водой. Она не пробежала ещё и третьей части пути, когда с противоположного конца моста на неё с рёвом ринулся гремющий громовик. Она сильно перепугалась, но, зная глупость и слепоту громовика, прильнула к перилам и замерла. Бестолковое чудовище, разумеется, промахнулось и пролетело мимо, и всё было бы хорошо, да только оно завернуло обратно или другое, подобное ему, внезапно запыхтело у неё за спиной.

Киска сломя голову пустилась вперёд. Быть может, она и достигла бы противоположного берега, если бы с этой стороны на неё с воплем не бросился третий красноглазый зверь. Она бежала изо всех сил, но оказалась между двух огней. Не оставалось ничего, кроме отчаянного прыжка с моста в неизвестность. Вниз, вниз, вниз... Шлёп, плеск — и она погрузилась в глубокую воду, ещё не холодную в августе, но, ах, какую противную! Она всплыла на поверхность, кашляя и отплёвываясь, оглянулась посмотреть, не гонятся ли за ней чудовища, и поплыла к берегу. Она никогда не училась плавать, а между тем плыла по той простой причине, что положение и движения кошки при плавании те же, что и при ходьбе. Попад в неприятное ей место, она, естественно, попыталась

выплыть и в результате поплыла к берегу. К которому же? Любовь к родине никогда не обманывает: единственным берегом для неё был южный, ближайший к дому. Мокрая, она вскарабкалась на илистый берег и пробралась между грудями угля и кучами сора, чёрная, замазанная и совсем не царственная, а самая обыкновенная трущобная кошка. [...]

Ещё один поворот — и она увидит знакомые здания.

Но что это? Всех зданий как не бывало! Киска не верила своим глазам, но поневоле пришлось им поверить. Там, где прежде толпились дома, виднелась пустынная путаница кирпичей,хлама и ям.

Киска обошла вокруг. Она знала по цвету мостовой, что достигла своей родины, что именно здесь жил продавец птиц, здесь находился старый двор. Но всё это исчезло, исчезло безвозвратно, унеся с собой все привычные запахи, и сердце бедняжки сжалось от полной безнадёжности. Любовь к родине была главным её двигателем. Она пожертвовала всем на свете, чтобы вернуться к дому, который перестал существовать, и впервые её отважное сердечко переполнилось отчаянием. Она обошла безмолвные кучи сора и не нашла ни утешения, ни пищи.

Разорение захватило несколько кварталов и дошло до самой реки. Это не был пожар: киска однажды видела пожар и знала, как он выглядит. Скорее, это было похоже на работу целого стада красноглазых чудовищ. Киска не подозревала о большом мосте, который собирались воздвигнуть на этом самом месте.

С восходом солнца она принялась искать пристанища. Один из соседних кварталов сохранился почти в первоначальном виде, и Королевская Аналостанка решила приютиться там. Ей были известны некоторые из тамошних ходов и выходов. Но, перебравшись туда, она была неприятно поражена обилием кошек, изгнанных, подобно ей, со старого местожительства. Теперь на каждый мусорный ящик приходилось по несколько кошек. Это означало голод, и киска, потерпев несколько дней, была вынуждена отправиться на розыски своего другого дома, на Пятой авеню. Она застала его закрытым и пустым. Прокараулив там целый день, она поссорилась с высоким человеком в синем пальто и на следующий вечер возвратилась в свою переполненную трущобу.

Прошёл сентябрь, за ним и октябрь. Многие из кошек околели с голоду или попались, по слабости, в лапы своих врагов. Но наша киска, крепкая и молодая, всё ещё была жива.

Между тем в разрушенных кварталах произошли большие перемены. Эти кварталы киска впервые увидела ночью, и тогда они были пустынные; но днём их заполняли шумные

рабочие. К концу октября там построили высокое здание, и трущобница, теснимая голодом, однажды прокралась к ведру, оставленному во дворе негром. К сожалению, ведро не было помойным. Это было ведро для мытья пола. Печальное разочарование сопровождалось, однако, некоторым утешением: на ручке оказались следы знакомой руки. В то время как она изучала их, приставленный к лифту негр появился на пороге. Несмотря на синюю ливрею, она по запаху узнала его и попятилась на другую сторону улицы. Он не сводил с неё глаз.

— Неужто это Королевская Аналостанка? Слышь-ка, кис, кис, кис-с-с! Сюда, киска, сюда! Уж и голодна-то, наверно!

Голодна! Она за несколько месяцев ни разу не поела досыта. Негр вошёл в дом и вскоре вернулся с остатками своего завтрака:

— Слышь-ка, киска, кис, кис, кис!

Еда была очень заманчива, но киска имела основания не доверять этому человеку. Наконец он положил мясо на мостовую и вошёл обратно в дверь. Трущобница осторожно подкралась, понюхала мясо, схватила его и умчалась, как тигрица, чтобы съесть добычу в безопасности.

ЖИЗНЬ ЧЕТВЁРТАЯ

11

Так началась новая эпоха. Теперь киска стала приходить к дверям дома, когда была очень голодна, и с каждым днём всё крепче привязывалась к негру. Она раньше не понимала этого человека. Он всегда казался ей врагом. А оказалось, что это её друг, единственный друг в целом свете.

Однажды ей выпала счастливая неделя: семь сытных обедов семь дней подряд. И как раз после последнего обеда ей подвернулась сочная мёртвая крыса, настоящая крыса, сущий клад. Киска ни разу не видела взрослой крысы за все свои разнообразные жизни, однако схватила находку и потащила её, намереваясь припрятать впрок. Она переправлялась через улицу у нового дома, когда показался её старый враг — собака с верфи, и она, естественно, бросилась к двери, за которой жил её друг. Как раз когда она поравнялась с ней, негр распахнул дверь, выпуская хорошо одетого человека. Они оба увидели кошку с крысой.

— Ого! Вот так кошка!

— Да, сэр, — отозвался негр. — Это моя кошка, сэр. Гроза для крыс, сэр. Всех почти переловила, сэр, вот почему она так худа.

— Не давайте ей голодать, — сказал господин, по всем признакам домохозяин. — Вы возьмётесь кормить её?

— Продавец печёнки приходит каждый день, сэр. Четверть доллара в неделю, сэр, — сказал негр, находя, что имеет полное право на добавочные пятнадцать центов за выдумку.

— Хорошо, я буду платить.

12

— Мя-я-со! Мя-я-со! — раздаётся чарующий крик старого продавца печёнки, везущего свою тачку по переродившемуся Скримперскому переулку, и кошки, как в прежние времена, стайей сбегаятся за своей порцией.

Надо помнить всех кошек, чёрных, белых, жёлтых и серых, а главное, надо держать в памяти всех их владельцев.

Обогнув угол нового дома, тачка делает непривычную в прежние времена остановку.

— Эй, вы, прочь с дороги, низкий сброд! — кричит продавец печёнки и размахивает волшебным жезлом, очищая дорогу для серой кошечки с голубыми глазами и белым носом.

На её долю выпадает самая большая порция, потому что негр разумно делит доходы пополам с продавцом печёнки. Трущобная киска удаляется со своим обедом под кров большого здания, сделавшегося её жилищем. Её четвёртая жизнь принесла ей такое счастье, о каком она и не мечтала. Вначале всё было против неё, теперь же счастье так и лезет к ней. Вряд ли она поумнела после своих странствий, но теперь она хорошо знает, чего хочет, и получает то, что хочет. Честолюбивая мечта всей её жизни также осуществилась, ибо ей удалось поймать не одного воробья, а целых двух, в то время как они дрались на мостовой.

Ей так и не удалось поймать крысу, но негр подбирает дохлых крыс, где только может, и выставляет их напоказ. Покойница лежит в сених до прихода домовладельца, затем с извинением торопливо выбрасывается вон:

— Чтоб её, эту кошку, сэр!.. Это аналостанская кровь, сэр, гроза крыс.

За это время у неё несколько раз бывали котята. Негр думает, что жёлтый кот — отец некоторых из них, и негр, без сомнения, прав.

Он продавал её несчётное количество раз со спокойной совестью, хорошо зная, что Королевская Аналостанка возвратится домой через несколько дней. Она отделалась от своей нелюбви к лифту и даже приучилась подниматься и спускаться в нём. Негр упорно утверждает, что в один прекрасный день, когда она услышала зов продавца печёнки, находясь на верхнем этаже, она ухитрилась нажать электрическую кнопку лифта и спуститься вниз.

Шерсть её по-прежнему шелковиста и прекрасна. Она числится в первых рядах кошачьей аристократии. Продавец печёнки чрезвычайно почтителен с ней. Даже вскормленная на сливках и цыплятах кошка хозяина ломбарда не занимает такого положения, как Королевская Аналостанка. А между тем, несмотря на всё её благополучие, общественное положение, королевское звание и поддельный аттестат, она никогда не бывает так счастлива, как в то время, когда ей удаётся улизнуть в сумерки и порыскать по задворкам, потому что в глубине души она осталась и всегда останется грязной трущобной кошкой.

4. Герои и их поступки

Ответы на вопросы:

— Вы прочитали рассказ Э. Сетона-Томпсона «Королевская Аналостанка». Расскажите, о чём он.

— Где и в каких условиях родилась и жила серая кошка? С какими трудностями она сталкивалась?

— Какие отношения складывались между животными, обитавшими в трущобах?

— Каким родом деятельности занимался Японец Мали?

— Японец Мали стал хорошо кормить трущобную кошку, ухаживать за её шерстью, и она превратилась в красавицу с роскошным серым мехом. Какую цель преследовал Японец Мали?

— Какое название «новой породы» для кошки придумал Японец Мали? Расскажите историю этого названия.

— Как трущобная кошка относилась к негру Сэмми в начале рассказа и как — в конце?

— Несмотря на сытую жизнь в богатой семье Королевская Аналостанка сбегала и возвращалась в свои трущобы. Как вы думаете, почему?

— Можно ли сказать, что героиня рассказа является свободолюбивой, целеустремленной, смелой кошкой? Свой ответ обоснуйте.

5. Домашнее задание

Сделать иллюстрацию к рассказу Э. Сетона-Томпсона «Королевская Аналостанка».

Прочитать другие рассказы Э. Сетона-Томпсона о животных. Написать небольшое эссе на понравившееся произведение.